

Израильский сюжет

ИРИНА ЦЫПИНА

БЕГСТВО ИЗ РАЯ

emigration.ru

**рассказы, эссе,
новеллы**

Издательское содружество
А. Богатых и Э.РАкитской
Москва – Тель-Авив
2005

УДК 821. 161. 1-1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-4

Цыпина (Азаренкова) Ирина.
Бегство из рая. Emigration.ru.:
Рассказы, эссе, новеллы. –
Издательское содружество
А. Богатых и Э.Ракитской, 2005. – 200 с.
Тель-Авив – Москва.

*«Израильский сюжет» – серия книг современной прозы,
знакомящая российского читателя
с произведениями израильских авторов,
пишущих по-русски.*

*Книгу подготовила Эвелина Ракитская
В оформлении обложки использована
репродукция с картины Сальвадора Дали.*

ISBN 5-98575-093-0 ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-4

© Ирина Цыпина (Азаренкова), 2005
© Эвелина Ракитская (Богатых),
серийное оформление обложки, 2005

Содержание:

Откровения автора.....	5
Об этой книге (Э. Ракитская).....	6
ВОСТОК – ЗАПАД (Матрица бытия) – современная эссеистика	
Между двумя мирами.....	8
Код предательства.....	11
Уроки Багдада.....	19
Женская Война.....	23
Синдром разобщения.....	27
Остров Эмиграция.....	34
Жить в Израиле.....	41
В поисках Абсолюта.....	46
Накануне.....	51
Неоконченная правда, или «Камера Обскура».....	56
Красота в эмиграции	61
В плену ассоциаций.....	67
Портрет в картинном интерьере.....	71
Визави.....	76
Гармония простых истин.....	81
Израильский «Вавилон».....	85
На обочине проблемы.....	91
Чужое безумие (Историко-философский коктейль).....	97
Emigration.ru.....	108
Израиль – Америка – Германия – Канада.....	115

GOOD BYE, NOSTALGIA (новеллы)

Лёгкий жанр «short-short»

(Вместо предисловия)..... 119

Пиковая Дама..... 120

Бегство из Рая.....128

Танцевальная импровизация.....135

Наваждение.....143

Прощание с Беатриче.....153

Оптический обман.....164

Идеальный завтрак.....170

Иерусалимский маршрут.....175

Чужая роль.....178

Виртуальный перекрёсток.....184

Эмиграция мужчины (очень личный дневник).....187

Кофейная россыпь в аромате Времени.....190

Откровения автора
Дорогой читатель!

Позволь мне сразу признаться: я бесконечно рада нашей встрече и готова пройтись с тобой в режиме реального времени по всем сюжетам моих страниц. Я не буду утомлять тебя изложением фактов своей биографии. Вся моя жизнь вплетена в мои сюжеты. Я уже давно не живу в .Ru и почти привыкла к новой средиземноморской стране, где всегда лето и не бывает зим, где много моря, солнца и наших родных соотечественников. Моя среда обитания – бездонные пространства интернета, светящийся дисплей, где работаю, вычерчивая новые архитектурные конструкции и где вечером, отдыхая, записываю в WORDe новые файлы своих впечатлений. Я очень надеюсь, что мы с тобой, дорогой читатель, близки по мироощущению, что моя жизненная философия тебе понятна и созвучна, а сюжетные линии вызовут ассоциации, которые дороги, как память всего самого светлого и высокого в жизни.

Приятного чтения, эти страницы посвящаются тебе.

Обо всём, что волнует, с чем не согласен, что восхищает, раздражает, вызывает зависть, удивление и другие эмоциональные взрывы – напиши мне, и я отвечу, постараюсь понять и принять, как это бывает у настоящих друзей.

Ирина Цыпина.
irinatsypin@bezeqint.net

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

В современном литературоведении есть такой термин «тексты». Многие поэты, прозаики, эссеисты называют свои произведения текстами, справедливо полагая, что в наше время жанры изящной словесности настолько расплывчаты, что иной раз трудно провести границу между рассказом и очерком, повестью и романом, эссе и новеллой. Вводит в нашу жизнь новые жанры и интернет. Порой это новое – хорошо забытое старое (скажем, эпистолярный жанр или дневник....). Однако стремительность обмена информацией накладывает свою печать и на эти, казалось бы, старомодные виды прозы...

Часто смешение жанров не портит современную прозу, а наоборот – делает ее легче, объемнее, свободнее.

Именно с таким случаем нам и придется столкнуться, читая книгу Ирины Цыпиной. И если уж мы закончили разговор о литературных жанрах, давайте обратимся к содержанию этой книги.

Тексты Ирины Цыпиной по определению откровенны и очень эмоциональны. Они ярко индивидуально окрашены. Порой обилие экспрессивных знаков препинания и авторских заглавных букв – не помеха, а помощь в восприятии ее взволнованной, порой переключающейся с одного на другое, речи. Кажется, Ирина торопится высказать все, что наболело за долгие годы, проведенные в эмиграции...

Эмиграция – основная тема книги. И, как водится, тут есть все ЗА и ПРОТИВ, разрыв, разлом души, мучительные противоречия и обретение себя в новой стране. Не случайно книга заканчивается словами: good bye, nostalgia...

Ирина поднимает вопросы, которых авторы-эмигранты касаются довольно редко. И поднимает их очень откровенно. Пишет она не только о себе. Например, чрезвычайно интересен коллаж из писем и дневников людей, живущих в разных странах. Увы, в этих откровениях, авторы некоторых из которых пожелали остаться неизвестными, вы не найдете радостных восхвалений жизни за пределами той страны, где они родились. Но лучше горькая правда, чем привычная ложь про «красивую» и «свободную» жизнь. Я знаю, что Ирина работала над созданием в интернете сайта, посвященного духовным проблемам эмиграции. Если бы это намерение осуществилось, сайт помог бы многим людям, еще живущим на родине, сделать свой выбор правильно, а главное — с открытыми глазами.

Но не только проблема эмиграции волнует автора. Здесь есть и тема любви, и тема вечности, и погружение в то таинственное, что не дает нам потерять вкус к жизни.

Мне кажется, стиль Ирины — не прост, многим будет нелегко воспринять его сразу, но тот, кто войдет в ее мир, прочитает книгу с интересом и до конца.

*Эвелина Ракитская,
член Союзов писателей Москвы и Израиля*

ВОСТОК – ЗАПАД (Матрица бытия) – современная эссеистика

МЕЖДУ ДВУМЯ МИРАМИ

Сперва – о странностях любви, о моде, бизнесе, ну еще о чем? Ну конечно, о жаре, ну конечно, о поездках. О работе мы не будем, надоело! В бассейне по пятницам нет людей, почти нет, и можно насладиться бирюзовой прохладой воды, тишиной, такой непривычной для Израиля. Мы приезжаем каждую пятницу утром в тихую гостиницу на берегу моря, чтобы поплавать, позагорать в маленьком оазисе беззаботности и комфорта, на несколько часов оставив все проблемы, все вопросы, все-все, что утомляет и не дает решений. Древняя китайская мудрость гласит: *«Европа – это непрерывный поток, а Восток – неподвижен»*. Но кто же тогда мы? И где среда нашего обитания? Этот непонятный Ближний Восток. Далекий и близкий, ставший данностью и судьбой, испытанием и любовью, мистикой и реальностью. Мы хотим жить здесь, но жить, как в Европе, а не получается, не удастся. Восток непредсказуемый, коварный и страшный, врезался в судьбы тысяч моих соотечественников; бездумно и беспощадно. Но сегодня не будем об этом, мы отдыхаем, а значит – о странностях любви, о моде, бизнесе, ну еще о чем?

Мы пьем горячий горький кофе, вокруг разбросаны газеты, реклама, кроссворды, и сладкий миндальный запах масла для загара напоминает забытый аромат любимых духов. А красочные газетные таблоиды кричат о кровавых ужасах на нашей Земле: искаженные ненавистью лица арабских шахидов, разорванные в клочья автобусы, вопрошающие глаза жертв. Простите за непринятое сравнение, но ЭТО ранит больше, чем Мемо-

риал Холокоста, ведь это сегодняшние карательные акции, в которых погибают безвинные наши сограждане, это сегодняшний Холокост на Земле Израиля. Но сегодня не будем об этом, уйдем от себя, как советуют психологи и призывают радио и TV. По всем каналам развлекательные передачи, легкомысленная реклама, ток-шоу на тему насилия в семье или женской эмансипации, о вреде лишнего веса и о проблемах подросткового одиночества, но есть запретная ТЕМА, ее стараются обходить молчанием.

Нас призывают играть в благополучие, нас призывают бежать от себя! Жить, как будто бы ничего не происходит, как будто бы это не у нас в Израиле: страшно зайти в кафе, страшно ехать в автобусе, страшно оказаться на людном перекрестке, страшно ехать в потоке машин, страшно посещать торговые центры и дискотеки, и еще, и еще, и еще... Если нельзя изменить ситуацию, с ней надо научиться жить. Но как? Кто научит? Легко и весело пенится горячая вода в джакузи, а потом вода в бассейне обжигает контрастной прохладой, и так хорошо, так спокойно становится на душе. Красивый, ухоженный ландшафт: цветы, яркая зелень, деревья, – все создает настроение праздника, который так хочется продлить. В эту пятницу все было как обычно: утренний кофе в бассейне, кроссворды и обычный треп по мобильнику, мало людей и вдруг... Совсем низко над головой, как на авиационном параде в Тушино, пролетают *серебристые стальные птицы*. Их было три. Нарушая сонную тишину, три самолета красиво и гордо расчерчивали небо над нами, и почему-то мне стало казаться, что я телепатически вижу лица пилотов. Сосредоточенные, волевые, нездешние. Они летели в сторону Газы, напоминая, что рядом идет война и нет еще мира под оливами. Утреннее благоденствие сразу улетучилось. Увы, все в этом хрупком мире связано невидимыми нитями, все зависимо и непрочно. А через двадцать минут эти самолеты летели назад, напоминая о том, что у нас нет права забывать. Самолеты быстро растворились в выцветшем хамсинном небе. И уже не было праздника тишины и благоденствия, хотелось домой,

спрятаться от реальности в виртуальных безднах компьютера и не выходить оттуда долго-долго. Почему-то я все уже знала, чувствовала: *совсем рядом что-то случилось...* Мы ехали молча на огромной скорости, а по приемнику диктор бесцветным голосом зачитывал экстренное сообщение, что ликвидирован особо опасный преступник, организатор террора, точечным попаданием ракеты в Газе. У меня было ощущение сопричастности, страшное и необъяснимое. Ему было 29... С террористом погибли жена и ребенок. О следующем ответном витке террора запрещают себе думать! Мы, все живущие здесь, знаем, что, увы, вслед за этим убийством будут еще акты возмездия, а мы все так беззащитны, так устали и так далеки от решения проблемы. Столько умных талантливых людей, столько хитрых политиков пишут этот бесконечный сценарий войны, но тщетно.

Запад и Восток – это как белое и черное, как пламя и лед, без полутонов; без оттенков и взаимопроникновений, и только кровавый красный цвет может существовать между этими полюсами-мирами. Восток на Востоке будет доминировать всегда, и не построить маленькую игрушечную Европу в каменном хаосе Иудейской пустыни. Мы между двумя мирами, тут действуют другие законы. Тут, перед Вечностью, человеческая жизнь – это просто пылинка в Хаосе мироздания. Здесь законы Демократии и Цивилизации просто смешны и наивны. И никакие высокие идеи и гуманитарные ценности не способны изменить этот непонятный, враждебный нам, уклад, населенный монстрами суеверий, фанатизма, ненависти и гнева. И нет ответов на поставленные вопросы, и нет спасительных решений, и нет логики в средневековых декорациях этого ирреального бесконечного сценария.

Я зажигаю Субботние свечи. Я произношу, как заклинание, Слова молитвы. Я хочу верить, что все будет прекрасно, что Новый год, ведущий свое исчисление от Начала, принесет нам долгожданный Мир и благоденствие, ведь Дух Творца живет на ЭТОЙ Земле.

«Когда же услышите о войнах и смятениях, не ужасайтесь: ибо этому надлежит быть прежде, но не тотчас конец».

(от Луки; гл.20,21)

И прости меня, мой Б-г, за произнесенные чужие слова чужой религии, но чужих истин не бывает, как не бывает чужой мудрости.

Так о чем мы – о странностях любви, о моде, бизнесе... о Политике?

КОД ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Месяц назад в залитом осенним солнцем нарядном Лондоне я видела пикеты у стен Парламента, в самом сердце европейской столицы, призывающие заклеить позором «убийц детей в Ираке и Палестине» – США и Израиль. И разорванные в клочья наши бело-голубые флаги кружил осенний ветер, напоминая, что еще так далеко до всемирного благоденствия. Туристы из благополучных стран снимали тысячами объективов эту политическую экзотику, запивая колой и безразлично жуя жевательную резинку. А по воскресеньям в Гайд-парке ораторы призывают навести порядок на Ближнем Востоке, и их глаза горят таким фанатичным, таким знакомым нам из истории, блеском.

Вспомните, как Всё начиналось, кинолента фрау Лени Рифеншталь «Триумф Воли» тоже была создана в просвещенной Европе, но можем ли МЫ, даже с оговорками, Это принять и согласиться?

О предательстве? Но без громких слов. Слова так же часто обманывают нас, как и люди, которые редко говорят то, что думают. И все же попробую провести ассоциативную схему пре-

Ирина Цыпина

дательства через несколько незначительных эпизодов, но только абстрактно, отвлекаясь от частных деталей, без мишени, без выводов, назиданий и сюжетов. Да и какие сюжеты, когда сама жизнь так мастерски умеет это делать за нас? Предают не всегда чужие, а чаще знакомые и даже близкие; не всегда осознанно и зло, а чаще бессмысленно, подчиняясь чьей-то воле, силовому импульсу, минутной выгоде. Человек слаб, увы, но в слабости, на самом дне, всегда маячит тень предательства – возможно, еще не свершенного, не осознанного, но предательства, которое несет в себе разрушительную энергию отторжения и только и ждет своего черного часа. Истории известны факты предательств не только отдельных личностей, но и целых народов, государств, этносов, религий. Но не будем обобщать. Не будем искать виновных и пострадавших. Их просто нет, как и нет единой истины, единого абсолюта, единой формулы бытия для всех.

Свои зарисовки с натуры я назову «Код предательства». Только не судите строго, ведь у каждого есть право на своё видение...

Точно знаю, что никогда не поеду в Германию, не увижу средневековых замков и Дрезденской галереи. Сикстинская мадонна и Лорелея, родина Гейне и Гете, полноводный Рейн – без меня! Я больше никогда не поеду в Польшу, не буду замирать от восторга в ослепительных костёлах Кракова, не буду растворяться в архитектурной гармонии божественных храмов. Не буду, не хочу, потому что это не мое, чужое... И не по убеждению, не по воспитанию, не по культуре, а по форме отчуждения, по примитивной дьявольской схеме, придуманной кем-то очень давно и так страшно, так жестоко и безжалостно разделяющей всех нас на этой Земле; схеме «**свои и чужие**». Поверьте, я не хочу этого, но это – реальность и ее непростительно отвергать.

Вы помните нашумевший фильм «Список Шиндлера»? Меня потрясли даже не газовые камеры, не чудовищные сцены обреченного гетто, не крупный план Катастрофы, – я была к этому подготовлена, я это знала, много читала, видела документы. Потрясли, перевернули другие кадры: организованное изгнание евреев Кракова из своих домов и квартир. В эти дома тут же вселялись немецкие офицеры, польские коллаборационисты, бывшие соседи и знакомые. Брошенные спальни, кабинеты, детские... Разорванный домашний мир. Обрывки уничтоженной жизни вчерашних владельцев. Пожелтевшие фотографии, откровенные письма, детские игрушки, подсвечники, любимые книги...

Аура изгнанных людей еще витает в этих домах. Тени и голоса будто ищут своих хозяев. Они затаились среди оставленных предметов, в пустых комнатах, в мутных осколках зеркал, так много знавших о тех, кто здесь жил. Но это уже никому не интересно. Их нет. Еще вчера здесь любили, ревновали, спорили, ненавидели, надеялись и прощали, еще вчера, а оказалось – без завтра... Их уничтожили раньше смерти: их выгнали из Дома, выгнали из жизни, предали и унизили не только очумевшие от вседозволенности враги, но и соседи, сослуживцы, одноклассники и даже друзья детства.

Красавица Польша, трудно поверить! Кто разрешил немцам, полякам, да только ли им (правильнее – европейским народам) свершить тяжкий грех предательства? Кто виноват?

А виновных в истории не бывает! Все забывается, уходит в небытие. Страшный путь изгнания евреев, путь длиною в тысячелетия, под разными флагами, лозунгами, идеями. Историческая судьба? Историческая трагедия. Человеческая... За что? И, как всегда, нет ответа.

Европейские страны с богатейшей историей, с высочайшей культурой и традициями, вы тоже, потупив взоры, наблюдали. Возможно, терзаясь мучениями совести, но при этом сохраняя безукоризненную двойную мораль, – в элегантных смокингах и ослепительно-белых перчатках, проявляя завидную стойкость и безразличие к сотням тысяч невинных жертв, сжигаемых зажи-

Ирина Цыпина

во в дьявольском пожаре Катастрофы. Да, вы изредка открывали дверь только для самых известных, самых нужных, самых одарённых, полезных для вас мучеников, даже не осознавая какой иезуитский грех лежит на этой придуманной вами селекции отбора во спасение. Адское пламя душило и жгло Европу, вас ли винить, что каждый был сам за себя?

Думали: «*Обойдётся...*» И обошлось. С казнями, потерями, разрухой, унижениями, страданиями... У Вас просто другая История, другая Судьба, свои мифы и трагедии, своя траектория во Вселенной. У нас нет пересечений.

Но стоит ли искать сочувствия у посторонних? Его просто нет на Земле, как нет ада и рая, как нет цены поступков целых стран и народов.

Я точно знаю, что никогда не поеду в страну, где зимой *«идут белые снега, как по нитке скользят...»*, где весной изумрудная прозрачная зелень, как на полотнах Куинджи и Левитана, а на каждом углу летом продают вкуснейший хлебный квас и ледяной березовый сок. Я не поеду в страну, на языке которой думаю. Не поеду! Только как же от Памяти освободиться? Ведь только в памяти продолжает жить наше уничтоженное прошлое.

И вновь продолжается предательство, и повторяется боль изгнания, горький вкус чужбины. И, как в те далекие времена разрушения Второго Храма, разрушен домашний очаг, ушло домашнее тепло, настоящее годами целых поколений. Семейные реликвии и традиции – все вычеркнуто, выброшено... Я не переступлю порог оставленной мной квартиры и не встречу с милыми людьми, которые живут там счастливо и комфортно уже много лет.

В этой просторной светлой квартире прошла вся моя жизнь: детство, школа, мальчики – девочки; здесь мы с мужем встречали гостей, устраивали полуночные кофепития с музыкой и стихами. В те далекие 70-е марочные вина были еще доступны, но

пьянели не от них, а от жизни, которая была вся впереди. Окна квартиры выходили на школьный двор, и я тихо сходила с ума, когда мой сын-первоклассник забирался на крышу школьного гаража. В этой жизни все было просто и понятно и казалось, что так будет всегда. Но так не бывает!

И уже много лет нет меня прежней в том городе, на тех улицах, в той жизни. И опять я чувствую вкус предательства, как тогда в 89-ом. Летняя сессия, май, я после приёма экзаменов вся в цветах возвращаюсь домой, и вдруг из темноты подъезда – новая соседка из квартиры напротив, всегда хмурая, неулыбчивая, почти не знакомая. Она тяжело дышит мне в лицо и, фальшиво улыбаясь, приводит меня в ошолобление:

– *Продайте мне Вашу квартиру, дочка выходит замуж, жить негде, мне так подходит этот вариант. Сейчас многие уезжают... Только не отрицайте, ведь нет свидетелей.*

– *Но почему ко мне? Мы не собираемся никуда уезжать!*

– *А ведь все равно – уедете... Подумайте, найти покупателя совсем непросто.*

Она точно знала, а я, наивная, думала, что выбор за мной, что решаю Я. Через неделю приятельница и коллега по работе как бы невзначай обронила:

– *Будешь уезжать, продай мне квартиру, мне так нравится Ваш район. Муж работает в обкоме, поможет с отъездом, ты ведь знаешь, какие это хлопоты.*

Я возненавидела ее, но она оказалась права: ровно через год ключи от квартиры, машины и гаража я небрежно швырнула на стол и подруга детства желала мне удачи, помогая паковать багаж, втайне опасаясь изменения моего решения. Я это видела, чувствовала. Писем из Израиля я ей не пишу. И она не пишет. Разные судьбы.

В воздухе витало ранее непонятное, бесцветное слово «погром», «Протоколы сионских мудрецов» неожиданно стали бестселлером. Лгали, предавали любимые писатели, артисты, кумиры юности. Я вдруг почувствовала на себе печать проклятия. В Израиле, наверное, «Список Шиндлера» все же легче

Ирина Цыпина

смотреть, чем Там и чем в Германии, где по странной иронии так много «наших». Чувство Дома не приходит сразу, здесь его надо выстрадать. Хватит ли оставшейся жизни? Только бы у детей был этот Дом, навсегда. Только бы хранил Б-г эту израненную Землю, только бы закончился террор, наше кровавое жертвоприношение.

Но не будем о грустном. Еще один сюжет, еще один штрих предательства, но не явного, а хорошо замаскированного, на подсознательном уровне.

Итак, «Русские сезоны» в Иерусалиме. Новое Время. Новый Век.

В далекие 50-е Анна Ахматова пророчески произнесла:

– Встретятся две России: та, что сажала, и та, которая сидела. Узнают ли, поймут друг друга?

Позволю провести ассоциативную параллель – *узнают ли друг друга те, кто уехал и те, кто остался?*

Встреча не заставила долго ждать. На все есть мода, и дешевые поездки в Израиль стали массовым, рядовым явлением. Ведь можно сэкономить на гостинице. Море, пальмы, экзотика. В ресторанах, кафе, магазинах обслуживают на русском, да и у каждого, если поднапрячь память, найдётся здесь хоть один знакомый из прошлой жизни. По изложенной банальной схеме я принимаю не очень близких людей Оттуда, с которыми когда-то пересекалась в юности. Экскурсионный автобус везет нас по христианским местам Иерусалима. В автобусе одни туристы. Остро чувствую себя чужой в этой толпе. Сложно объяснить, почему. Другие слова, другой сленг, другие акценты, даже модель поведения и одежда, другое время. Обрывки фраз из новых политических анекдотов: Путин, Матвиенко, Абрамович...

Беззаботные улыбки отпускников, за окном – палящее солнце, яркие цветы, эвкалипты, – фантастическое ощущение летнего отпуска в Крыму, экскурсия Дома отдыха «Южный», где-то в

каком-то 80-м году. Экскурсовод, бывший работник Эрмитажа, хорошо поставленным голосом, с драматическими паузами, рассказывает о страшной пасхальной ночи Первого Седера, ночи, известной всему миру как Тайная Вечеря, ночи предательства друзей, верных учеников, единоверцев. Может, эта далекая пасхальная трагедия и привела мой народ на Голгофу? Или через испытания и Возвращение мы познаем Истину? Каждый раз Старый Город меня завораживает своей мистикой и недосказанностью... Но эмоции так старомодны! Мои спутники приехали не за тем, они штурмуют сувенирные лавки, без сожаления расстаются с долларами, весело сметают с прилавков крестики, иконки, свечи, золотые украшения и даже бейсбольные шапочки с уродливыми пропеллерами на козырьке. Оптика самых престижных мировых фирм, позирование на фоне иконостасов и алтарей, громкое обсуждение, где выгоднее покупать золото, – в Греции или в Турции, но электронику – однозначно в Эмиратах.

На обратном пути все дружно жалеют своих знакомых, новых израильтян:

– *Что они выиграли, променяв Москву и Питер на эту Бухару? Черные от работы, в крошечных квартирках, купленных за кабальную майданту и ссуды, изнывающие от африканской жары, хамсинов и взлетающих в воздух автобусов. Чужие среди «своих». Что их держит?*

Нет, я не с Вами, Господа! Вам не понять, что есть ценности выше зеленых хрустящих купюр, выше комфорта, политики, житейской логики, престижа и успеха. Это сложно объяснить словами, это нужно прочувствовать на генетическом уровне. Просто Вас никогда не изгоняли из собственного Дома.

А перед глазами последняя Золотая осень (в Африке не знают этого времени года): отъезд, желто-багряные листья и забытые стихи уже ушедшего поэта:

*«Прощайте, прощальный свершаю обряд,
Осенние листья, как порох горят
И капли на стеклах, как слезы чисты,
Сжигаю мосты...»*

Кто ответит – это было предательство или только предчувствие Беды? В день отъезда моя квартира была похожа на кадры из знаменитой киноленты Спилберга: оставленные вещи, книги, картины, на подоконнике уже ненужные конспекты моих вчерашних лекций, холодный недопитый кофе...

*«Горящими листьями пахнет в саду
Прощайте, я больше сюда не приду.
Последние листья,
Деревья пусты.
Сжигаю мосты».*

P. S.

В День Памяти Холокоста в Израиле вся наша страна застывает на минуту в скорбном Молчании, и эти Все – единая нация: старожилы страны и олимпы, сефарды и ашкеназы, датишники и светские, молодые отвязные ребята с татуировками и девчонки с пирсингом в ноздрях и с немыслимыми бордовыми и голубыми прядями в волосах, бледные мальчики в кипах и полукриминальные на вид «качки», бедные и богатые, старые и молодые, – ВСЕ.

УРОКИ БАГДАДА

(Израильский коллаж военного времени)

То, что атака Багдада неминуема, понимали все.

Напряжение росло и уже зашкаливало безумством истерии, которую подогревали СМИ всех существующих в мире каналов информации. Обыватели спорили и делали ставки.

Интернет сотрясался от противоречий, безумных прогнозов и предчувствия чего-то глобального и неотвратимого. Аналитики подсчитывали коэффициент потерь и расстановку сил в обновленном пост-иракском мире. Фокус мирового внимания был прикован к нашему региону. В воздухе висел свинцовый запах войны.

А в непосредственной близости к месту событий находилась наша маленькая страна, не участвующая в предполагаемых военных событиях, но ожидающая гипотетических ударов от агонизирующего иракского диктатора. И в этой непростой обстановке жили тысячи моих сограждан, объединенных на какой-то миг одной судьбой, одной опасностью, одной надеждой, что Б-г не оставит, не забудет о нас. Мы все не знали – «Когда?», но четко понимали, что может быть ВСЁ.

Сегодня я уже уверенно могу сказать: мы все стали старше еще на одну ступеньку жизни, такой разной у каждого из нас. Уроки этих тревожных дней я записала, чтобы когда-нибудь рассказать.

Но прежде совсем о другом.

Когда-то мне наивно казалось, что от опасности можно убежать: улететь на самолете, уплыть морем или уехать в последнем плацкартном вагоне поезда дальнего следования, стоя в дымном тамбуре в тесной толпе, без билета, без вещей, но спа-

саясь. Теперь я точно знаю, что рецепт выживания значительно проще и сложнее. Уроки тех дней меня научили хладнокровию и почти йоговскому спокойствию. Как всегда, вдруг, неожиданно и необычно на меня снизошло откровение в виде информации самого банального образца. Гуляя по Интернету, я набрела на скучный непрофессиональный сайт пожилого эмигранта, публикующего записки из своей не очень удачной жизни.

Изложение было сбивчивым и корявым, все события его серой жизни в американской глуши были тусклыми и незначительными, но я почему-то все же задержала внимание и стала читать текст, набранный мелким нестандартным шрифтом. Кто-то давал мне сакральные знания, которые мне так здоровогодились в эти непростые предвоенные дни, кто-то мне подсказывал... только надо было его понять, расшифровать. Со страниц пахло душным старомодным стилем:

«Мой друг открыл ящик комода своей жены и достал нарядный пакетик, завернутый в подарочную бумагу. Он выбросил пакетик и горько взглянул на шелк и кружева. Это было тончайшее белье цвета взбитых сливок с серебристо-сиреневыми атласными вставками.

– Я купил ей, когда мы были в первый раз в Нью-Йорке. Это было 8 или 9 лет назад. Она никогда его не носила. Она хотела сохранить эту красоту для особого случая. И сейчас, я думаю, пришел тот момент». Он подошел к кровати и положил белье к другим вещам, взятым из похоронного бюро. Его жена умерла. Когда он повернулся ко мне, он сказал:

– Ничего не сохраняй для особенного случая; каждый день, который ты проживаешь, – это особенный случай».

А потом компьютер завис, и текст исчез в паутине интернета.

Но с этого момента мне стало легче и проще. Опасность уже не пугала, не сковывала волю, не поглощала ум, не воздействовала на эмоции. Я просто жила в сегодняшнем дне, где все было отныне важно, значительно и неповторимо.

Мы мерили всей семьей противогазы, абсолютно не думая об их страшном предназначении и очень условной эффективности. Мы покупали клейкую ленту в непривычно длинных очередях и заклеивали окна в специальной герметической комнате, закупали бутылки с минеральной водой и консервы, и еще, и еще... Но при этом эмоционально мы жили обычной жизнью, без паники и депрессий. Мы жили в своем дне, наслаждаясь самыми простыми вещами. Так, наверное, живут птицы и, наверное, так духовно был первоначально задуман наш мир.

Когда-то моя религиозная сотрудница, умница Авиталь, сказала:

– Не волнуйся, есть кому подумать о нас.

И так выразительно посмотрела на выпцветшее хамсинное небо, что невозможно было ей не поверить.

Но вернёмся к интернетному тексту незнакомого пожилого американца:

«Отныне я каждый день пользуюсь своими хрустальными бокалами. Я одеваю свой новый пиджак, чтобы пойти в супермаркет. Мои любимые очень дорогие духи я использую каждый день вместо того, чтобы наносить их только по праздникам».

Но выйдем из загадочных компьютерных лабиринтов и еще раз вспомним эти трудные дни ожидания.

Я помню, как было непривычно малоллюдно на улицах, как тревога была разлита в воздухе и как страна замерла у телевизоров. Все напряженно ждали. Но мне уже не было страшно, я жила в своем Дне, проходила свою единственную траекторию движения, а все остальное было закодировано, неизбежно и неизвестно, но Там, в дне, который еще не наступил. Помню еще огромный непривычно пустой бассейн в разгар выходного дня, в этом было что-то ирреальное. Было все, как обычно: спасатели,

тренажерные залы, сауна, но только без людей. Мы с мужем были одни в бассейне, от наших голосов в замкнутом пространстве поднималось ввысь эхо, и создавалась иллюзия, что мы проигрываем какой-то сюрреалистический сюжет. По дороге домой мы заехали в маленький придорожный ресторанчик, что на перекрестке перед поворотом в сторону Газы.

И, вдруг, я поняла, что коренным израильтянам давно известен рецепт выживания, подсмотренный мной в Интернете.

Они, как и я, жили ОДНИМ нашим светлым, солнечным днем, дыша морем и весенними цветами, которые в изобилии начинают цвести уже в феврале. Они жили, работали, отдыхали, любили, воспитывали детей, как всегда, получая максимум удовольствия от проживаемого Дня. Ресторанный зал был переполнен. Смешались иврит, русский, испанский, румынский, польский... Было весело и немножко хмельно. Хозяева ресторана угощали посетителей пивом и «Калифорнийским мерло». Пили все и не по одному бокалу. Было вкусно, сытно и очень спокойно. В углу мерцал включенный телевизор, и диктор 22-го канала зачитывал очередные сводки новостей, в районе Багдада все оставалось по-прежнему, без перемен.

Назавтра мой муж улетал в срочную командировку, и я впервые рыдала у него на плече, прощаясь в аэропорту, впервые за много лет мне было страшно расставаться. Но день, о котором пишу, остался островком моей памяти на том самом перекрестке, в том крошечном ресторанчике, где часы истории замерли в преддверии неизвестности.

Еще все были живы. Еще все можно было изменить. Еще не было атаки на Багдад, еще были живы все американские солдаты, еще не было разрушений древнейших памятников Цивилизации и мародерства, в еще не разрушенной гостинице «Палестина» беззаботно шутили журналисты, азартно ожидая драйва «настоящих» событий. Завтрашний день еще не наступил, еще никто на планете не знал, *по ком звонит колокол*.

ЖЕНСКАЯ ВОЙНА

Я записываю в память своего блокнота этот осенний день, этот час неровным, быстрым почерком. Я тороплюсь рассказать, стоя в плотной незнакомой толпе. Этих людей я вижу впервые, они непохожи, по-разному живут, говорят на разных языках, у них разные обычаи и праздники и, возможно, почти нет никаких пересечений в нашей сумбурной израильской действительности, но... Простите мою неточность, я поторопилась назвать их толпой, отныне они, даже этого не подозревая, мне – отнюдь не чужие. Ведь у нас так много общего, наши ДЕТИ.

Эти люди – родные и близкие солдат, приехавшие на военную базу на принятие Присяги. Родители и друзья, братья и сестры. Сегодня мы все объединены общей судьбой, общей опасностью, общей надеждой общей тревогой за наших ребят.

Боковым зрением отмечаю: коренным израильтянам легче – большие надежные семьи, чаще с патриархальным укладом, живущие общими интересами, едины и в праздники, и в дни испытаний. И на фоне их кланов наши одинокие группки – островки со своей болью и тревогой в антураже далеко не безоблачного бытия.

О, какая это несравненная мощь – большая семья! И почему мы вспоминаем об этом так поздно? Солнечные очки спрячут навернувшиеся слезы, их никто не должен видеть, ведь это наша обычная жизнь.

Щелкают объективы. Снимают видеокамеры. На застывших кадрах этого дня столько незнакомых лиц, с таким похожим выражением лица, в глазах застыли торжественность момента и гордость за своих новобранцев, таких красивых и сильных; отеческая тревога и смятение, немое подчинение той суровой действительности, которая становится на долгие три года нашими обычными израильскими буднями; с бессонными ночами, сумбурными телефонными звонками, мучительным ожиданием и постоянным гнетущим подсознательным страхом. Так в мою

жизнь вошла эта тема, имя которой Война. Мне казалось, что за 12 лет жизни в Израиле я так хорошо знаю эту страну, я знаю все сильные и слабые ее стороны, знаю и понимаю менталитет ее жителей, могу объяснить причины больной экономики и все вехи сложнейшей новой истории, мне ясна идеология и философия страны, живущей в зоне повышенного риска, я чувствую корни и религиозное начало древних традиций и обычаев, но... Эта ТЕМА была для меня как бы вне фокуса, тема о которой, каюсь, возможно, намеренно не хотелось говорить. Мы так часто интуитивно уходим от самого важного в жизни, проявляя иногда непростительную слабость. Но в том, что человек слаб, так страшно признаться даже себе; это опрокидывает весь код нашего воспитания, ведь нас учили идти до конца и никогда не сдаваться. О, как хочется успокоить себя, что это всё не так, что просто мы – сумасшедшие родители, склонные всё преувеличивать и драматизировать. Но в подтверждение своих истерзанных мыслей, нахожу в интернете жесткое определение сегодняшней политической ситуации в письме-эссе израильского политолога Льва Вершинина: «Мне кажется, слово «терроризм» уже ничего не объясняет, оно способно лишь запутать. Терроризма больше нет, есть война. Настоящая, полноценная, однако непохожая на предыдущие. Как, впрочем, была непохожа на предыдущие каждая по-настоящему великая война».

Помните, один из лучших романов о войне в мировой литературе – «На западном фронте без перемен» гениального Ремарка? А много ли изменилось в нашем восприятии со времён Первой мировой войны? И стал ли человек сильнее, моральнее, лучше? Ведь человеческая жизнь, уникальная и хрупкая, так беззащитна перед гигантским, безжалостным маховиком Войны, и в этом заложено чудовищное несоответствие. Война – это такая страшная ТЕМА и все, кто видел ее, – это уже другие люди, не лучше и не хуже, но другие. Война – это всегда грязная политика и грязные деньги, кровь и боль, путь в никуда, деградация и опустошение нации, а еще это тяжелейшая мужская ра-

бота, которая так часто в Израиле ложится и на нежные девичьи плечи.

Мы так часто молчим, когда надо кричать. Нам так хочется выглядеть респектабельно и благополучно, как все спокойные, цивилизованные страны, как фетишируемая Америка, как невоюющая Европа. Нам так страшно сформулировать нашу военную реальность в огромном поствоенном мире Нового Времени. Но эту Тему нельзя замалчивать, это аморально перед поколением наших детей.

Мальчики и девочки с повзрослевшими лицами, в потертых гимнастерках – это не ближневосточная экзотика, это наша жизнь и наша трудная реальность, наши воюющие дети, молодость и надежда, будущее нашей страны.

Я вспоминаю сейчас эпизод, который привел меня в шок в далеком 91-ом: переполненный иерусалимский автобус в час пик, на передних сидениях развалились двое солдат, огромные грязные ботинки закинута на противоположное сидение... Первая реакция? Ужас!!! Возмущение! Мне даже сейчас стыдно, ведь я тогда не знала НИ-ЧЕ-ГО о том, что рядом идет Война. Не знала, сколько было у них бессонных ночей, сколько километров по песку и грязи, по вязкому бездорожью прошагали они в этих самых свинцовых ботинках... Я думаю, что, живя в нашей стране, об этом надо знать, надо всегда помнить и понимать, УВАЖАТЬ эту непростую работу – защищать свою страну, пылающую сегодня в огне террора и ненависти.

Недавно крупнейший портал русской словесности в интернете, журнал «Самиздат», проводил некоммерческий конкурс женской прозы о войне, который назывался «Женская Война». «Мы – матери, сёстры, жены, дочери, подруги. Давайте, наконец, соберемся вместе и расскажем нашим мужчинам и всему миру о том, что мы думаем, о том, что мы чувствуем, когда ждем наших мужчин с войны», – обратились к авторам и посетителям сайта организаторы конкурса. На конкурсе была вся

география горячих точек планеты, с болью и правдой об Афгане и Чечне, о федералах и моджахедах, об ужасах Косово и кровавых событиях в Сумгаите, о тайнах Норд-Оста и об американских солдатах в Ираке... Это был очень честный и непредвзятый разговор о войне очень разных и не знакомых друг другу женщин. И когда я на сайте выставила, не скрою – с некоторой опаской, два своих небольших рассказа о нашей необъявленной войне, то была приятно удивлена, получив умные, честные и добрые письма, выражающие свою поддержку Израилю, боль и тревогу за нас, живущих на этой беспокойной Земле. Мне писали воины-афганцы и военнослужащие, молодые девушки и матери, и я вдруг поняла, как страшно быть в изоляции, как важно нам всем быть открытыми друг другу, уметь понимать и иногда прощать, быть вместе. Быть в большинстве. Не лебезить и не заигрывать, а просто, не теряя своей самоидентификации, быть частью огромного мира людей, чувствовать пульс времени и жить в едином культурном пространстве. Я думаю, что мы должны, обязаны рассказать, и не только себе, о нашей полувоенной суровой действительности и нашей необъявленной войне. Мы должны рассказать обо всём, что видим, знаем, чувствуем; о тех, кто безвинно пострадал от рук террористов, о тех, кто искалечен и убит. Мир должен это узнать. Мы не имеем права молчать! Как обидно, что мы постоянно проигрываем в контрпропаганде, что нет у нас действенной PR службы. Ведь давно известно, что Слово обладает вполне реальной энергетикой и способно влиять.

Каждый очерк, каждый рассказ или эссе – это наш протест против страшной БЕДЫ, имя которой Война. Она, как коррозия, разъедает нашу жизнь, но мы обязаны выстоять. А чтобы выстоять, мы должны помнить, мы не имеем права ни на минуту забывать.

Сидя в уютных кафе, слушая музыку или гуляя беззаботно по набережной Эйлата, мысленно посмотрите в глаза мальчишкам и девчонкам в выгоревших гимнастёрках, стоящим на боевом посту и выполняющим такую трудную и нужную РАБОТУ...

СИНДРОМ РАЗОБЩЕНИЯ

«Побег невозможен. Погода не переменится».
(Генри Миллер. «Тропик Рака»)

Привет, мальчики и девочки в синих потёртых джинсах, в твидовых пиджаках и приталенных рубашках, курящие с шиком болгарские сигареты и балдеющие под звуки новой музыкальной волны Давида Тухманова. Вас еще завораживает модный «Альтист Данилов»? Вы по-прежнему пренебрежительно-снисходительны к интеллигентской слабости «Доктора Живаго», а своих неисправимо советских родителей именуете грубовато-покровительственно «предками»?

Да-да, это про вас: бардовские песни у костра, студенческие походы, танцевальные вечера и просмотры франко-итальянских фильмов в Доме Кино, волшебные джазовые блюзы «из-за бугра» и терпкие загадочные польские духи «Быть может», которые ассоциировались с незнакомой, ну почти западной, жизнью из случайно подсмотренных глянцевого журналов, а еще... Еще любовь, которая будоражит своей новизной и сводит с ума, почти как в тех заграничных фильмах, где пальмы и яхты, где божественно красивы актрисы и где так изысканны и умны мужчины, где пахнет ванилью и грустью, и с утра в многочисленных кафе, почему-то на бульваре Распай, пьют обязательно «Кальвадос», как герои Ремарка... Но я совсем о другом.

У Бориса Балтера есть прекрасный рассказ «Проездом». Там мне запомнились пронзительные строки: «Не возвращайтесь туда, где вам когда-то было хорошо...»

Но не всегда мы слушаем даже любимых писателей. Человек слаб. И я с маниакальной настойчивостью столько раз возвращаюсь Туда, где нет уже тех лиц, тех чувств, тех запахов и звуков, где нет материальной ткани бытия и того Времени, кото-

Ирина Цыпина

рое растворилось и исчезло навсегда вместе с теми девочками и мальчиками, которых уже не найти во Вселенной. Их просто нет. Остались, как знаки, их имена и судьбы, но это уже другие, взрослые, люди и другие истории.

Наши полузабытые друзья детства, честные открытые лица, иногда вы являетесь в нашу жизнь незнакомыми и чужими, отстраненными и непонятными. И стоит ли тогда ВСТРЕЧА тех слов, которые мы не произносим? А может, надо навсегда поставить многоточие? До свидания, мальчики! Как в той книге из детства ... Вы еще помните?

«Оркестр Бинго-Бонго играл нам танго.

Она была прелестна, я хорошо одет.

Глядели все нам вслед...»

Ночной звонок, как взрыв из прошлого, оглушил, привел в смятение. Знакомые голоса опять ворвались в нашу жизнь. Неожиданный Праздник. Встреча с друзьями, которых не видели 15 лет!

Охватило чувство ирреальности: время, как в старинных часах, будто изменило ход. Невозможно представить: мы опять в одном городе, далеком и непохожем на город нашего детства, Иерусалиме.

Мы – это я с мужем и наши друзья, когда-то близкие родные люди, а ныне – американцы с 15-летним стажем, средний класс, Лора и Миша.

Много лет назад мы жили одной жизнью. Были счастливы и беззаботны, как это бывает только в ранней юности. Мы так любили друг друга «над пропастью во ржи» нашей хмурой действительности; вместе открывали мир, искали хоть «немного солнца в холодной воде» и всегда находили его!

Нам было интересно вместе, мы могли до утра слушать музыку, обсуждать спектакли, выставки и одновременно готовиться к зачетам-экзаменам. В те застойные времена ночь была

нежна и бесконечна, а наши слова были чисты, как и наши мысли, и ничего дороже дружбы не было тогда в мире.

Да, мальчики и девочки в синих потертых джинсах, я о том времени, когда слово ДРУЖБА мы считали самым высоким, самым важным, самым надежным тестом на человеческое «соответствие».

Мы еще не прочитали тогда горький, сумбурный роман-дневник Генри Миллера «Тропик Рака», где писатель обреченно наблюдает, как время разъедает все самое прекрасное, что есть в человеке.

Это, безусловно, спорная позиция, но ... Сколько встреч погубило Время!

Но это не про нас, мы так рады предстоящей встрече с друзьями детства:

– Лора, Миша! Не верю!.. Когда прилетели? Все бросаем и едем к вам, если вы только не устали от перелёта..!

Я сразу вспомнила, как чудесно и весело мы вместе отдыхали каждое лето в Восточном Крыму в бухтах Кара-Дага, ничего более потрясающего мы не чувствовали, не знали и не хотели знать. Все было легко и просто, были общие планы, мы были молоды, все только начиналось. И вдруг – шок!!! Наши друзья решили уехать в другую страну, в другую жизнь, в неизвестность... Они были первыми уходившими из нашего круга.

Я хорошо помню заснеженный вокзал, ледяное шампанское и застывшие слезы в глазах... Было страшно, больно, непонятно. Мы хоронили нашу прошлую жизнь.

«Блажен, кто вовремя созрел...».

Увы, нам многого не дано было понять. Их доводы нас не убеждали.

- Дискриминация?
- Бесперспективность?
- Деграция?
- Убогость?

Ирина Цыпина

Нет!!! Мы запретили себе думать об этом. У нас была интересная работа, прекрасные дети. А кроме этого – занимались обменами, ремонтами, дачей... Да мало ли что еще могло подменять жизнь! Потом мы будем объяснять это инертностью, инфантильностью, многого не простим себе, но это все потом...

А в телефонном эфире иерусалимской ночи вибрируют родные голоса с чуть заметным английским акцентом.

– Как это здорово встретиться через столько лет! Ваша гостиница совсем близко от нашего дома!

На другом конце провода повисла напряженная пауза.

– Ребята, не обижайтесь. Завтра шаббат, давайте встретимся после шаббата.

Заминка...

– И только в шаббат не звоните... Мы не подходим в шаббат к телефону. Не удивляйтесь, мы – религиозные, любавичи...

– В Иерусалиме этому не удивляются.

И вот, на исходе субботы мы с мужем в холле гостиницы с загадочным названием «Рамада Ренессанс». Английская речь, витает аромат дорогих духов, все изысканно и безупречно. Мы ждем...

Лора и Миша. Из той незнакомой американской жизни. На Лоре парик, элегантный, с проседью; да и сама она утонченно-аристократична, с безразличным прищуром, увы, уже близоруких глаз. И не Лора она, а Лея...

О, как не похожа она на себя прежнюю – озорную, смешливую девчонку, с лукавыми глазами из-под летящей челки. В ней что-то отрешенное, я не верю, что она счастлива. Хотя по эмигрантским меркам – работа по специальности в солидной фирме, свой дом в престижном районе Сан-Франциско, муж, работаю-

щий на TV. Миша – хохмач и добряк, похожий на Пьера Безухова, превратился в холёного господина в кипе, степенно-самодовольного. Где его приколы и шутки, заразительный смех? Откуда этот панцирь чопорности? Почему?

Рядом с ними худенький бледный юноша, почти подросток, во всём черном, как и положено учащемуся ешивы. Когда они уезжали, Сашеньке было три года. Он забыл русский, и ему откровенно скучно с нами. Он никогда не прочтёт Толстого, Достоевского, Цветаеву... Он будет жалеть, будет винить родителей, но это всё будет потом... Я так думаю.

А была ли наша ВСТРЕЧА?

Было напряжение, дежурные фразы и улыбки и еще какие-то слова, которыми заполняют вакуум человеческого общения. Был еще хит нашей встречи – фотографии в маленьком кожаном альбомчике, как документальное свидетельство, что они в порядке: шикарные дорогие машины, бассейн с подогревом, продвинутый тренажерный зал и джакузи под стеклянной крышей 3-го этажа с видом звездного неба и еще, еще, еще... Они подробно рассказывали, сколько стоила им вся эта техника, какие сложности сейчас с этой чертовой недвижимостью и как рухнула биржа, а вместе с ней вложенные ими акции.

Мы с мужем молчали. Нас не было на этой встрече, мы были просто зрителями на чужой презентации. Были слушателями.

А ведь как ждали мы обмена информацией, энергетикой, чего так не хватает нам всем в эмиграции! Как хотелось, как прежде, быть на одной волне понимания, ощущения – не вышло!!! Фотографии наших детей лежали у меня в сумочке, но почему-то мне уже расхотелось продолжать этот спектакль.

О, да, они влюблены в Израиль, в Святую Землю всех евреев. Это их настоящая Родина и конечная остановка. Они следят за всеми событиями, происходящими в Израиле, так болеют за эту «маленькую героическую страну»; ходят в еврейские клубы

Ирина Цыпина

и участвуют в работе международных форумов по израильской тематике, они проводят акции поддержки и выступают против отдачи территорий.

Миша: – Мы не отвечаем на письма наших знакомых из Израиля, в которых «стоны и вопли». Да, трудно, но ведь надо понимать ситуацию шире...

Лора: – Мы постоянно жертвуем средства на развитие ешив в Израиле, для нас это свято! Ведь мы евреи.

Я: – А может, лучше помочь конкретно кому-то, кто нуждается в помощи, кто страдает, болеет, ведь это мицва?

Лора: – Наша жизнь – в служении Б-гу, в этом смысл нашего существования, наш долг и предназначение.

Они говорили много, красиво и возвышенно, без пауз и вопросов. Вопросы были не нужны. Мы не интересовали их.

Для них важен был Израиль, как символ Вечности, символ поклонения, и в этом поклонении проступали религиозная страсть и почти языческий фанатизм. Нет, они не лгали, они были собою.

Миша: – Знаю, что в Израиле политический кризис, не выдерживает экономика, трудно. Но мы все должны страдать; в этом совершенствуется и трудится наша душа.

Лора: – Безнравственно на Святой Земле думать о себе. Это счастье – жить в Иерусалиме. Вам так повезло, ребята!

Миша: – Террор? Об этом не надо думать. Человек привыкает...

Разговор о политике не получился, весь аспект нашей нелегкой действительности в сущности их не интересует, ведь это не им выпало божественное счастье жить на Святой Земле. Израильская культура? Иврит? Нет, они – американцы, увы, а к своим корням долгий путь... Возможно, когда-нибудь...

Что читают?

Миша: – Только на английском, в Америке по-русски читают неудачники.

Лора: – Да и времени на чтение нет, надо всё успеть.

Не получилась и обеденная трапеза: наша еда оказалась недостаточно кошерной. А я так готовилась, составляла меню, накупила целую гору экзотических продуктов, полдня колдовала на кухне, украшала стол.

А назавтра в Восточном Иерусалиме был совершен террористический акт, и они поспешно уехали, забыв попрощаться. Непонятные и чужие люди. Вот и все. После этой встречи я твердо знаю: с друзьями из своей прошлой жизни я не буду встречаться, «нет меня и тех, кто жил при мне...»

ОСТРОВ ЭМИГРАЦИЯ

*По шкале стрессов эмиграция, как и смерть близких,
приравнивается к сотне, самому высшему баллу.
(из справочной литературы по
психологии)*

Сперва были эйфория и восторг от долгожданной свободы. Потом наступила полоса разочарований – охи, стоны, слёзы, лингвистические муки и шок первых впечатлений, нечеловеческая усталость и наконец – осознание, желание сформулировать, до конца осмыслить, ответить себе на такой, казалось бы, тривиальный вопрос: «Так что же такое эмиграция?»

Эмиграция последней волны, не очень идейная и где-то даже «колбасная», непривычно интернациональная, постсоветская и по-русски безоглядно-бесшабашная, в основном безденежная и униженная, спасающаяся от экономических дефолтов и от бесконечных локальных национальных конфликтов, что стало с тобой за эти последние 15 лет?

Растворилась, сгинула в чужом краю или стала новым явлением, новым культурным островом зарубежья? Что успела, для чего отдала столько молодости, энергии, таланта, надежд и жизненных сил?

Еще не пришло время статистических расчетов, еще впереди витийствования интеллектуалов и культурологов, но уже есть огромный архив нашего опыта, чувств, наших мыслей, наблюдений, наших ответов и наших вопросов.

«Эмиграция – это особый жанр и особые правила выживания...», – когда-то давно записала я в свой дневник, обозначив тему – Дневник эмигранта. Этот литературный жанр обладает потрясающей особенностью, он написан самой жизнью, судьбами тысяч людей, оказавшихся в эмиграции. На страницах этого живого документа нет придуманных сюжетов, нет лихо закрученных интриг, ведь эта живая литература создавалась не в ком-

фортных писательских кабинетах, не в элитарных домах творчества, не на переделкинских дачах, не в уединении приморских вилл на сверкающем Лазурном берегу.

Бег от себя. Бег от судьбы. Бег от страны. Жестко, прозаично и страшно. Почти как в итальянском черно-белом неореализме.

«...А потом были поезда, холодные и злые. Одержимость и безразличие растворяли лица людей, превращая их в серое размытое пятно. Я выпил бутылку водки, время сжалось, а потом исчезло. Оно вернулось поздним вечером, когда я открыл глаза и увидел Её. Она смотрела на меня пьяного и ошарашенного, и плакала...

Потом тоже была жизнь, которой я буду стыдиться и гордиться поровну...»

Так мощно и жутко описывает начало своей дороги в эмиграцию Владимир Ободзинский в рассказе «Чужая жизнь».

Помните, у Бориса Пастернака «Февраль... Достать чернил и плакать. Писать о феврале навзрыд...»?

Убеждена, что новая волна эмигрантской литературы 90-х, написанная кровью и обнаженными нервами, трагедиями и неимоверной волей, высотой человеческого духа и азартом победы над собой достойна нашего самопризнания и прочтения. В эмиграции оказалось так много наших любимых писателей, знакомых по прошлой жизни. Это и Василий Аксёнов, и Владимир Войнович, Дина Рубина, Анатолий Алексин, Григорий Канович, Эдуард Тополь и Александр Генис, Анатолий Гладилин... этот список, безусловно, можно продолжить, но я о другом. Не они авторы Дневника эмиграции последней волны 90-х. По законам этого жанра, где каждая строка пишется собственной болью, я выскажу, возможно, спорную мысль, но тот, кто живёт в эмиграции, меня поймёт. Эмиграция для людей известных и для обычных людей «из толпы» – это абсолютно разные траектории, с разными законами выживания и разной степенью болевого шока,

хотя сравнения здесь едва ли уместны. Об «окаянных днях» эмиграции 90-х когда-нибудь расскажут страницы прозы наших соотечественников, написанные в Израиле и Канаде, Америке и Германии, Италии, Бельгии, Норвегии, ЮАР, перечень бесконечен.

«Эмиграция – это не только опыт жизни в параллельном мире, но и вход в новое направление в философии, способной обнажить суть человеческой действительности до белизны костей», «Я не еврей, я гораздо «хуже» (здесь можно смеяться), я настоящий изгой, одиночка, тотальный и безнадежный нонконформист. Когда кого-то унижали, это всегда унижали меня, благодаря этому у меня всегда были хорошие друзья и истинные враги. Увы, друзей стало меньше, значительно меньше, теперь мои друзья постигают философию эмиграции...», – сколько пронзительной, выстраданной мудрости в этих скупых мужских строках, сколько за ними пережитых испытаний.

«Мне хочется думать, что в Израиле люди ближе друг другу, их должно объединять чувство опасности, чувство постоянного присутствия врага. Или я ошибаюсь?» (В. Ободзинский)

Ну что ответить? Как неоднозначны люди и их поступки? Что нет логики в человеческом несовершенстве, и что даже в декорациях войны не только любят и страдают, но и лгут, предаются, изменяют, даже себе?

И всё же в мире людей есть огромный нравственный потенциал, когда мысли и переживания выходят за пределы географических границ, когда нормальная человеческая реакция на происходящие безумства, войны и катастрофы – это строки, обращенные к людям, которые еще не разучились чувствовать чужую боль. И строки эти написаны не у нас, на горячей земле, а в благополучной, элегантной Европе:

«Когда теракт происходит в любой точке Земли, я вижу вину в этом всего мира. Не знаю, как у вас, но здесь все новости начинаются с трупов, а заканчиваются либо фут-

больными победами либо бриллиантовой жизнью кинозвезд. Я все больше убеждаюсь в том, что мы живем в эпоху моральной гибели цивилизации».

Проза эмиграции. Новая волна. Новые имена. Чаще эта литература представлена на интернет-сайтах и самиздатов, в русскоязычных газетах и журналах; она еще не обобщена серьезными издательствами, еще не признана корифеями литературы и дотошными критиками, она еще в пути... В поиске форм и конструкций, стиля и ритма, но не сюжетов; сюжеты выбраны Временем, в котором живём и в котором заново учимся жить.

Если бы это были только примитивные штампы эмиграции о профессорах, моющих тарелки в грязных забегаловках, или об уборщиках мусора, имеющих третью степень по философии, о растерянных женах, сбегающих от молодых здоровых мужей к местным старцам-миллионерам или о рабском труде на чужих плантациях, о детях, заброшенных и забытых неудачливыми родителями или о бездомных, сломленных неудачами... Если бы только об этом, то можно было бы сказать, что это эмигрантская «чернуха», «негатив»; наслышаны и устали. Хотим, наконец, уйти и забыть!.. Но эмиграция стала не просто частью нашей жизни, она уже сама жизнь... и постепенно вытесняет все наши прошлые сюжеты на периферию памяти, чтобы когда-нибудь их уничтожить, сжечь, как забытые ненужные письма. И это опасно; беспамятство всегда разрушает личность, оно цинично и примитивно по своей сути, даже если мы и захотим всё забыть в силу инстинкта самосохранения.

«Жизнь нас несёт в своём потоке, мы подчиняемся так или иначе, даже если пытаемся переменить её ход. Наше прошлое “оттуда” и настоящее “здесь”, эти две зоны не должны соприкасаться, так же, как два полюса высокого напряжения, в противном случае – возникает психический шок, который больно бьёт, а иногда убивает...», – читаю страницы Алекса Рубина из Чикаго. Странно, но я тоже к этому пришла, хотя не сразу. Старые фото, старые письма и адреса,

номера телефонов «оттуда» – всё бережно храню, но признаюсь: на самой далёкой полке или в закрытых на ключ выдвижных ящиках стола... Помните детскую сказку о чёрной комнате, в которую вас просили НЕ ВХОДИТЬ?

Аналогичные ощущения ... Волнение и страх...

«Родина – это не березы и не троллейбусы, родина – это близкие люди, которых нет рядом. А значит, и родины нет...», – я читаю на страницах интернета самый шоковый по восприятию роман, роман эмиграции. Мысли сотен людей, сконцентрированные в едином эфирном пространстве, кричащие в бесконечность, незащищенные и до прозрачности чистые пугают своей завершенностью: *«После многочисленных экспериментов над собой и в результате многолетних наблюдений я пришел к выводу, что главной и, возможно, единственной причиной всех бед человечества является ложь с ее зародышем – самообманом...»*

Исповедальные строки эмигрантов. Похожие судьбы. Моё поколение. Жесткая непридуманная хроника страшных лет.

«Из моей области за один год выехало 20 000 (!!!) еврейских семей, не человек, а семей! Об этом никто не говорит. Уехали все мои друзья, разбрелись по всему миру, я каждый день видел их окна, ставшие для меня безглазыми черными дырами. В конце концов я тоже разбрелся по всему миру – Америка, потом Польша...»

Эту страшную правду когда-нибудь будут изучать, как исторический документ, факт жертвоприношения Культуры в период падения высочайшей Империи, которую её лукавые правители не смогли, не захотели ни защитить, ни спасти, ни сохранить.

«Страшно и мерзко мне было видеть народ, ликующий... Освобождение квартир... Украина “без жидов и москалей”. Я видел, как в одной из лучших библиотек моего города молодые девочки-библиотекарши со смехом снимали со стен портреты русских писателей, чтобы потом сжечь их во дворе...»

«Холокост... новый, но уже нравственный, Холокост..?»

И как ответ другое мнение, другая позиция, другой подход: «...сравнивать эмиграцию с Холокостом (дословно, с сожжением), по-моему, совершенно неправильно. Эмиграция – это выбор, при Холокосте выбора не было».

До сих пор помню гарь вокзалов, усталость и опустошенность; казалось, что не хватит сил... Хватило. «...ни одна таможня не сумела у нас отобрать – наши знания, нашу любовь к книге, нашу культуру».

И наши дети, уже рождённые в других странах, не удивляйтесь, всё чаще берут в руки русскую книгу, наверное, чтобы понять нас, неисправимо «русских» родителей...

«У дочери в университете есть предмет «Русская литература», на который она неожиданно записалась. Они читают в оригинале Зощенко и других писателей и потом пишут сочинения, делают доклады по прочитанному. Кроме русских студентов, есть даже два американца. Сейчас они пишут сочинение – как ты думаешь, о чём? Об эмиграции!» (А. Рубин)

Так что же такое эмиграция? И как нам выстоять, как не потерять себя? Листаю, листаю страницы ... Спорю, соглашаюсь, удивляюсь и опять спорю...

«Это мы? люди, это мы? боги, это мы? дьяволы и ангелы...» Но всё ли зависит от нас? «...ну почему надо так долго жить, блуждать в кромешной тьме обмана, ставшего истинной религией мира людей, чтобы встретить за всю жизнь так мало людей, не зараженных этой страшной неизлечимой болезнью? ложью???» (В. Ободзинский)

В жизни есть категории, на осознание которых уходит вся жизнь, ведь так сложно обозначить и объединить взаимоисключающие понятия и миры. В современной литературе часто используют приём неоконченности сюжетов, так воспользуемся этой уловкой, ведь наш роман с эмиграцией ещё не завершён...

p.s.

Когда мой очерк был уже набран, я неожиданно получила письмо на заданную тему из Европы, где очень буднично и достоверно была нарисована еще одна картинка незнакомой нам в Израиле эмиграции: «Албанцы, сербы, македонцы, индусы, поляки, украинцы, молдаване, пакистанцы, словаки... Эта молчаливая, шепотом переговаривающаяся очередь – лучший индикатор для определения – где в мире война, разруха, голод, безработица, бесправие... мы встанем в разноцветную очередь, зажав в руке свой номерок и пытаясь объяснить нашему ребенку необходимость стояния в этой иммигрантской толчее за правом на жизнь. И, когда нас впустят в комнату пыток с заветным окошком, в нем, возможно, будет сидеть то самое существо женского пола, презиравшее парикмахерские, с дергающимся веком, зевающее и ковыряющееся в ухе. Ее неряшливый скользкий взгляд лизнет наши бумаги; потом быстрым, спотыкающимся и плохо понятным говорком существо вынесет ПРИГОВОР моей семье».

Эмиграция продолжается...

(использованы дневники В. Ободзинского, Италия; А. Рубина, США; личные письма; материалы интернета).

ЖИТЬ В ИЗРАИЛЕ

И когда я закрыла свой дневник, уверенно считая, что все всё и так знают о нашей жизни Здесь, что это уже слегка не актуально, что уже проходили... – я вдруг получила письмо из России, где просят рассказать, задают вопросы, где хотят понять и принять, хотят быть вместе в такое непростое, жесткое для всех время.

Свои наброски, не претендующие на аналитические обобщения, свой взгляд и своё видение страны и «Русского Израиля» «я назову кратко и понятно: «Путевые заметки на страницах острова Алия». И чтобы не отвлекаться, буду отвечать по порядку, ничего не придумывая и не украшая.

Но сначала, разрешите представиться.

Меня зовут Ирина, и когда в детстве я слышала песню на слова русского поэта – классика «Арина, мать солдатская», то, поверьте, не думала, что это будет и про меня. Мой сын – солдат Армии Обороны Израиля. А ведь казалось, что всё, что связано с Войной, осталось в размытых от времени черно-белых послевоенных кадрах. Казалось, что реальность полузабытых фильмов «Летят журавли» и «Баллада о солдате» никогда не повторится. Но в жизни не стоит зарекаться. Всё случилось иначе...

Я в Союзе была молодой и легкомысленной, преподавала архитектуру и была влюблена в целый мир, а если серьёзно, то только в Израиле я стала взрослой, стала задумываться над смыслом Бытия, выучила кучу новой информации, приобрела несколько дополнительных профессий, успеваю безумно много дел делать одновременно: даже пить утренний кофе в машине и красить губы в лифте, но при этом у меня иллюзия, что Всё только начинается... Но так не бывает! А значит, мы уже давно в пути. И я отвечаю на Ваши вопросы.

«Нас интересует тема «современный Израиль»», – пишите Вы.

Ирина Цыпина

«Хотелось бы услышать рассказ о конкретных людях, взаимоотношениях, событиях, как одет, что говорит, что ест, пьет, как ругается. Сколько стоит номер, обед, из чего состоит жизнь. Мы поразительно мало знаем об Израиле...»

А жизнь всегда состоит из мелочей, наших частностей: нашего настроения и самоощущения, нашего характера и мотивации, настойчивости и веры в себя, и просто – нашей удачи. Но стоит помнить, что в жизни не бывает репетиций, всегда мы в ней проживаем свою роль до конца, свою судьбу, свои ошибки и почти всегда только потом начинаешь понимать, насколько любая ситуация многовариантна и непредсказуема; так что – не судите строго, это только еще одно мнение, еще один взгляд, еще одна попытка обобщить и осознать наш «современный Израиль».

Я приглашаю Вас на прогулку по залитому осенним солнцем сверкающему Иерусалиму. Мы не спеша пройдемся от элегантного, нарядного «Машбира» (аналог центрального Универмага), который расположен в самом центре столицы, до Яффских ворот Старого города, через Иерусалимский пешеходный Арбат – всегда праздную, полную туристов, улицу Бен-Йегуда, спустимся по торговым рядам тесной и шумной улицы Яффо, пересечем гранитную площадь мэрии и окажемся перед средневековой крепостной стеной Старого города, за которой Всё начиналось в этом бренном и уставшем мире.

Там были величие Второго Храма, «Тайная Вечеря» и Голгофа, там буйствовал царь Ирод и там осталась затерянная в веках Стена Плача. Но сегодня мы о другом. Мы о нашей современной жизни в Израиле, не правда ли?

Не удивляйтесь разнообразию стилей, наречий и непохожести лиц, перед Вами «новый Вавилон» в еврейском исполнении. Это пёстро, театрально, ярко, не всегда понятно, но так есть и, наверное, будет еще много лет. Светские израильтяне одеты небрежно и асоциально, т.е. по внешнему виду трудно определить, к какому социальному слою относится господин в шортах и мятой фут-

болке в сандалиях на босую ногу, громко говорящий по мобильнику, или юная леди в куцей маечке с оголённым пупком в о-о-очень тесных джинсах с множеством каких-то папок в руках и обязательным рюкзачком за спиной.

Наши «русские олимпы» подчеркнуто нарядны, что днём в жару смотрится несколько вычурно и не к месту – увы, здесь свои правила соответствия и это надо принять.

«Ваши русские всегда в дорогих украшениях днем на работе... Неужели больше некуда?» – интересовалась моя начальница–американка, приехавшая в 80-х студенткой университета на экскурсию в Израиль, влюбившаяся в местного религиозного еврея-марокканца, родившая ему кучу детей и при этом – первоклассный менеджер, профи высокого класса, оставшаяся смешливой девчонкой в строгой религиозной шляпе и в длинной юбке, как и подобает религиозной еврейке.

Когда мы в далёком 91-м только приехали в Иерусалим, мы снимали квартиру в респектабельном районе Мошава Германит. Это был Благополучный, буржуазный Израиль выходцев из Германии. В школе, где учился мой сын-первоклассник, учились дети израильского Middle Class.

Каково же было моё удивление, когда по утрам я наблюдала одну и ту же выразительную картинку: растрёпанные, без косметики, в домашних пижамах и потёртых тапочках-шлёпанцах, мамы одноклассников моего сына на шикарных сверкающих машинах привозили своих чад на уроки. Они, не стесняясь своей небрежности, весело щебетали между собой, разговаривали с учительницей, и взгляд их при этом выражал такую непогрешимую уверенность в себе, такую значимость, что все мои вопросы просто испарялись в дыму их дорогих сигарет. Но эти же дамочки в вечерних ресторанах могли сразить Вас потрясающими нарядами из самых дорогих французских бутиков. Так это принято и невозможно комментировать – між Азии и Европы.

Но Вы интересовались деталями, не будем отвлекаться. Предлагаю выпить в маленьком кафе на Бен-Йегуда чашку дымящегося кофе с горячим сэндвичем, послушать уличных

русских музыкантов (увы, филармоний в маленькой восточной стране для нашей Алии явно не достаточно!) и – вперёд по страницам наших впечатлений. Любителям кофе могу порекомендовать заказать «кафе Афух», это вариант популярного в Европе итальянского кофе «Лате», безумно вкусно и изысканно. Наш скромный ланч стоит приблизительно 35-40 шекелей на человека, но не удивляйтесь, если это обойдётся вдвое дороже. Мы в центре столицы, центре туризма, цены взвинчены... А если хотите вкусно и недорого пообедать, то – Вам в грузинский ресторан «Кенгуру», расположенный в лабиринтах дворики возле Старого города. Это неброский ресторанчик для знатоков, где всегда пахнет разными травами, особенно кинзой, вином, где дымятся вкуснейшие шашлыки, зажаренные при Вас гостеприимным хозяином. В зале всегда полумрак, прохладно в любую жару, тихо и умиротворенно, даже не верится, что за окном бушуют политические страсти, что страна разрывается от кризисов и противоречий, что «покой нам только снится...». На Яффо множество маленьких магазинчиков, забитых недорогим и некачественным товаром, покупать не советую. Покупки лучше всего сделать в Тель-Авиве, где масса магазинов на любой вкус, кошелек и стиль. Для модников рекомендую кенъен (торговый центр) «Арена» в Герцлии Питуах, где расположены самые престижные бутики самых престижных европейских фирм. Вы попадете в мир красоты и изыска, хорошего вкуса и потрясающего дизайна, советую не пропустить, даже если и не решитесь покупать фирменную безделицу по астрономической цене.

Но не будем распыляться во времени, ведь мы с вами в Иерусалиме, Вечном Городе, где всё заполнено мистическим смыслом, где совсем рядом – другие, духовные, миры и где считается самая главная информация наших судеб на этой Земле.

В Старом городе важно и значительно Всё. Не отвлекайтесь на сувениры, на торговые ряды, жаль... Здесь нужно Всё успеть! Увидеть, прочувствовать, впитать энергетику и осознать... Ведь именно Здесь Всё начиналось. У Стены Плача вы напишете просьбу, записочку к Б-гу, и Он обязательно услышит и поддержит вас, надо только О-о-очень верить.

Но я так и не ответила вам – «из чего состоит жизнь в Израиле?»

Сложно обобщать, ведь у каждого из нас, живущих здесь, жизнь сложилась по своему индивидуальному сценарию, известному только ему одному. И всё же попытаюсь ответить. В нашей жизни, безусловно, присутствует философия осознанного ВЫБОРА, иначе просто невозможно понять, невозможно принять страну, где приходится ежедневно жить в экстремальных условиях повышенного риска, где приходится ежедневно бороться за право профессионально работать в условиях безумной конкуренции и экономического спада, бороться за право оставаться собой, бороться за постижение нового культурного пространства, нового языка, новой среды обитания, новых обычаев и другой ментальности. Оглядываясь назад, мы помним и храним в памяти всё самое дорогое оттуда, но не сворачиваем со своего пути, не уезжаем в другие благополучные, сытые страны, не возвращаемся, не сетуем, а стиснув зубы, идём вперёд, веря, что всё Хорошее ещё будет на этой НАШЕЙ ЗЕМЛЕ.

А если высокопарно, то может, в реализации национальной еврейской идеи и есть наша миссия и наше предназначение?

В будущем году в Иерусалиме...

В ПОИСКАХ АБСОЛЮТА

«В поисках Абсолюта» – так мысленно назвала я этот вечер, дав ему, возможно, несколько старомодное и эстетское название. И не удивляйтесь архаичности слов и осторожности фраз, я просто боюсь нарушить гармонию этой встречи с Легендой еврейской культуры, примадонной московского еврейского театра, игравшей еще в труппе Михоэлса, в 60-х годах – ведущей актрисой Театра имени Моссовета, знаменитой, обворожительной, Этель Ковенской.

А чтобы рассказать и еще раз ощутить несравненную атмосферу встречи с Актрисой, я приглашаю вас на авторский вечер известной израильской журналистки Полины Капшеевой, блистательного мастера интервью и автора серии книг «Обнаженная натура».

Тель-Авив. Март в Израиле, свежо, не жарко и почти по-московски прохладно. Сумерки. Исход Субботы. Консерваториум. Камерный вечер. Рояль и свечи. Театральная гостиная. Живое общение. Прекрасные, одухотворённые лица.

Из всех присутствующих в этом зале я сразу выделила Её, хотя, к стыду своему, не знала в лицо. Дама с королевской осанкой, без возраста и почти без косметики, с точеным медальным профилем и сияющими изумрудными глазами была той самой трогательной шестнадцатилетней девочкой Рейзл из «Блуждающих звезд» по Шолом-Алейхему, пылко влюблённой Джульеттой на сцене холодной послевоенной Москвы театра Завадского, ведущей актрисой Театра им. Моссовета, звездой надменной израильской сцены в тель-авивской «Габиме» и, наконец, играющая на языке своего детства в государственном театре Израиля «Идишпиле».

Дездемона в «Отелло», Корделия и Регана в «Короле Лире», миссис Пэйдж... К тридцати годам – премия «самой молодой актрисе, сыгравшей наибольшее количество шекспировских ролей», работа в «плеяде звезд» московского театрального Олимпа, где царили Марецкая, Раневская, Орлова, Плятт, Мордвинов,

Серова... Среди этих знаковых фигур русского Века было так легко затеряться, раствориться в лучах их славы и таланта, но Звёздам не нужно чужое свечение. Этель Ковенская с самого начала своей головокружительной карьеры была уникальной, единственной и непохожей ни на кого из этой божественной когорты; ведь талант – это всегда открытие новых граней, новых сфер воздействия, покорение новых высот. А еще были фильмы, телесериалы, сольные концерты, запись дисков и кассет с песнями на русском, идише, иврите. Я не буду пересказывать яркую биографию известной актрисы, её можно прочесть в прессе, на сайтах интернета, но я хочу передать живой энергетический заряд впечатлений от общения с этой великой женщиной.

На вечер Этель пришла с мужем, известным композитором Львом Коганом, с которым прожила много красивых и счастливых лет. Она была в зале среди публики, но магнетизм актрисы – это «такая химия», как говорят в Израиле.

Все взгляды все равно были прикованы к ней. Я сразу вспомнила когда-то услышанную фразу: «Актриса – это больше, чем просто женщина... это почти Богиня». Только настоящий талант и интеллект способны создать такой выразительнейший портрет, когда на точеном, тонкой лепки лице светятся аквамарином молодые глаза, и ты начинаешь представлять её в эпоху Орловой и Марлен Дитрих: изысканной, аристократичной, неземной...

Знаменитый композитор, высокий благородный господин, держал её за руку, и это было удивительно трогательно и красиво.

Вечер проходил в виде вопросов и ответов. Полина Капшеева рассказывала о своих встречах со знаменитыми писателями, политиками, музыкантами, актёрами. Когда речь зашла о театре, то, конечно, Полина представила всем Этель Ковенскую. А потом живая легенда сама рассказывала о своей жизни, о своем творчестве, с потрясающим артистизмом, юмором и предельной искренностью. А ведь за глянцевой обложкой состоявшейся карьеры актрисы были и драмы, и тяжелейшие испытания.

Еврейская звезда актрисы зажглась в годы сталинской инквизиции. На глазах молоденькой дебютантки еврейского театра началась публичная казнь еврейской культуры, предательс-

кое убийство Михоэlsa, уничтожение еврейского театра, преследования «безродных космополитов», выжигание национальных чувств, национальной памяти, национального достоинства. Какой же сильной и талантливой надо было быть, чтобы выстоять, не сломиться, а идти вверх по театральной лестнице с гордо поднятой головой. Когда Этель попросили рассказать об Орловой, какой она была в жизни, на сцене, то после некоторой паузы актриса ответила: «Она была Звездой...», а потом с недоумением добавила: «Была скромным и порядочным человеком в жизни, но от неё исходило какое-то неземное свечение, и окружающие это чувствовали даже на физическом уровне...»

Точно так я бы характеризовала восприятие окружающими самой Этель Ковенской. На современном языке это называется харизмой, когда все на каком-то подсознательном уровне понимают, что перед ними человек другого порядка, из других высот, талант, отмеченный сверху. Ведь недаром бессмертная Любовь Орлова подарила Этель в знак признания свою бесценную реликвию – атласные туфельки, в которых снималась в фильме «Цирк» и в которых взойшла на вершину артистической славы своего времени.

У меня в руках новый музыкальный компакт-диск Этель Ковенской. «FROM SONG TO SONG». Идиш, иврит, русский. Черно-белая фотография в профиль. Строгое, даже аскетическое, оформление. Ничего лишнего, вычурного. И что мне особенно дорого – это слова, обращенные ко мне, написанные летящим почерком от руки: «Дарю с радостью свои песни. Этель».

Сильный, молодой голос. Чарующий бархатный тембр. Прекрасное музыкальное оформление. Изысканный вкус и безупречное чувство перевоплощения в каждой песне, в каждой мелодии, в каждом ритме. Песни на идиш в исполнении Этель Ковенской – это целое направление в возрождении восточно-европейской еврейской культуры.

Нет, это не еврейское местечко Ефима Александрова с его тёплым и не всегда грамотным исполнением душевных песен на мамэ-лошн. И это не мир странных полотен Марка Шагала,

Ироче
и Сана,
дарю с
ражосны
свои песни
Дев

Ethel Kovenski

FROM SONG TO SONG

Songs in Yiddish, Hebrew and Russian

его исчезающих образов, летящих обреченно в Вечность, неразгаданных и ритуально прекрасных. Это не эпатажный модерн Якова Явно и не чистый вокал Светланы Портнянской, где идиш выполняет функцию языка, но не более. Ведь у молодых артистов идиш, – выученный язык, а у Этель Ковенской это сама жизнь, заполненная переплетением ассоциаций и образов, первых слов и открытий раннего детства, это органичное присутствие родного языка на уровне генной памяти каждой клетки. Безусловно, её язык, её интонации уникальны и неповторимы. Актриса своим пением открывает нам абсолютно другой еврейский мир: ослепительный, нарядный и изысканно-утонченный в чарующих джазовых ритмах с потрясающим благородным звучанием современного языка идиш. Я вспомнила классику исполнения еврейских песен сестёр Бери, тот же стиль, то же утверждение самого высокого профессионального уровня, аристократизм, лёгкость, свобода и обжигающая волна ностальгии по тому Времени, когда всё это БЫЛО.

Когда был язык, на котором жили, любили, творили, на котором страдали и умирали в гетто; язык, который столько раз незаслуженно убивали и которого так боялись все наши враги, счи-

тая суеверно, что Слово обладает высшим, магическим свойством мести за все наши унижения и страдания, за наши безвинные жертвы, за кровавые наветы, за всю нашу историю и боль на этой Земле. Песни Этель закружили меня непонятным образом и повели вдаль, по улочкам и лабиринтам сюжетов гениального Исаака Башевиса Зингера. Через ткань живого языка идиш проступили силуэты утраченного еврейского мира на пороге Катастрофы, где переплелись реальность и мистика, трагизм и одухотворённость, простые человеческие чувства, предрешенность общей Судьбы и чудо Воскресения народа, языка, культуры, страны. Казалось, что этот язык уже отзвучал, что он оставлен и забыт навсегда в покинутых, безлюдных аллеях «под старыми княжескими липами Бернардинского парка», описанного с такой тоской и горечью Григорием Кановичем. А ведь в каждом городе огромной послевоенной страны были такие «парки забытых евреев».

Возможно, кто-то вспомнил их?

На фотоплёнке моё далёкое детство: Харьков 50-х, Парк Горького, центральная аллея, старики, похожие на стаю диковинных птиц, в белых макинтошах, фетровых шляпах, испуганно говорящие почти шепотом на идиш. Их язык был тогда под запретом, и только самые любознательные внуки смогли запомнить отдельные слова и фразы.

Но всё возвращается на круги своя, и живой язык идиш возрождается, наполняясь новым смыслом и новым звучанием. Утраченный мир наших предков возвращается к нам обновлённым, многогранным, ярким и живым. Спасибо огромное замечательной Актрисе Этель Ковенской, чья творческая жизнь посвящена Ренессансу еврейской культуры, утверждающей вечные, общечеловеческие ценности. Низкий поклон и самые искренние слова благодарности и признания!

НАКАНУНЕ

(Прогулка дилетантов по Запретной Теме)

«Кто мы? Откуда? Для чего?»
(Тривиальные вопросы вечной истории)

Дорогой читатель, я живу в Израиле уже много лет и понимаю всю сложность и неоднозначность темы моего эссе. Больно об этом писать и говорить, но синтез двух подходов даёт видение Настоящего. Мой очерк посвящен интеграции человеческого опыта и взаимопроникновению самых противоречивых страниц, придуманных человечеством.

Пасхальные каникулы. Дни, в которых так много тайного, непонятного, пугающего и влекущего. Именно в эти дни мне так хочется пригласить тебя на экскурсию в Старый город, подвести к стене Плача, оглушить тысячелетиями и пройти по кругу тех, еще не разгаданных, событий, которые наполнены смыслом противоречий и откровений. Всё будет, как Тогда: не жарко, но уже лето; еще не выцвели изумрудные травы, еще воздух не выжжен беспощадной жарой, еще пьянит эвкалиптовый аромат, и стрекозы шуршат своими прозрачными крыльями, как в Раю. Еще может ничего не случиться, не произойти, еще может вся история пройти по абсолютно другому сценарию, но... Случилось! И история прочла свой приговор.

Мы пересечем узкий Армянский квартал, похожий на коридор тюремных казематов; слева от нас останется старая Армянская церковь, затаившаяся в глубине каменного двора с разросшимися тысячелетними оливами, пройдем, не задерживаясь, по скользкой холодной брусчатке до поворота, войдем в выветренную столетиями каменную арку и найдем храм Ма-

Ирина Цыпина

рии-Магдалины, где с Тех времён сохранился лишь тёмный, мрачный зал с неровными шершавыми стенами, где Он впервые признался, что вскоре будет предан одним из них: самых близких, верных, надёжных.

Этот Зал стал свидетелем самого сакрального действия на Земле. Его изображали столько раз на своих полотнах самые выдающиеся мастера живописи и иконографии. Но так до конца и не постигнув всю важность и глубину случившегося на Земле, нарекли эту неразгаданную ночь «Тайной Вечерей».

И эта ночь великого озарения стала Началом новой эпохи человечества. Впервые Добро и Зло, Гениальность и Злодейство, Логика и Абсурд, Грех и Добродетель навечно переплелись в нашем сознании, морали, поступках отдельных людей и народов, в восприятии и оценках... В этом зале во времена «Тайной Вечери» была Центральная синагога и раз в год на Праздник Избавления от египетского рабства (Песах) Он приходил пешком из далёкой Нижней Галилеи, из города Назарета, в Йрушалаим (сейчас это три часа езды по скоростной трассе), чтобы свершить молитвенный обряд в первую ночь Праздника. Этот обряд ночных молитв, который у иудеев всего мира называется Первый Седер («Пасхальный порядок»), с обязательным красным сладким вином (4 бокала) и торжественной трапезой, проводят в кругу самых близких; у Него их было 12.

Я не буду пересказывать тебе этот известный библейский сюжет, но, находясь в этом Зале, холодном, мрачном и сыром, ты остро почувствуешь, как тебя начинает затягивать параллельный мир фантомов тех страстей и событий. Эта Первая пасхальная ночь и стала ночью предательства.

Нашумевший фильм Мела Гибсона «Страсти Христовы» вызвал киношок уже на первых просмотрах, но не приблизил к истине и не раскрыл тайный смысл тех событий, которые от нас так же далеки, как и исчезнувшая в пучине океана Атлантида.

И оправдан ли предельный натурализм, с которым в фильме изображены нечеловеческие муки Христа? И кто ответит: что первично – долготерпение или чудо Воскресения?

В чем смысл наших страданий на этой горькой Земле? Но вечные вопросы, увы, останутся без ответа. Даже самый кассовый американский блокбастер не сможет рассказать нам правду. Ведь не боги делают кино. А киноряд так поверхностен и театрален в сравнении с Истиной!

Не будем обсуждать законы шоу-бизнеса; просто неспешно пройдем по излому временного контура Тех дней-часов-минут, которые унесли с собой в небытие великую Тайну.

Он мог выпросить у Б-га изменения хода событий, мог быть спасен и прощен, мог сохранить свою единственную земную жизнь, но Он выбрал страдания. Он решил пройти свой путь до конца, взяв на себя все грехи человечества. Он первый, в шутовском терновом венце, униженный и распятый, доказал: «Чтобы возвыситься, надо познать падение...» Но я о другом, о всех нас, которые так несовершенны и слабы; так легко предаем, необдуманно, случайно, нехотя... иногда ненавидя, иногда страстно любя. О прощении и искуплении.

На рассвете стражники Его найдут в Гефсиманском саду, где Он будет безмятежно спать в тени вечных олив. Ведь по обряду нельзя было уходить из святого Йерусалаима до окончания Праздника. И Он не ушел из города, не нарушил запрет Отца, не спрятался от обезумевшей толпы. Был открыт и спокоен. Его казнят в 33 году н. э. 14-го дня месяца Нисана, в час полного лунного затмения, когда на тусклом влажном небосклоне исчезли все звёзды и время человечества на мгновение остановилось между прошлым и будущим.

Отныне самый главный иудейский Праздник будет навечно связан тугим противоречивым узлом с христианской Пасхой, символизирующей Его Страдания и Его Воскресение. Этот узел, непонятный, полный драматизма и противоречий, не смогут ни

разрубить, ни развязать; он станет навсегда Тайной, напоминанием нашего несовершенства и нашей ограниченности.

Мы с тобой на минуту задержимся в этом прозрачном дивном саду, и вдруг в горячем хамсинном воздухе проступят из небытия зашифрованные откровения. Миражи самой высокой трагедии театра человечества на пути к совершенству. В память об этом страшном Дне в 1924 году итальянский архитектор Антонио Барлуцци построил «Базилику Агонии», которую еще называют Базиликой Мучений Христовых.

Сделаем на память несколько поспешных снимков на ступеньках этого храма и вернёмся туда, в те события, на тот перекрёсток вечного города.

Ему вменяли в вину инакомыслие и вероотступничество, ведь позволил себе заявить, что Он – Царь Иудейский. И этого хватило! А Он просто захотел реформировать религиозные догматы, распространить Святое Учение на всех, живущих на Земле. Стал первым проповедником новой идеи интеграции. Но за идеи страдали во все времена, нет надобности перелистывать историю.

Ты даже не представляешь, как это безумно впечатляет, когда идёшь Его маршрутом, Крестным путем, по Виа Делароза, узкой кривой улочке арабского города, где жизнь льётся тонким ручейком, не останавливаясь, не волнуясь, так же безразлично и сонно, как и тогда. Мы поднимемся на то самое скорбное место, на Голгофу.... Сейчас это едва читаемый холм. Есть историческая версия, утверждающая, что казнь Иисуса состоялась в древней Кейсарии, в самом сердце Римского города несчастной распятой Иудеи, а не на Голгофе, как утверждают официальные источники. Но, наверное, это не столь важно для нас сегодняшних. Важнее понять суть, приблизиться к осознанию Истины человеческой матрицы.

Я не знаю тайный мистический смысл этих событий и кто виноват? И даже не знаю, что было первично в этой трагедии: фанатизм, доведенный до абсурда, или предательство? Но я живу на Востоке, и мне известна ментальность религиозных фанатиков. Выскажу, возможно, спорное предположение, что Иуда Ис-

кариот был ярим поборником веры, воинствующим и опасным, но не предателем. Да и зачем Иуде, владеющему казной, каких-то 30 сребреников? Отнюдь не в алчности была подлинная причина предательства Иуды. Будь он кровожадным предателем, всё было бы примитивнее и проще, понятнее и циничней. Но как это было на самом деле, никому на Земле, увы, узнать не дано... Искать виновного – тщетно!

Никто не разгадает тайну Иуды и мифологию его Греха. Был ли он обычным человеком или Дьяволом, вступившим в единоборство с Учителем, устанавливая самый общий и самый жестокий закон на Земле – закон единства и борьбы противоположностей? Это потом будут Моцарт и Сальери, Дантес и Пушкин, гении революций и их палачи, метафизика любви и безумия... Но каждый раз, когда толпа негодует на площади, вспомните – Это УЖЕ БЫЛО!!!

Не будем входить в запретные темы, оставим всё, как есть...
Нам не дано ни изменить, ни исправить.

Мы просто пройдем по запыленному легендами и мифами Старому городу, пересечем тесный беспорядочный и жутковатый арабский рынок, выпьем божественный горький кофе из крошечного, с напёрсток, стаканчика и через Яффские Ворота спустимся к шикарному району ультрасовременных вилл «Мамилле». За крепостной стеной останутся вопросы, тайны и символы, к которым столько веков так стремилось приблизиться наивное человечество. Но древние камни навсегда сохранят молчание. Они ничего не расскажут.

НЕОКОНЧЕННАЯ ПРАВДА, ИЛИ «КАМЕРА ОБСКУРА»

Нашумевший документальный фильм израильского режиссера Йоава Шамира «Махсомим» (Блокпосты) стал в этом сезоне хитом многих международных фестивалей и кинопоказов. Это фильм о буднях КПП, через который проходят палестинцы с территории Западного Берега на территорию внутри «зеленой черты» и обратно, о трудной службе израильских пограничников, о напряжении нерешенных вопросов, о встрече двух миров, двух позиций, двух цивилизаций. Фильм очень своевременный и нужный, на очень непростую и болезненную тему, был встречен огромным интересом зрителей во всём киномире; он стал первым из израильских фильмов, получившим приз Joris Ivens на фестивале документальных фильмов Idfa в Амстердаме, считающемся наиболее престижным в мире. Этот фильм, по мнению обозревателя крупнейшей израильской газеты «Едиот Ахронот», раскрывает в самой человеческой манере двойную трагедию, которая происходит изо дня в день на КПП израильской армии. Но в этом шквале аплодисментов хочу быть услышанной, ведь кино создаётся для нас с Вами, для зрителей, а документальное кино – еще и для истории.

Фильм снят в новой кинематографической манере, которую можно условно назвать стилем псевдолюбительской съемки, что сравнимо со школой примитивизма в живописи.

Камера снимает без эмоций и эффектных ракурсов, без комментариев и без операторских изысков, словно скользит по рутинным будням жизни обычного израильского Блокпоста. И в этой умышленно простой, бесхитростной съемке и есть высочайший заряд воздействия на психику зрителя, когда разрушается грань между кинозалом и экранным действием, когда мы вдруг попадаем в тот заснятый на плёнку жаркий, бесцветный и безрадостный день, где доминанта всех взаимоотношений – человеческое Противостояние.

Жара, хамсин, невыносимо... Толпы палестинцев с одной стороны: мужчины, беременные женщины, дети, старики и старики, а с другой стороны – вооруженные солдаты, выполняющие свою службу на этом Блокпосту. Унизительный досмотр палестинцев, проверка документов, долгое ожидание на испепеляющем солнце, нервы, раздражение, усталость...

Камера скользит по лицам людей, выхватывая человеческую боль и безысходность, подавленность и почти обреченность...

Лица солдат безучастны и сосредоточены – они выполняют обычную работу.

Но я вам расскажу... Если вы не знаете и не живёте в этой стране, я вам расскажу о том, что осталось за кадром этого фильма: сколько их, молодых ребят, взрывалось на таких постах; расскажу, как они теряли друзей, как они ежедневно рискуют своей еще не прожитой жизнью, как их матери не выпускают из рук мобильные телефоны, сходя с ума от страха и волнения за своих детей; как важно нашим солдатам быть профессионально подготовленными, сдержанными и сконцентрированными, чтобы не пропустить на территорию Израиля смертоносный груз, проносимый часто даже детьми; какими надо быть быстрыми и цепкими, чтобы мгновенно вычислить в толпе шахида, чтобы не пропустить террориста без документов или предъявляющего фальшивые удостоверения личности и разрешение на работу.

«Человек с ружьём» всегда ассоциируется с государственной машиной подавления, с режимом и властью, но пора отойти от устаревших стереотипов и догм. Пора понять всем, что мы живём в другой реальности, где идёт против нас необъявленная, жестокая и беспощадная война, имя которой Террор. А война диктует другие законы выживания, другую этику и другие подходы даже к таким священным категориям демократии, как свобода личности и права человека. Хочу напомнить, что нет единой правды для всех, нет единого Абсолюта и единой Истины.

На просмотре у меня было желание дополнить фильм кадрами нашей жизни, без комментариев и без слов...

Я помню этот вечер, эту ночь. 1 июня 2001 года организация «Исламский джихад» организовала джихад против израильских детей. Возле тель-авивской дискотеки «Дельфинариум» погиб 21 человек, из них 19 – подростки из СНГ. Более 100 детей были ранены. ««Русские израильтяне» называют этот теракт своим Бабым Яром», – писала газета «Московские новости». По 22-ому каналу израильского телевидения всю ночь мы смотрели страшный сюжет в режиме реального времени. Родители, узнавшие о взрыве в дискотеке, приехали на место теракта. Это был пятничный вечер, многие были в гостях, на разных торжествах, о трагедии слышали из теленовостей. Я помню крупный план женщины в вечернем платье, приехавшей на место трагедии прямо с банкета. Обезумевшая и потрясённая, она рвала на себе волосы и одежду... Лица родителей – искаженные болью и отчаянием... Невозможно забыть этот Холокост нового Века, бессмысленный, беспощадный. Но мир должен про Это узнать!

Документальный фильм – это всегда фокус автора, его концепция и его взгляд. Но когда фильм выносят на международный экран, то он уже для зрителей других стран трансформируется в сознании во взгляд нации. Это уже не просто кинохроника момента, это идеологическая пропаганда, только чьих взглядов и чьих убеждений?

Да, я согласна, что блокпост, как и защитная стена, унижает личность и, увы, не приводит к миру и согласию. Но это всё же защита.

Как, живя в Израиле, можно забыть линч наших ребят в Рамалле, взорванные кафе «Сбарро» и «Момент» в самом центре Иерусалима, обстрелы домов мирных жителей иерусалимского района Гило, разорванные в клочья автобусы, палестинские ракеты «Кассам», падающие на тихий, провинциальный городок Сдерот, обстрелы на дорогах и еще, еще, еще....

Даже сегодня, когда пишу эти строки, по радио вновь объявляют о теракте в Тель-Авиве, опять раненые, убитые...

Наше кровавое Жертвоприношение продолжается.

Неужели у кого-то еще есть вопросы в отношении политики упреждения и повышенной бдительности израильтян?

Очень странно, что израильские кинематографисты так отстранённо выстроили свой сюжет, где до того старались быть объективными, что потеряли позицию логики и здравого смысла граждан своей страны.

Когда мы только приехали в Израиль, мы жили в Иерусалиме в районе «Мошава Германит», где живут выходцы из Германии, алия 30-х годов. Это был вполне благополучный, буржуазный Израиль. В школе, где учился мой сын, учились дети израильского Middle Class. Они, в отличие от наших «русских» детей, ни разу в жизни не ездили на автобусах, потому, что автобусы иногда взрываются, а их родители знают об этом с детства.

Возможно, и у создателей фильма – «другой Израиль», меньше подверженный риску, европеизированный и очень либерально-демократический. Но так не бывает! Страна у нас одна, у нас одна опасность и один путь борьбы за выживание и утверждение себя и своих идей в мире.

Безусловно, взгляд художника всегда самобытен и индивидуален. Но даже очень хорошее и талантливое кино может быть опасным носителем страшных или ошибочных идей. Создатель фильма всегда должен помнить, что он моделирует сознание массового зрителя, а это колоссальная ответственность. Вспомните гениальную по воздействию киноленту фрау Лени Рифеншталь «Триумф Воли», она была символом и музой фашизма, имела головокружительный успех, вела за собой зрителей к аморальным и бесчеловечным ценностям, мастерски разрушая индивидуальность личности, гипнотизируя и отключая волю и разум у миллионов, превращая их в послушную аморфную массу, толпу.

Человечество еще не пришло к желанной интеграции, и у каждого народа своя история, своя боль и своя память. Я пишу эти строки, когда в Германии опять маршируют бритоголовые,

когда в чопорной, аристократичной Англии экстремисты призывают уничтожить страну, в которой я живу, в Турции и Париже горят синагоги – ну разве не вызывает это тревогу? Ведь это уже было!!! А совсем недавно в добропорядочной Европе в прайм-тайм по кабельному телевидению транслировали арабский многосерийный фильм, достаточно профессионально поставленный, в котором раввины перерезают горло христианскому мальчику накануне еврейской Пасхи, чтобы изготовить ритуальную мацу на детской крови. Я сама видела эти кадры, где очень ярко и достоверно играют артисты и талантливый арабский мальчик так выразительно, так трогательно играет роль жертвы на этом бесконечном шабаше ужасов, что просто холодеет душа. И эту киноклевету смотрят в цивилизованных странах, не возмущаясь, не протестуя, не удивляясь ветхости и замшелости темы очередной фальшивки.

Недосказанная правда фильма «Махсомим» о нашей жизни в Израиле способна вызвать реакцию негатива и неприятия нас в глазах остального мира, не знающего или не желающего знать все реалии нашей действительности.

Каждый сам совмещает фокус своего зрения с кадрами, происходящих событий. И не удивляйтесь, что очень часто на киноэкранах мы наблюдаем перевёрнутое изображение известных фактов, как в допотопной «камере обскура», которая являла собой прообраз нашей современной кинокамеры.

«Камера обскура». В определении этого понятия кроется двойной смысл... и двойная мораль; а еще – метафора упрощенного, искаженного восприятия действительности, как это иногда случается даже в очень хорошем кино.

КРАСОТА В ЭМИГРАЦИИ

Абсолютно не собиралась говорить на эту тему. Она всегда казалась мне надуманно-академичной, неживой и даже эстетской. Не до того в этой жизни! Однако наши темы приходят так неожиданно, врываясь в поток мыслей, разбивая стереотипы, оглушая болью, заставляя очнуться и заново построить диалог между темой и собственным ощущением этой почти невидимой проблемы. Но проблем-невидимок не бывает; есть человеческое невнимание, есть непонимание, есть слабость иллюзорного взгляда, есть самообман. Итак, начнем наш разговор о самом тайном и прекрасном лице человечества – о нас, любимых. Только не будем придумывать мифы, найдём в себе мужество быть честными до конца. Признаемся, как это безумно трудно – посмотреть на себя отстраненно-пристально, почти чужими глазами, и понять, разгадать, просчитать алгоритм всех поступков, тревог, всего неслучившегося, всех несвершенных побед и еще не взятых вершин.

Случилось так, что израильское TV оглушило нашу «русскую улицу» нагло преподнесенной шуткой про «бабу Любу». С телеэкрана в праймтайм показали в грубой гротескной форме лицо нашей Алии – русскоговорящую репатриантку – вульгарную, безвкусную кассиршу из израильского супермаркета. Бесформенная немолодая блондинка в розовой пудре и в огромных старомодных очках, жалко лепечущая на корявом иврите.

Израильтяне повеселились вдоволь, они хохотали до слёз над этой нелепой «русской». Не хотелось реагировать и отвечать.

Пошлости так много, и она всегда почему-то востребована. Синдром толпы, избивающей слабого и чужого, того, кого дозволено обижать; сколько раз мы это проходили! Наверное, нет более уродливого зрелища. Мне так хотелось защитить бедную бабу Любу, успокоить, обогреть и утешить; хотя, думаю, она от усталости и близорукости давно потеряла восприимчивость и

даже не понимает, насколько убога и смешна. По русскому каналу Любу защищают модные благополучные феминистки, вспоминают о привезенных ею дипломах и почетных грамотах; восхищаются, что даже в этом положении она не сломалась, не растерялась; перечисляют её бывшие профессии – от инженера до доктора философии.

«Ведь любая работа почетна», – сколько раз слышали мы это в эмиграции, не правда ли?

Но, обидевшись вместе со всеми, я всё же, простите, решилась подойти к зеркалу, отражающему нашу действительность. Рассказать Вам обо всём? О шоке, который я испытала, только единожды взглянув в наше мутное Зазеркалье?

О, сколько раз я хотела об этом написать! Сколько раз била от злости по клавишам и не находила нужных слов, сколько раз обещала себе вернуться, но суеверно не возвращалась. А жизнь пишет свой сценарий. Всё не так однозначно! Зачем лгать себе, даже во спасение? Простите, сладкой лжи не бывает!

Вернёмся в наше недалёкое прошлое. В Москве живет всемирно известный историк, один из ведущих современных специалистов в области социологии прогнозирования и футурологии, Игорь Бестужев-Лада. Когда-то, на заре Перестройки, он очень четко и ярко нарисовал обобщенную модель эмиграционных процессов, а проще – сформулировал весь комплекс проблем эмиграции. Тогда, в 80-х, я не поверила ему, но Время всё расставило на свои места. Ученый с горечью утверждал, что самое страшное в эмиграции – это деформация человеческой личности, деградация психики, потеря себя. Он приводил горький пример, такой характерный для эмиграции:

«Если признанная пианистка пять лет моет посуду в немецкой забегаловке, то, увы, она уже не пианистка... Она посудомойка».

Оставим это жесткое высказывание без комментариев; всё как есть.

Но мы не о социальных вопросах нашего больного, истерзанного террором, общества, а об абстрактной категории – красоте наших любимых женщин. И что есть Красота? И почему вдруг – баба Люба? Не торопитесь, как ни странно, но они (Люба и Красота) – два полюса одного явления, одной проблемы и одной человеческой беды. В суете эмигрантских будней сколько женщин забыло о том, что Красота – это прежде всего – одухотворённость, интеллект, тайна... Это божественная лепка образа, пластика движений и жестов, это живая энергетика ума, воображения и только лишь потом – черты, выверенные по законам «золотого сечения» пропорций; и уж совсем НЕ модные тряпки класса must-have этого сезона, и даже не дорогой макияж и французский парфюм, не умопомрачительная стрижка и не сверкающие караты. Я совсем о другом.

«В женщине должна быть ЗАГАДКА. Нет загадки – нет женщины...», – это формула «профи», мастера фотосессий, работающего в известном модельном агентстве в центре Европы. А мнение мужчины, глядящего много лет в объектив на женщину, не стоит оставлять без внимания, верно?

Вспоминаю, как впервые оказалась в иерусалимском русском ресторане. Меня, нового человека в абсолютно другой жизни, поразило кричащее несоответствие, диссонанс между обликом присутствующих женщин и их одеждой. Это был почти театр абсурда, с гротескными кадрами, музыкальным сопровождением и даже с подтекстом, который умелый режиссёр выделил в многоточие.

Я увидела так много красивых вечерних платьев, сверкающей бижутерии на фоне измученных лиц в ярком карнавальном гриме. Усталые плечи после многочасовой монотонной работы в предательском контуре оголяющих декольте. Мне стало страшно. Я ощущала физически их усталость и раздражение, сутулость, неумение носить дорогие вещи, неумение улыбаться, ранние подъемы, нервные срывы, постоянную тревогу за детей, невозможность жить иначе и что-либо изменить... С годами восприятие окружающей жизни становится более ровным и орга-

ничным, многого мы уже почти не замечаем, но закон первых впечатлений никогда не обманывает меня; это отфильтрованная правда без примеси других эмоций, без самообмана и лжи.

Но как странно устроена наша память. И почему я вспомнила этот давно уже закрытый ресторан в центре Иерусалима? Что общего между подсмотренными ресторанными картинками и телепередачей русского канала «Израиль-плюс», когда совсем недавно в студии проводился конкурс красоты? Четырнадцать красавиц нашей Алии, четырнадцать девочек, у которых иврит уже почти родной, стройные, юные, нарядные. Но... Я всматривалась в лица, я искала, спорила с собой и не могла ответить на такой простой и обидный вопрос: Почему лица этих девчонок до сих пор не разбужены интеллектом? Кто виноват? Где игра ума и блеск дерзаний в глазах? Где одухотворенность и загадочность? Из 14-ти девчонок только одна учится в университете – тревожный и неутешительный симптом. Почему они так стандартно красивы и безлики? И что мы все по большому счету сумели дать нашим детям, которых привезли в новую страну для их счастливого будущего? Девочки что-то косно лепетали перед камерой, натужно улыбались... И это был еще один укор всем нам, взрослым, не сумевшим разбудить Красоту. Увы, «Баба Люба» оказалась неумелым воспитателем.

Голливуд, очень чуткий индикатор всех новых веяний и направлений, уже давно утверждает тип красоты, доминанта которой – незаурядность и интеллект. Вспомните Шарон Стоун и Ким Бессинджер – сколько изыска, стиля, сколько чувств и эмоций. Недавно по российскому TV Леонид Парфенов брал интервью у Кондолизы Райс, советника президента США по вопросам безопасности. Признаюсь, меня пленила эта чернокожая женщина. Я восхитилась её манерой ведения беседы, легким утонченным шармом, королевской осанкой и ярко выраженной харизмой. Только гимнастика ума способна создать такую лепку лица, осветить его изнутри, заставить окружающих поверить и полюбить. Конечно, я привожу примеры небожителей, звезд, которых так мало на Земле; но, поверьте, очень важно для молодых стре-

миться ввысь, ведь горизонт бесконечен. «Душа обязана трудиться», только тогда придёт настоящий успех. Мы живём в эпоху информационного взрыва и интернета, каждый день приносит нам новые сенсации, гипотезы, открытия. Независимо от нашей ежедневной занятости мы можем так много узнать, успеть, прочувствовать и пережить, встретиться со столькими интересными людьми, восхититься возможностями и технологиями современного мира. И когда я слышу от некоторых дам, что компьютер портит глаза, мне хочется рассмеяться. Девочки, не надо лукавить; жить тоже в некоторой мере – вредно.

Вспомните детскую сказку Андерсена «Русалочка». О, как больно было несчастной Русалочке ходить, каждый шаг её был отмечен страшной, почти непреодолимой, пыткой, слёзы жгли её изнутри, но она твёрдо шла на эти испытания, чтобы войти в Мир людей. Яркий, влекущий, постоянно меняющийся мир стоит того, чтобы к нему стремиться, чтобы в нем жить и находить в нем вдохновение.

Игра интеллекта, особый драйв и очень тонкий нерв чувств на лице современной женщины создают потрясающий шарм, который не способна создать даже самая технологичная пластика и макияж. Время очаровательных милашек ушло безвозвратно, мы все повзрослели.

Эволюция изменения критериев женской красоты произошла в России неожиданно и стремительно, еще в начале 50-х: от сияющих фарфоровых улыбок Любви Орловой и Марины Ладьиной до бездны трагизма в бездонных, уходящих в бесконечность, глазах Татьяны Самойловой в гениальной черно-белой ленте «Летят журавли» Михаила Калатозова. Это был единственный советский фильм, попавший в лидеры кинопроката Франции и получивший Золотую пальмовую ветвь в Каннах (1958). Наступила эра другого, интеллектуального, кино, эра Марлены Хуциева, трудного признания Андрея Тарковского, Михалкова-

Кончаловского, время характерных актрис, где знаком кра-

Ирина Цыпина

соты стала Неповторимость. Вспомните Элину Быстрицкую, Маргариту Терехову, Майю Плисецкую... Список, безусловно, можно продолжить, но в каждой из этих великих

женщин – сначала характер, а уж потом симметрия черт и пленительное женское обаяние.

Время более высоких порядков, более сложных и высоких ценностей стремительно ворвалось в наш век, перечеркнув старые догмы, условности и патриархальный уклад. Так будем соответствовать своему времени и его непростому и жесткому диктату. Ведь чувство времени – это всегда залог успеха и признания, современный стиль и современный эталон красоты.

P.S.

Но, девочки, это мистика!

Когда мой очерк уже был готов, вдруг, из архива Женского Рунета я получила сообщение от очаровательной интернет-дамы Елены Шерман: «Нормальная женщина в Интернет не ходит как минимум по двум причинам. Во-первых, это не стирка белья «Тайдом» и не чистка унитазов «Кометом», – это ужасно неженственно. А во-вторых, даже если вдруг нормальная женщина и решится на такой нетипичный поступок, она все равно не сможет близко подойти к компьютеру, потому что боится мыши. Если же она не боится мышей – значит, это не нормальная женщина. Она мутант...»

Ну, и как это понимать, милые дамы??? Что будем делать? Устроим в сети еще один «Женсовет»?

В ПЛЕНУ АССОЦИАЦИЙ

*Памяти замечательного
еврейского писателя Якова Тайца посвящаю*

Когда в детстве меня просили назвать имя любимого писателя, то заранее было известно, что им должен быть Аркадий Гайдар или Николай Островский, или классически безошибочный Пушкин, или еще кто-то из глянцевого утвержденного списка, составленного в недрах министерства просвещения. Что поделаешь, мы жили в протокольное время, под жестким прессингом придуманной идеологии, но я совсем о другом...

Когда в детстве меня просили назвать имя любимого писателя, я называла его не задумываясь – Яков Тайц; и все в недоумении пожимали плечами. Писателя, создавшего прекрасный трогательный мир незабываемых образов – честных, достойных, смелых, – не знали; имя писателя незаслуженно осталось в тени забвения. Я помню толстую тяжелую книгу в бежевом картонном переплете: «Рассказы и повести», год издания 1958-й. Я росла в книжной семье, где была большая домашняя библиотека, и когда мы с мамой решили эту библиотеку упорядочить и составить формуляры на все наши книги по тематике, годам издания, нашим вкусам, то самый почетный номер №1 достался Книге моего детства.

С героями этой книги я хотела дружить, они давали советы, они помогали, были всегда рядом. В них не было пафоса и самодовольства, кичливости и напыщенности, они были настоящими, надежными, очень верными людьми сложного и страшного времени.

Книгу Якова Тайца мне подарила моя бабушка, со словами: «Он из того самого города Вильно, где я родилась и жила до войны; возможно, мы были знакомы...» Литовскую столицу Вильнюс бабушка называла старомодным названием Вильно и с раннего детства я знала все-все об этом пленительном городе, где

женщины элегантны и затянуты в корсеты, где по утрам пьют кофе по-варшавски, заваренный в кипящем молоке, где устраивают семейные музыкальные вечера, обязательно со скрипкой, ездят на конке на дачу в Ковно, а благотворительный бал «Белоголубой бант» – событие городского масштаба. А еще я знала, какой торжественной и праздничной была каждая Суббота в патриархальном еврейском доме, когда собиралась вся семья и отец читал молитву, слова которой я услышу и вспомню через много-много лет уже здесь, в Израиле. Они жили на Цветочном бульваре, в доме № 6, где-то возле Центральной синагоги, но в 1986-м году я с моей приятельницей литовкой Лаурой так и не нашла этот дом, Синагога была закрыта на ремонт, а Вильнюс оказался красивым и абсолютно чужим... Все близкие и родные бабушки, все-все, ушли в небытие Холокоста. После войны этот город, безумно любимый и родной, она похоронила в своей памяти, никогда больше туда не возвращаясь. Так вот, легкая загадочная аура того далекого времени на страницах Якова Тайца переплетена с трагическими картинами потерь страшной войны. В его чистой, наивной прозе живет целый еврейский мир. Возможно, его герои чуть честнее, чуть лучше, добрее, чем на самом деле, в жизни; может, чуть идеальнее, но на то и существует литература, чтобы умело ретушировать прошлое и воссоздавать ощущение уже исчезнувшей эпохи. И когда я читаю отточенную, гротескную и всегда печальную прозу Эфраима Севеллы, я вспоминаю любимую книгу моего детства – «Рассказы и повести» Якова Тайца. По какому-то особому нерву я узнаю стиль и душу, мудрость и дыхание того растворившегося в Лете города.

Его невозможно спутать, в нем свои краски, свое очарование, своя тревога и боль. Яков Тайц писал на идише, а потом перевел свое творчество на русский язык. Возможно, на идише его проза звучит еще ярче и насыщеннее, но, увы, мне лично не дано было прочесть подлинник из-за незнания этого уже сакрального языка. А ведь в то время, когда моя бабушка жила в Вильно, евреи знали идиш и русский, немецкий и польский.

Редкая семья не имела родственников в Германии или Польше; границы были прозрачны и люди общались, ездили в гости, на учебу. Еврейский мир был открытым, динамичным и ярким. Бабушка, случайно уехав из Литвы, всю жизнь считала это колоссальной ошибкой, но эта ошибка спасла ей жизнь, а самые близкие и родные рассеялись пеплом над тем сказочно-прекрасным городом.

А я до сих пор вижу зимний вокзал, на котором моя бабушка, совсем маленькая девочка, провожает своих дедушку и бабушку «умирать» в далекую, неизвестную Палестину.

Почему я не расспросила ее, куда они попали, как сложилась жизнь на новом месте? С кем они ехали, как смогли оставить детей и внуков? Кем они были? Но они уехали, растворились в начале прошлого века, и похоронены на этой Земле, куда почти через столетие попала я. Больше мне ничего не известно. Наверное, все было предопределено. А ведь они – тоже прообразы героев того еврейского мира, увиденного в начале прошлого века Яковом Тайцем в городе с забытым названием Вильно.

Когда я впервые попала в Иерусалим, я почему-то вспомнила повесть Якова Тайца «Под горой Гедимины». Писатель описывает тревожное послевоенное время в Вильнюсе: днем идет нормальная мирная жизнь в прекрасном городе, а по ночам лесные братья и прочие бандиты всех мастей врываются в дома, убивают, мстят, грабят и терроризируют все население. Атмосфера дивной красоты и дневного спокойствия странным образом переплетена с чувством загнанности и почти животного ночного страха.

Безусловно, в этом ирреальном мире есть своя логика, но я не об этом. Просто память способна возвращать нас каким-то непонятным ассоциативным путем в уже пережитые эмоции, пусть не во сне, не наяву, а на страницах прочитанных книг.

И когда я впервые попала в Иерусалим, то почувствовала ту же тревогу, ту же растерянность перед красотой дивного города, залитого солнечным светом, и чувством опасности, подсте-

регающей израильтянина на каждом шагу.

У героев Якова Тайца необычные имена – Янкеле и Блюма – соседствуют с Игнасом и Алдоной, а еврейские праздники переплетаются с таинственными литовскими обрядами. В его книгах много янтаря и тревожный холод от рассказов про лесных братьев, а еще близость Балтийского моря и белый песок и сосны... И собор святой Анны, воспетый Наполеоном, и древние улочки старого города и еврейских кварталов, там так много боли и любви, там так много утрат, но все еще живы...

Любимые книги я никогда не перечитываю, боясь потерять магию и очарование, созданного писателем мира. Забывается сюжет, но остается атмосфера со всеми знаками, тайнами, со всей непостижимостью и загадочностью. Читая такие книги невозможно быть злым и агрессивным, невозможно лгать, быть подлым.

Но время тихой, светлой прозы, увы, прошло. Предпочтения сегодняшнего дня – это не ослепительные вершины русского языка у Бунина или Набокова, это не бесхитростные, честные аксеновские коллеги, и даже не изломанные «Великой эпохой» беспомощные и нервные вечные подростки Эдички Лимонова. Нет, сегодня выбирают экшн, тяжелый сленг, секс, криминал, доминирующий крутой сюжет, либо интеллектуальные изыски формы, где страницы выстраиваются по законам математической модели, без души и без потрясений. Акварельная легкость стиля уже не завораживает читателя, не дразнит воображение, ему некогда, он должен успеть выиграть Большой Приз. В прошлом остались наши любимые первые книги, они так несовременны и старомодны, а мы так легко меняем свои вкусы и пристрастия, так легко предаем их... Но иногда на волнах памяти приходят образы из детских лет, и хочется сказать: «Как хорошо, что это было...»

ПОРТРЕТ В КАРТИННОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Фронтовику, заслуженному художнику Украины, профессору живописи, Иосифу Ильичу Карасю посвящаются эти страницы

«Пусть наши имена будут записаны в Книге жизни, и да будет услышана Наша молитва, как была услышана молитва Ицхака».

(«Врата Раскаяния»)

Магические знаки, тайна снов и предчувствий... Вы верите в мистику совпадений? В моей жизни это случалось не раз: неожиданно Прошлое врывается в Настоящее, берет в плен и не отпускает... Мистика? Что же еще? Шок!!! На выставке картин я встретила себя из двадцатипятилетнего прошлого.

Картина известного художника называлась: «Девушки на дорогах войны». Увы, я себя почти не узнала, мы почти разминулись в пространстве... А я ведь была моделью, как сейчас бы сказали, одной из девушек для этой жанровой, очень советской и наивной, картины на военную тему, посвященной Великой Победе над фашистской Германией.

Полукругом военные девушки сидят у ночного костра на привале. Полуосвещенные лица, светящиеся искры костра тают в ночной тревожной тишине леса, конец лета, война...

Что сказать было ей, той девчонке с дерзким и одновременно открытым доверчивым взглядом, сидящей у огня в пилотке и гимнастерке? Была ли я рада этой встрече? Ведь она, эта девочка с распахнутыми глазами, так много могла, так о многом мечтала, ее еще не предавали близкие друзья, ей еще не лгали, у нее еще не забирали свободу в обмен на сомнительное благополучие... Картина была написана маслом, но без грубых мазков, очень нежно, трепетно. Скупая палитра красок создавала странное, почти **нереальное** свечение: пламя костра вибрировало на ветру, и там, в придуманных декорациях, жила

я, еще очень молодая и настоящая. Там – еще всё впереди, всё возможно, всё легко и просто, еще все победы брошены небрежно к ногам в модных ажурных колготках, еще нет ошибок и нет еще поражений...

Мы встретились с ней взглядом. Она смотрела на меня из картинного пространства, как из зазеркалья, еще не зная всех бед и проблем, которые не обойдут ее стороной, которые ждут там, в далеком далеке...

А я очень четко помню тот день, когда художник рисовал эту картину. Была снежная зима, минус 25. Я, студентка-первокурсница архитектурного, раскрасневшаяся после катка, в длинном бирюзовом свитере модной вязки, с ярко подведенными по моде тех лет глазами и с летящей лондаколовой челкой: мне ужасно льстит предложение маститого художника – позировать ему для картины. Внизу, на лестничной клетке, меня ждет мальчишка-поклонник, и я чувствую себя ужасно красивой, взрослой и крутой, как бы сказали сегодня наши дети. Я не вдаюсь в подробности тематики будущей картины, молодость всегда цинична:

– Ах, война... Уж это, слава Б-гу, не про нас!!! Война уже давным-давно закончилась... Простите, избитая тема... Надоело!

Как же изолированно мы жили в той закрытой замороженной стране, какими непростительными эгоистами были. Ведь в то же самое время шло столько войн, столько пролито крови было на Этой, ставшей через долгие годы осознания, тоже родной, Земле. Каюсь...

А в мастерской натоплено и уютно, мы пьем растворимый кофе «Пеле», художник рисует и с юмором, в лицах, рассказывает о былой Войне, о фронтовом братстве, о бесстрашных девушках, которых встречал на дорогах войны совсем молоденьким лейтенантом. Я рассматриваю рисунки и наброски, сделанные простым карандашом, в перерывах между боями. Это – целый полк, галерея лиц той далекой, почти забытой, войны. Их лица прекрасны и еще не испорчены временем, как бывает только в очень ранней юности; они еще не знают, что им предстоит, и в этом – мистическое чудо застывшего времени на старой, по-

желтевшей, плохого качества бумаге. Эти наспех сделанные эскизы выхватывают самое главное, почти потустороннее, внутреннее **Я** человека и говорят о нем гораздо больше, чем любая самая профессиональная фотография. Художник был уже не молод, но как светлело его лицо, как преображался он, когда вспоминал свою фронтовую юность. Весь круг его близких друзей был из той военной поры, того жесткого времени, когда в одном окопе сразу можно было определить, кто есть кто. Кстати, о мистике. Он безошибочно по глазам видел перед боем того, кому не суждено было вернуться. Он рассказывал, что солдаты очень четко чувствовали предстоящий роковой миг... Это знают все фронтовики, все люди, сталкивающиеся с риском, и нет этому объяснения... Но не будем об этом, мы о другом... Не будем искать ассоциаций. Живя в Израиле в ежедневной опасности, мы многое понимаем по-другому...

Маститый художник, профессор живописи, эрудит, он жил трудной судьбой своей страны, был, как казалось, нужен ей и был востребован. Свое еврейство он осознавал, но научился с этим жить; адаптировался, стараясь активным творчеством компенсировать дефицит свободы и тот национальный комплекс, который, разрушая психику, тяжелым грузом нереализованных возможностей давит и не дает забыть... И его ли вина в том, что у него, фронтовика, не хватило сил на протест, на то, что смирился, на то, что принял правила игры; внес свою лепту в строительство соц-ART той непонятной нелепой страны, изуродованной кровавой эпохой?

Ментально будучи стопроцентным славянином, он иногда непростительно надолго забывал о том, что чужой; да и был ли чужим, когда все его предки корнями поколений вросли в эту Землю, Историю, Культуру? Он оформлял фольклорные выставки и книги, много рисовал, преподавал, читал лекции, писал монографии по живописи, составлял учебники. Он жил, много работая, запрещая себе философствовать на сложные темы, которые невозможно решить, как невозможно ничего изменить. И страна, как приворот, как наваждение, держала его, не отпус-

Ирина Цыпина

кая столько лет, почти всю жизнь. Он не был знаком с еврейским религиозным укладом. В индустриальном городе, в котором он родился в 20-х, был тогда один язык – русский, и одна религия – Революция; и эту универсальную религию исповедовали его молодые революционные родители, восторженные строители Новой Эпохи. Так стоит ли удивляться, что все сложилось так, а не иначе?

Через много лет, в 90-х, мы закономерно встретимся в Израиле, и вся иерусалимская квартира художника будет в его картинах.

Это был эдакий картинный хаос: зимние пейзажи и нарядные изысканные натюрморты. Прозрачные, словно туманные, акварели моего родного города, а еще его любимый Восточный Крым, воспетый Цветаевой и Волошиным. Пенное синее море, такое соленое и непостижимое у берегов Коктебеля или Феодосии... Легкий флер Айвазовского, но это все не вторично, а даже очень изысканно... Картины «Девушки на дорогах войны» здесь не было. Ее еще тогда, много лет назад, к юбилею Победы купил Дрезденский Дом германо-советской дружбы.

А в Израиле его картины не покупали. Галерейщиков, остро чувствующих спрос, он не интересовал. Другая страна, другая ментальность, другой стиль, другие времена...

В его натюрмортах были слишком анемичные, блеклые краски; ему не верили, что так бывает в природе. Его акварельные города были неизвестны местным жителям, и поэтому неинтересны. А море, такое экзотичное Там, в Израиле всем уже давно приелось и надоело своими медузами.

В новой стране он был совсем не моден и абсолютно не известен, он писал в другой манере, в другой технике и в другом художественном пространстве. В его работах не читался скандальный кумир израильтян – Сальвадор Дали; он был далек от школы элитарных, остро модных импрессионистов; и вооб-

ще, он здесь «не соответствовал»... Не было рекламы, не было нужных PR-проектов. Увы, его Время прошло.

Перед его отъездом в суете дней мы не успели с ним попрощаться, а потом какие-то вечные проблемы помешали мне ответить на его письмо. Я все собиралась написать, да так и не успела.

Он прожил Там после возвращения еще год. Союз Художников успел подготовить к его юбилею персональную выставку, которая была освещена в местной прессе и на TV.

Он опять был признан и имел заслуженный, шумный успех: на открытии Выставки присутствовали его ученики, коллеги, друзья.

Он до последнего дня работал над портретом Моисея, который был задуман еще в Израиле. Я помню наши иерусалимские прогулки по Старому городу, как возле Стены Плача он искал своего Моисея, вглядываясь в библейские лица молящихся старцев. Он так хотел пообщаться с ними, но они были закрыты и недоступны, как будто были причастны к какой-то охраняемой от чужих Тайне.

После возвращения старый художник очень торопился жить, торопился успеть, словно постиг новый смысл Бытия... Там у него было Имя. Его картины покупали привычные к стилю соц-ART (Социалистический реализм), бывшие советские граждане, ныне гордо именующие себя Middle class, любители живописи.

Да и что порочного в этом терзаемом критикой стиле соц-ART?

Для меня до сих пор символами детства остались заброшенные осенние аллеи парка Горького с гипсовыми горнистами, пионерами и, конечно, с нестареющей девушкой с веслом... Вы помните открытую радостную улыбку довоенной девушки в полосатой тенниске с очень известной картины художника Самохвалова? Венера Нового Времени, смелая, уверенная, спортивная, не сомневающаяся и ослепительно красивая. Такие выиграли Победу, перенесли на своих плечах весь ужас советской Истории; выстрадали осознание новых координат современ-

Ирина Цыпина

ной жизни и элегантно, незаметно трансформировались в современных бизнес-леди, утонченных и безумно сексапильных.

Далекая Девушка с веслом, я прощаю тебе неуместный задор и глупую немодную наивность. Только останься навсегда в тех аллеях старого парка, где мы когда-то были детьми...

И опять Иерусалим... Перед глазами старый художник в картинном хаосе чужой, съемной квартиры вопросительно-ожидаяще смотрит мне прямо в глаза. Но нет у меня ответа.

Я не знаю, как правильно поступить.

ВИЗАВИ

*«И увидел я новое небо и новую землю;
ибо прежнее небо и прежняя земля миновали».
(Откровения от Иоанна 21; 1)*

Мозаика наших впечатлений и чувств вбирает в себя все только самое яркое, необычное, талантливое.

Высокие рифмы и пронзительные строки, волшебные звуки музыки и магия красок, оживающих на холстах, незабываемые литературные образы, театральные потрясения, кинооткрытия, и еще, и еще, и еще... Этот ряд можно продолжить опытом реальной жизни каждого из нас.

Но сегодня я о другом: о явлении Звезд, уникальном и загадочном; о тех, кто сиял для нас, освещая собой Время, Эпоху, кому поклонялись, кого боготворили, из кого лепили кумиров, нарушая Заветы. Конечно, у каждого из нас есть свои кумиры, но я о тех, кто покорила сердца не одного поколения, кто стал культовым знаком, кто навсегда остался на пике славы молодым и ослепительно-недоступным... Кто заставлял сопереживать, страдать, любить и ненавидеть самых разных людей, создавая магией своего искусства параллельный мир творчества

и интеллекта со своими кодами восприятия и условностями. И если у нас разговор о Звездах, давайте сквозь звездную пыль приблизимся к ним и, как в знакомой московской телепередаче «Школа злословия», взглянем на них из нашего Сегодня сквозь совсем недавнее, простите, еще советское прошлое.

Я приглашаю Вас в Игру, в открытый разговор с долей сарказма и иронии. Щепотка занудства, несколько капель прозрения и самая малость ярости, но не злости, скорее азарта, – и не судите строго, ведь мы играем? Вы заметили, что наша память подчиняется нам? Физики утверждают, что нет временного Абсолюта, у каждого из нас свой час между Прошлым и Будущим, и согласно гороскопу во Вселенной мы движемся – каждый по своей траектории памяти.

Итак, мы на повторном киносеансе. Аншлаг. Все билеты проданы. Но для нас – вход свободен! Детское чудо начала прошлого века, потрясающее кинодействие началось...

Иллюзион в стиле изысканного Ретро...

Представьте, вспомните сюрреалистический киносюжет: старый трамвай, без водителя и вагоновожатых, скользит по несуществующим рельсам в Никуда... В одном единственном вагоне всего одна пассажирка, молодая прекрасная женщина с отрешенным непонимающим взглядом огромных зеленых глаз, четко подведенных по моде тех лет в стиле а-ля-Нефертити, капризный рот, манерная асимметрия лица, так характерная для начала прошлого века; скорбно опущенные уголки губ выдают приближающуюся беду. Высокие скулы и смертельная бледность лица, взбитые каштановые кудри. На очень высокой мраморной шее черная бархотка с перламутровой бледно-розовой камеей, в тонких нервных пальцах зажат букет из уже ненужных, растоптанных чайных роз...

Куда ее мчит этот синий ненастоящий вагон? И почему она, Прекрасная Незнакомка, «дыша духами и туманами» глядит

Ирина Цыпина

сквозь заплаканное летним дождем стекло и бездействует? Еще есть несколько минут, чтобы прыгнуть с подножки трамвая... Убежать от всего, что ждет ее Там, за поворотом...

Еще можно остановить вагон, нажав на стоп-кран... Еще можно переиграть сценарий... Еще можно не умереть от «испанки»...

Еще можно все изменить...

Но она летит в Никуда, чтобы уйти такой юной и безумно известной, оставив после себя шлейф Тайны, море легенд, тысячи обезумевших поклонников, бедных крошек дочерей и свет Божественного свечения ЗВЕЗДЫ, навсегда...

В этом почти черно-белом фильме снимают немое кино. В нем так много условного и недоговоренного Ретро, и весь сценарий в акварельной дымке Серебряного Века завораживает своей Тайной, без которой и нет чуда настоящего кино.

Помните у Александра Вертинского: «Ваши пальцы пахнут ладаном...»? Это, наверное, про нее. Вся изломанная и непонятная, легко отдавшая талант, молодость, красоту, веру... просто так, полуиграя. Женщина-девочка, ребенок, играющий в настоящую жизнь, но не понимающий ее жестких законов; вся из противоречий, капризов и манер.

Вы вспомнили её? Её невозможно забыть!

Раскрутим годы назад, как пленку старого фильма, и улыбнемся ей, Актрисе, восторженно и благодарно за то, что донесла до нас аромат той исчезнувшей Эпохи, где было все не так, как у нас; где были утонченные, аристократичные женщины, которых любили другие мужчины в салонах, заполненных другим Временем и другими словами, где пела Анастасия Вяльцева, где пьянели от «ананасов в шампанском» и сонетов Игоря Северянина, где рукоплескали молодому Александру Вертинскому, и гимназистка с огромным бантом в прекрасных белокурых локонах еще не стала знаменитостью русского Парижа, поэссой Ириной Одоевцевой; где царственная Анна Ахматова,

сошедшая с рисунков Александра Тышлера, сквозь гордый прищуренный взгляд читала свою судьбу по пульсу своих стихов. Но в бледных туманных зеркалах уже проступали блики предстоящей Беды...

Жрица немого Кино. Неразгаданный призрак Веры Холодной. Наша любимая Актриса, жившая с нами в одно трудное аскетичное советское Время, создавшая целую галерею пленительных женских образов, неожиданно для всех, в самом зените славы, уехала навсегда в другую страну, другую культуру, другой язык. Туда, где не знают, не боготворят, не просят автографы. Жизнь жестока к актрисам без родины.

Безукоризненный антипод «Девушки с веслом», Эталон и само Совершенство, Женственность, доведенная до Абсолюта и вдруг!.. После Олимпа и боги сходят на грешную Землю... А жаль!

Итак, мы продолжаем Игру, в нашем злословии не ищите острых шпилек и бульварных пересудов, но ...

Разбился еще один красивый КИНОМИРАЖ. На тысячи осколков разлетелась легенда. Недавно на экранах наших телевизоров прошел почти не замеченный, малобюджетный эмигрантский фильм, снятый в Америке, откровенно слабый и непрофессиональный. Женщина-загадка, утонченная и изысканная, на наших телеэкранах предстала провинциальной пенсионеркой, желающей выйти замуж и решить свои бытовые проблемы в Штатах.

Располневшая, в продуманно-безвкусном по сценарию платье, жалкая и невыразительная, любимая Актриса развенчала миф о Бессмертии Звезд. О, сколько вопросов ей хотелось задать! Как смогла??? Что заставило, почему???

Мы не видели постаревших Дину Дурбин и Бриджит Бардо, осталась очаровательным ангелом на века Мэрилин Монро, которая перестала сниматься задолго до своей роковой гибели, незабываемая «Дама с камелиями» Грета Гарбо прекратила сниматься в 36, и этот список можно продолжить...

Наверное, я выскажу очень спорное мнение, но многие со

мной согласятся: киностудия хладнокровно и расчетливо создает кумиров из таланта, красоты, удачи, Божьей Искры, которую они несут в себе от рождения; но Звезды зажигают зрители, мы с вами. Мы выбираем, возносим на вершину успеха, дарим любовь и преданное поклонение. Звезды не принадлежат себе, – увы, это закон жанра. В данном случае я не говорю о театре, т.к. это абсолютно другой видеоряд и другие условные категории сценографии. Театр более консервативен и абстрактен, он позволяет своим звездам быть долгожителями Олимпа, но и тут нет универсальных рецептов.

Я помню, как истинные театралы прошлого сетовали на Анну Каренину в исполнении уже немолодой, но незабываемой Аллы Тарасовой, как удивлялись ее опрометчивости и нежеланию оценить реально свой возраст.

Но мы все равно любим тех, кто создает на экране этот колдовской иллюзион, кто дарит нам праздник – прожить другую жизнь, другую эпоху, войти в другой мир и почувствовать волшебство всех превращений, на которое только способно кино. И не будем ругать кумиров, что не нашли эликсир молодости, что как и мы, постепенно уходят из мира молодых, а это болезненно и всегда с потерями.

Но есть еще профессия – Звезда. И когда я смотрю старые кадры любимого фильма, когда трамвайный вагон мчит в Никуда Актрису с летящим загадочным взглядом, и детские губы ее асимметрично складываются то ли в улыбку, то ли в гримасу страдания и ничего нельзя изменить, я НЕ ХОЧУ перечеркивать эти киноминуты, эти кинооткровения кадрами проходного фильма, где немолодая пенсионерка жалко кокетничает с потенциальным женихом. Хотя, имею ли я право выставлять свои требования Ей, Актрисе?

Ведь я знаю: эмиграция – это всегда разрушение, крушение, маленькая смерть...

И не будем жестокосердны, наблюдая, как наши кумиры вынуждены сходить с вершин.

«Боже, прости и сохрани Ее...»

ГАРМОНИЯ ПРОСТЫХ ИСТИН

Если Вы устали от будней и политики, если Вы не знаете, как уредить международные конфликты или глобальные катастрофы, я подскажу Вам очень простой способ – на несколько часов уйти в мир красоты и созерцания, мир новых пропорций и непривычных концепций, пройтись по тишине музейных залов и на несколько мгновений раствориться в лабиринте ярких красок, причудливых линий, изысканных композиций.

Древняя Кейсария. В самом центре Израиля – тени античной загадочности, осколки римской надменности, следы унижительной исторической заброшенности; смесь веков и культур, поверий и легенд. Город-памятник на берегу прекрасного синего моря. Есть историческая версия, утверждающая, что казнь Иисуса состоялась именно здесь, в самом сердце Римского города несчастной распятой Иудеи, а не на Голгофе, как утверждают официальные источники. Но это уже совсем другой сюжет...

Современная Кейсария – это пленительное место, зеленый современный рай, где все пасторально и изысканно, кругом стриженные газоны, сверкающие на солнце изумрудные лужайки и розы, нежно ароматные, с какой-то нездешней аристократичностью. Дорогие виллы, похожие на причудливые замки, органично вписываются в ландшафт.

Стоит почти звонкая тишина, что так непохоже на вечно гудящий наш «израильский табор».

Мы въезжаем на проспект Ротшильд и сразу оказываемся на территории частного музея «Ралли». Вход свободный.

Выставка современных латиноамериканских художников. Площадь выставки – 10.000 квадратных метров. Площадь застройки музея – 18.000 квадратных метров. Дизайн здания музея очень оригинален и прост: 4-х этажное атриумное здание со сферическими залами и фонтаном в стеклянном кубе в центре Главного зала. Верхнее естественное освещение и боковые подсветки к каждой картине. Перед центральным входом – фонтан, бе-

седки и много-много фигур камерной скульптуры прямо на траве (часть экспозиции музея). Музей Ралли – это необычное частное некоммерческое заведение, цель которого – привлечь внимание широкой общественности к современному латиноамериканскому искусству.

– Но это же не по Теме! Каждый камень в Кейсарии – свидетель стольких событий, знает столько глубинных тайн Цивилизации, а Вы о латиноамериканской Живописи! – скажет скептик.

Но не будьте поспешны! Во всем есть своя закономерность и логика. Возможно, совсем не случайно в поисках античных древностей я неожиданно нахожу для себя Праздник Цвета и головокружительной Фантазии воображения. А ведь нам в повседневной круговерти так не хватает именно таких праздников, одухотворенных и высоких, приближающих к вечности и поднимающих над суетой. Мы пришли на безумно интересную выставку, абсолютно не имеющую аналогов не только по содержанию полотен, но и по организации самой экспозиции.

Современный музейный NO HOW.

Сегодня в мире уже четыре музея «РАЛЛИ». Руководят музеями г-н Гарри Реканати и его супруга д-р Мартин Реканати Пунтадель-Эсте. Первый музей Ралли, открытый в Уругвае в 1987 году, второй музей был открыт в Сантьяго (Чили) в 1991 году, третий музей был открыт в Израиле в Кейсарии в 1993 году, четвертый музей был открыт в 2000 году в Марабии (Испания).

Все эти музеи демонстрируют самые важные произведения искусства современных латиноамериканских художников преимущественно сюрреалистического философского направления. Причем, работы подобраны в зависимости от их эстетических достоинств, вне всякой связи с популярностью художника или стоимостью произведения. Руководители музея не являются сторонниками массовых экскурсий с аутогидами и презентаций с их помпезной многолюдностью.

Основная концепция музея – ввести каждого посетителя индивидуально в мир сложнейших переплетений мысли и цвета;

заставить эмоционально проснуться, восхититься, полюбить или возненавидеть, принять или отторгнуть, но не оставить равнодушным. Каждый должен пропустить информацию через себя, без постороннего влияния, только согласно своему мироощущению.

В музее нет киосков и магазинов с сувенирами, нет буфетов и ресторанов; подчеркнутая аскетичность фокусирует внимание посетителей только на предметах живописи, не отвлекая, не уводя в коммерческие лабиринты, что кажется нам поначалу очень необычным приемом. Здесь разрешают фотографировать, но принципиально не принимаются никакие пожертвования, даже государственные субсидии. Все в музее является некоммерческой частной собственностью семьи банкиров Реканати.

Выставка имеет очень яркое колористическое начало: буйство необычных красок, сочетание несовместимых тонов, абсолютно незнакомая культура, где существуют другие законы цветотехники и оптических пропорций. Здесь все насыщено такой чувственной палитрой; так много ярко-красного пурпура любви и страсти, цвета крови и жесточайшей власти над людьми. Здесь даже Ад не привычно размытый, туманно-черный, а пронзительно синий электрик с сумасшедшей энергией вечного Бытия... Так можно чувствовать только в стране, где очень, очень много солнца и почти первобытной свободы, где не бывает туманов и дождей, а чувства – естественны и обнажены. Где еще нет условностей и прессинга этикета, где все прямолинейно и четко – в линиях, оттенках, в сознании... После европейской чопорной изысканности, игры подтекста и бледной акварели красок, эти полотна бьют мощнейшей энергией несовместимых тонов, образов, какой-то почти дикой первозданностью. Я не говорю, что это мне близко; еще надо привыкнуть, чтобы понять.

Это, как другая эстетика, другой подход, другая философия...

В коллекции очень много современных аргентинских художников-абстракционистов, есть также художники из Чили, Уругвая, Мексики.

Ирина Цыпина

Прекрасна камерная скульптура, выполненная из розового мрамора с потрясающей обработкой. Выразительны и отточены медные и чугунные фигуры людей и диковинных животных в жанровых скульптурных сюжетах. Здесь наряду с латиноамериканскими художниками вы встретите работы Сальвадора Дали и Огюста Родена.

Сколько мудрости и несогласия в небольшой скульптурной композиции Огюста Родена «Амур-труа», известной под названием «Отторжение»...

Их трое, и они бесстыдно-упоительно сплетены мигом любви, страсти, наслаждения... Они прекрасны и непонятны...

Очевидно, Любовь отторгает третьего. Как невозможно принять, так и невозможно подчеркнуть чувства, застывшие в веках. Только знак вопроса к ушедшему в Вечность МАСТЕРУ.

Магия Великих Художников как будто бы растворилась в этих залах, где причудливо и необычно встретились знакомые нам европейские гении с мощной Волной нового для нас, пьянящего и покоряющего своей выразительностью, латиноамериканского искусства.

Войдите в этот мир красок и любви! Почувствуйте гармонию простых истин окружающей вас жизни. Только не торопитесь, позвольте себе насладиться всей безумной палитрой, талантливо выплеснутой на холсты.

P.S.

Сеть музеев «РАЛЛИ» была первой в мире, основавшей международную сеть музеев-новшеств.

ИЗРАИЛЬСКИЙ «ВАВИЛОН»

(или этажи и парадоксы еврейского «терема»)

*Ответ Семену Августевичу,
главному редактору журнала «Корни».*

Израиль 2004-го года. Тахана мерказит – название почти нарицательное, центральная автобусная станция любого города. Самое колоритное, самое живое место страны, где всё кричит, бурлит, переливается и звенит, где пересекаются все конфликты, религии, языки и диалекты, ругательства и молитвы, детский плач и признания в любви... Здесь так много эмоций, всегда так шумно и... всегда тревожно, ведь автобусы иногда взрываются, и об этом знает каждый.

Наверное, от этих ощущений иногда кажется, что воздух на Тахане Мерказит окрашен в солдатский цвет хаки, цвет неизвестности и войны, или это просто обман зрения, ведь на остановке всегда так много солдат?

Но выйдем из толпы. Приглядимся к каждому. Посмотрим в глаза... Постараемся понять страну людей, в которой почти все – мудрецы, все – почти гении, все правы и все умны. И по странной иронии здесь до сих пор не признают своих пророков. Здесь не принято сомневаться, не принято кем-то восхищаться, не принято говорить вполголоса и не принято верить чужим слезам, как, впрочем, и в Москве; слишком много видели слёз настоящих... Вашу европейскую воспитанность и деликатность здесь за просто примут за неуверенность в себе, за пресловутые комплексы слабых, не поймут и осудят. Здесь – «весь мир – не указ», а если точнее, это страна евреев и мы, израильтяне, её воспринимаем такой, какая она есть... жесткой, истерзанной, эмигрантской. Только простите мне мою прямооту и открытость, но наши дети защищают эту страну, а значит, у нас, живущих здесь, есть право СВОЕГО голоса.

«Нас интересует «современный Израиль». Хотелось бы услышать рассказ о конкретных людях, взаимоотношениях, событиях», – пишете Вы, – есть ли у вас друзья среди «эфиопов», «марокканцев», сабр, ватиков-англичан, французов?»

Ответить однозначно и кратко просто невозможно. Увы, нет еще единого народа, единого этноса, единой нации, которую так безумно хотели создать в своём фантастическом «плавильном котле абсорбции» наши «отцы-сионисты», основатели еврейского Ренессанса на Ближнем Востоке. Здесь живут рядом выходцы из России и Северной Африки, Европы и Америки, Эфиопии и Кубы, Индии и даже Китая. Утром на стоянке жильцы нашего дома, по дороге на работу, желают друг другу хорошего дня на иврите с русским акцентом или английским, испанским или французским... Но не подумайте, что Вы попали в коммуналку романов Анчарова или в кадры любимых «Покровских ворот», просто так принято, не более.

Пройдёмся по главным этажам нашего « Еврейского Терема».

Верхний элитный пентхаус:

Северный Тель-Авив, Савьон, Кфар-Шмарьягу, Герцлия-Питуах...

Здесь живут «хозяева жизни» и держатели акций этой страны.

«Старые деньги» и законодатели. Потомки полуграмотных местечковых евреев, приехавших в далёкую Палестину из России, Украины, Белоруссии, Польши в начале прошлого века. Они бежали от революций, погромов, войн.

Обустроивались, проявляли завидную смекалку и коммерческий азарт. По дешёвке скупали заболоченные и неплодородные земли, на которых сейчас и построен современный Израиль. Сегодня их дети и внуки владеют миллионными состояниями в мире и давно забыли о своём галутном прошлом. С «русскими» они себя не идентифицируют. Обидятся, если их назовут

«русскими евреями», подчеркивают своё ашкеназское происхождение (что звучит почти как дворянский орден). Странно, алогично, но так.

Несколько примеров израильских парадоксов

Парадокс № 1

Близкая подруга моей мамы, одинокая старая женщина, попросила меня найти в Израиле её двоюродную сестру, которая ребёнком была вывезена родителями из Киева в Палестину через Иран в 21-м году. Это был караван евреев, нелегально уходящих горными дорогами и перевалами от «красного террора».

И вот я в шикарной трехэтажной вилле, где живёт старая дама, совсем одна. Мраморные скульптуры, картины известных европейских мастеров живописи, зимний сад, фонтаны, цветы.

Прекрасная русская библиотека, раритетные издания начала прошлого века. Дама говорит на прекрасном русском языке, она умна, подвижна, элегантна. Её муж когда-то был главным архитектором Тель-Авива. В доме всюду его присутствие – портреты, книги, памятные вещи. Мы мило общаемся, я рассказываю ей про её сестру, раскладываю фотографии, передаю письма... Но она не понимает, ЧЕГО я от неё хочу?... Да, она знает о семье дорогой Адочки, но дальше-то что? «Неужели Адочка решится приехать? Это было бы непростительной ошибкой, ведь там у неё есть квартира, а в Израиле она будет без своего угла... Не хватает пенсии? Ну а в Израиле это тоже копейки... Не хватает на еду? Ах, какая страшная жизнь... Но мы тоже тут жили по-разному...». Она вежливо пригласила меня на обед, считая, что разговор закончен. И была очень удивлена, что я спешу и не смогу разделить с ней трапезу. Мы попрощались, ко мне лично никаких вопросов не было, я была ей не интересна. Я помню, с каким чувством досады и непонимания я вскочила в машину, в такой мерзкой ситуации я оказалась впервые.

Ирина Цыпина

Включила зажигание и в стоп-кадре моей памяти осталась еще одна картинка израильской действительности: сияющая роскошная вилла, одинокая старуха-миллионерша, охраняющая свою частную жизнь, не желающая помнить родства, закрытая и холодная даже для близких по крови. А ведь это не жадность, не скупость, это значительно опасней и страшней. Это – БЕЗРАЗЛИЧИЕ к ближнему, безразличие к слабому, который нуждается в тебе.

P.S.

В Израиле существует служба розыска родных и близких.

Вам дадут номер телефона людей, которых Вы ищете, но предупредят, что адрес дать не могут, т.к. не знают: захотят ли ваши родственники или друзья с вами встретиться? Логично, если забыть всё, на чем мы воспитаны, если отключить мораль и чувства, если...

Парадокс № 2

Наши дети учились в одном классе. И тогда Она только делала докторат в американском университете, кажется, по философии. Её муж был крупным израильским бизнесменом, владеющим международным бизнесом. Тогда Она еще не была в политике и не была такой известной на израильском небосклоне «богатых и знаменитых». Мы были в стране всего несколько месяцев, и Она пригласила нас к себе на Праздник Ханука. Дети, как и положено, веселились, ну а взрослые общались за чашкой горячего, крепкого кофе. Она держала речь, говорила ярко и много, страстно жестикулируя и играя. Наверное, уже тогда Она мечтала о политической карьере, но сейчас – не об этом. Суть её речи сводилась к тому, что она не расистка, что для неё все равны – и русские, и эфиопы, и сабры (коренные жители страны).

«Репатриантам – русским и эфиопам – надо помочь войти в Израиль, войти в культуру, в язык, в общество. Ведь они из слаборазвитых стран, у них комплексы, они не знают даже азов

демократии, их надо учить, как детей». Она посоветовала нам с мужем идти на любую работу (даже не поинтересовавшись нашей профессией), ведь при демократии – все равны! Рефреном звучала фраза: «Русские и эфиопы...»

Непонятное тождество, знак равенства без вопросов.

Но не удивляйтесь, её мама, как оказалось, знает русский язык и рождена в маленьком местечке под Бобруйском, но об этом – никому, почти семейная тайна.

Родословная из бедной страны не украшает имидж.

Парадокс № 3

Совершенно случайно сразу после улыпана я устроилась в русскую еженедельную газету. Газета была посвящена вопросам Алии и абсорбции: социальные проблемы, советы адвокатов, примеры завоевания «места под израильским солнцем». Мне запомнилось интервью с одной русскоязычной дамой, женой известного правозащитника, покинувшей Россию в 70-е. Она создала курсы для женщин Алии 90-х и была этим очень горда. Это были курсы по уборке квартир – научить, как грамотно убирать квартиру, какими химикатами надо пользоваться, какой порошок годится для стирки, а какой для чистки ванны или унитаза. Я тогда пришла в шок. Отрезвление приходит не сразу.

Конечно, концепция любой эмиграции – это перераспределение функций: местные жители хотят себя оградить от тяжелой физической работы и переложить её на покорные плечи вновь прибывших. Израиль построил такую же прагматичную модель, как и другие, принимающие иммигрантов страны, «без сантиментов».

А сохранить себя и не прогнуться – это уже для каждого – своя драма, свой сценарий и свои итоги.

Вспомните фразу: «Боги – это люди, которые смогли...», и я горжусь очень многими «нашими», которые смогли.

English Class

В Израиле отдельный класс – это англоязычные евреи, которых принимают, как представителей страны-спонсора.

У них возможности карьерного роста порой выше, чем у местных сабр. Ими занимаются специальные американские центры и представительства, им находят работу в хайтеке, они, как правило, играют в сионизм, и если не религиозны, то при обострении политической ситуации возвращаются в Америку. Часто они – не очень сильные специалисты, которые по каким-то причинам в Америке не преуспели. Совсем другое дело – это американские религиозные евреи, фанатики Израиля и еврейской национальной идеи, непонятные нам, светским, но вызывающие безусловное уважение.

Парадокс № 4

Вспоминаю, как со мной работал пожилой американец Зив, очень тихий, интеллигентный человек, который абсолютно не знал иврита, безумно скучал по своему дому, оставленному в американской провинции Техаса, показывал мне свои семейные фотографии и безумно страдал от непонимания местной жизни. А потом я узнала, что он сын католического священника, принял иудаизм, поменял имя и фамилию и непонимаемый своей семьей начал (в 50 лет!) новую жизнь в Израиле с новой женой, тоже прошедшей гиюр. Они жили в Шхеме, в кольце арабских деревень, ежедневно рискуя жизнью, ездили на работу по обстреливаемой трассе. И в чем логика их поступка? Героизм это или игра в русскую рулетку, экшн, адреналин? Кто знает?

Самое интересное, что в американском городке, где он жил, не было совсем (!!!) евреев, так что его выбор был чисто теоретическим.

Перечислять израильские парадоксы можно бесконечно и то, что удивляет меня, покажется кому-то закономерным и тривиальным. Ведь нет одинаковых людей, одинаковых характеров, одинаковых народов. И даже если мы привыкли считать евреев России единым этносом, то в Израиле – однозначно – объединение всех в понятие НАЦИЯ достаточно условно. Негроидные робкие эфиопы, попавшие в цивилизацию из каменного века, уроженцы Северной Африки (сефарды) внешне и ментально – плоть от плоти арабского Востока, но исповедующие иудаизм, русская Алия, украсившая облик страны своей необычной славянской доминантой, средневековые одежды еврейских ортодоксов, задрапированные в тонкие сари выходцы из Индии, – как объединить всех и как их привести к общему знаменателю? Утопия! Невозможно!

НО... Если вдуматься, то, наверное, по такой модели и зарождались новые нации на нашей всё видевшей, мудрой и понимающей Земле.

Всё еще впереди...

НА ОБОЧИНЕ ПРОБЛЕМЫ

Нелёгкий разговор на необозначенную тему

Мы очень часто способны не замечать проблему, особенно, когда она не касается нас лично. Но поверьте, мы не должны переступать через судьбы других людей, оказавшихся на обочине жизни, мы не имеем права быть безразличными и молчаливыми свидетелями чужой беды. Это безнравственно – знать и молчать.

В любой толпе, в любом городе мира я узнаю их по какой-то внутренней подавленности, неуверенности, по тусклому взгляду

Ирина Цыпина

и неумению улыбаться. Я встречала их в мрачной подземке Парижа и на оживлённой Оксфорд стрит, в залитой солнцем беззаботной Варне, в иерусалимской толпе и на улицах праздной новорусской Москвы. Лица людей, которые рискнули бросить вызов судьбе, которые не захотели подчиниться обстоятельствам, захотели перемен и сделали свой нелёгкий выбор. Вам знакомы они? Они еще не вписались в местную мозаику, незащищенные правовыми законами страны, без документов и надежной работы, без медицинской страховки и часто без перспектив, подверженные любой случайной беде и без четкой программы на завтра, очень часто без семьи и близких, чуждые незнакомому укладу и непривычному распорядку. Всегда без улыбки, почти всегда без эмоций. Серьезно-сосредоточенное выражение измученных глаз, в поле их напряжения холодно и неуютно, силы отталкивания подавляют притяжение, а в итоге – разобщение, если конкретнее – враждебность. Так и хочется спросить: «Что заставило? Почему?», но мы всё и так знаем. И нет виноватых, и никто не спешит понять. Законы выживания – страшная драма! Кто-то выигрывает американскую мечту, но скольких переезжает безжалостный каток непредвиденных обстоятельств и неоправданных надежд.

Я не берусь исследовать эту кровоточащую рану современной цивилизации, отмеченной знаками поразительной черствости и прагматичного эгоизма современного общества. Но я хочу приблизиться к проблеме, хочу понять, хочу рассказать. Мои документальные сюжеты записаны на разных улицах и перекрёстках мира, но их всех объединяет пронзительное чувство человеческой беды, непредсказуемой и жестокой.

Тель-Авив

Филко Янчев (Болгария), 50 лет, преподаватель техникума в Софии. В Израиле живёт 5 лет, статус – нелегальный рабочий.

В Болгарии осталась любимая жена, с которой прожил бо-

лее 20-и лет, трое детей, которые успели вырасти без него.

Они жили в Софии без бед и потрясений много лет, а потом...

Вслед за Россией в Болгарии произошел экономический обвал, жена потеряла работу, его зарплаты стало катастрофически не хватать; нужно было искать выход. Обычная история обычных людей: пылится университетский диплом в дальнем ящике стола, а его хозяин вкалывает в чужой стране «от темна до темна», без праздников и выходных уже много лет подряд. Филко приехал в Израиль по контракту с бригадой строительных рабочих, несколько раз переоформлял рабочую визу, но в 50 лет её уже невозможно получить, и он живёт нелегально вот уже почти два года, перебиваясь на мелких строительных работах. За это время получила платное и очень хорошее образование его дочь, он купил квартиру в престижном районе сыну, жена сделала дорогой ремонт в их общем доме, в котором его уже так давно нет. А Филко снимает угол в крохотной квартирке в нищем районе южного Тель-Авива. У него есть подруга, одинокая немолодая «русская» репатриантка, которая его ждёт и по выходным дням встречает домашним обедом и почти семейным теплом, и тогда ему начинает казаться, что его семья здесь, с этой почти не знакомой женщиной, в её неприкаянном необжитом доме, а не с той, с которой так давно разлучен, которой регулярно отправляет все свои так трудно заработанные шекели и для которой пошел на этот «многолетний эксперимент» по выживанию.

«Хочу ли домой? Скучаю? Я не знаю... Это так страшно, после стольких лет. И нужно ли было?

Оправдан ли этот выбор? И кого винить? Кто знает...»

Лондон

В кафе на многолюдной Оксфорд-стрит к нашему столику подошла красивая, статная официантка. Строгая прическа, лицо почти без косметики, внимательный взгляд огромных вишневых глаз. Вышколенная приветливость, отработанная улыбка.

Ирина Цыпина

– Вы говорите по-русски?

И через мгновение:

– Ой, не может быть! Так мы же почти земляки!

И Наталья, учительница английского из Закарпатья, сверкая глазами, рассказывает о своей авантюрной истории покорения туманного Альбиона. Ей повезло, кафе держат литовцы, а это почти свои. Бригада у них интернациональная – вся восточная Европа. Ей уже 38, не так легко найти работу. Конечно, устаёт, уборку в кафе делают они же, ночью после закрытия. Живёт на окраине Лондона, но есть метро, это не проблема. Наташа в Лондоне одна уже много лет, она собирает заработки, чтобы построить свой крепкий дом в Украине. А пока, её старые родители воспитывают умницу дочь, за которой она так безумно скучает и ради которой живёт в ожидании праздника настоящей жизни. Хочет дать дочери достойное образование, посылает ей красивые подарки и ждёт, ждёт, ждёт...

Мне хотелось ей закричать: «Остановись! Завтра никогда не наступит, если нет сегодня».

Но имею ли я право учить? И так ли уж абсолютно верно моё мнение? Ведь каждый видит по-своему и сам делает свой ВЫБОР.

«Ночная бабочка... Ну кто же виноват?»

(из песни О. Газманова)

По оценкам Международной организации по миграции (МОМ), в одну только Европу с целью продажи ежегодно вывозится около 50 тысяч российских женщин. В большинстве случаев этот трафик связан с проституцией, к которой женщин принуждают угрозами и насилием. Среди стран, куда они попадают, – Израиль, Турция, Греция, Испания, Италия, Нидерланды, Швеция, Швейцария, а также США, Япония, Египет и другие. Как показывают исследования, более 80 процентов всех про-

данных женщин верили в то, что они наняты на легальную работу за границей, и были вовлечены в проституцию помимо их воли уже после пересечения российской границы. По неофициальным данным, торговля живым товаром по доходности стоит на третьем месте после торговли оружием и наркотиками.

С Оксаной я случайно познакомилась на эйлатском пляже. Натуральная блондинка с прозрачной кожей и испуганными удивлёнными глазами. Она была в сопровождении двух очень молодых респектабельных мужчин, которые громко и оживлённо обсуждали на иврите проблемы своего бизнеса, при этом с удовольствием потягивая холодное пиво, абсолютно не замечая присутствия дамы. Им было интересно и комфортно без неё. А она, как затравленный ребёнок, сидела одиноко и тоскливо, глядя в бесконечную даль. Потом, мужики куда-то испарились, и ей стало свободней, легче. Она попросила меня посмотреть за её вещами, пока она поплавает. Вернулась, слово за слово... Её тривиальный рассказ – это типичная история сельской девочки из украинской глубинки. Родилась в глухой деревне на Полтавщине. Техникум, хлебозавод, безденежье, пьяные ухажеры, безнадега. И, как свет в окошке, – предложение поработать за границей няней в богатой семье. И не вините, что догадывалась, о чем речь. От отчаяния, не задумываясь, бросилась, как в омут, в эту затею. Оформили документы быстро, по-деловому. Через Египет нелегально попала в Израиль. Вот уже два года, как Оксана живёт в этом чужом и страшном мире. Она ничего не расскажет, она будет молчать.

Без прав, без документов, без языка и знакомых, в окружении озлобленных и завистливых девочек и грубых криминальных хозяев.

– Какие планы?

Её лицо на минуту светлеет:

– Квартира в Полтаве. Замужество. Дети. Всё, как у всех. Вот немного подкоплю денег... Это ведь временно.

Ирина Цыпина

Американская мечта

Международные СМИ подробно рассказывают о том, как мексиканцы гибнут в горах или в герметичных трейлерах, когда пытаются проникнуть в Америку; как китайцы погибают в шторм, когда утлые судёнышки пытаются переплыть океан и тайком высадить их на американском берегу; как кубинцы тонут в проливе, когда они вплавь пытаются добраться до Америки. Эти люди согласны на любую, самую чёрную и унижительную работу, лишь бы заработать несколько центов и помочь своей семье, накормить детей, не дать им пропасть от голода и нищеты.

Но пока есть тоталитарные, деспотические режимы, пока коррупция и мафия способны удерживать государственную власть и убивать свободу и демократию, пока будут существовать на Земле войны и межнациональные конфликты, террор и беспредел, – толпы несчастных обездоленных людей будут искать лучшей доли в чужом, неласковом краю. Это данность.

И когда на улицах наших городов Вы встретите разномастных иностранных рабочих с тусклым усталым взглядом, не отводите глаза... Помните, как говорилось в старинной русской пословице: «Не зарекайтесь...»...

Мои документальные сюжеты не претендуют на новизну или оригинальность. Я откажусь от риторики и морализаторства. Увы, «каждый погибает в одиночку» в этом безумном-безумном мире. Но мне хочется напомнить, что чужой беды не бывает, все мы люди. И, чтобы выжить каждому из нас, мы должны быть вместе, должны научиться видеть и слышать друг друга.

ЧУЖОЕ БЕЗУМИЕ

(историко-философский коктейль)

Когда-то «миллион лет до нашей эры», в прекрасной и легко-мысленной молодости, я написала почти сюрреалистический сценарий для авторского кино. Помните такую модель – «Кино не для всех»? Это был абстрактный сюжет, странный и непонятный, как сон, который я так и не смогла расшифровать. Но осталась у меня черно-белая любительская киолента, и этот сюжет, который материализовался много позже в реальный эпизод жизни, заставил меня вспомнить тривиальную истину: «Все возвращается на круги своя...»

А тогда была игра в кино, сумасшедший азарт и желание придумать что-то ошеломляющее, приводящее в шок, чтобы увидели и обалдели неподготовленные зрители, чтобы был катарсис, прозрение, потрясение... Фильм назывался – «ЧУЖОЕ БЕЗУМИЕ». Весь сюжет был закручен на идее случайного хаоса – смещения исторических пространств, времен и эпох, географических координат – и мистическом ощущении других чувств и других миров, которые иногда пересекают нашу Судьбу.

В очень красивом южном морском городе неизвестной экзотической страны, где очень много памятников истории и архитектуры разных эпох и времен, одинокий турист-путешественник, профессор археологии Андре, набрел на частный музей с картинами раритетной живописи самых известных художников прошлого, начиная с седой Античности. В этот заурядный будничнейший день, в полдень, на улицах было пустынно и безлюдно, так же, как и в холодных музейных залах, в атмосфере ренессансных мастеров, в ауре сложнейших аллегорий, религиозных сюжетов и пластики языка цвета и красок. Андре купил входной билет в кассе, возле которой не было ни одного посетителя.

Пожилой кассир с медальным профилем римского аристократа показался Андре подозрительно приветливым и неестественно бледным.

Когда Андре задал ему вопрос «А где же люди?» Где посетители? Ведь это очень интересный музей, который упоминается во всех каталогах мира. Неужели это уже никого не волнует?» – кассир только криво усмехнулся и скороговоркой ответил:

– М-сье, вы не пожалеете... Это будет впечатляюще...

Какая-то странная тревога висела в воздухе, пугая Андре, он уже был готов развернуться и уйти прочь, он почти передумал, но элегантный кассир неожиданно выбежал из-за кассы, ловко распахнул дверь перед единственным посетителем и Андре, повинувшись чьей-то воле, оказался в старинном просторном зале в стиле ранней готики с цветными красно-синими витражами.

Забытый мир, мир Боттичелли и Донателло, Тинторетто, Джорджоне, Рафаэля... Необыкновенный мир поразительных видений, который живет своей жизнью, своим Временем, в котором на Века остановились чувства и где живые и юные никогда не стареют, не умирают; где старость не сходит с ума, а прозорлива и мудра на века; где жертвы погибают с улыбкой на устах и прощают своих хладнокровных убийц, постигая при этом Вечность; где от самой страшной боли никогда не кричат... И где всегда классическая Гармония разлита в светящихся и нетускнеющих горизонтах и перспективах, вычерченных иногда с нарушением законов пропорций, но всегда создающая волшебную иллюзию Другого Измерения.

Память строго выстраивает ассоциативный ряд казалось бы случайных событий; но не верьте: нет ничего случайного в этом несовершенном мире. И когда я писала этот сценарий, то, наверное, совсем не случайно на моем рабочем столе оказалась редкая и крамольная по тем временам книга из далеких 70-х, изданная американским издательством «Марс», в черном блестящем переплете; на последней странице мною были подчеркнуты таинственные строки: «НИКОГДА НЕ ПОДЧИНЯЙТЕСЬ ЧУЖОМУ БЕЗУМИЮ...»

Но вернемся в готический зал, рассмотрим вместе с Андре библейские сюжеты витражей и мраморные скульптурные композиции, которые в потоках льющегося, расцвеченного цветными стеклами воздуха будто бы вибрируют в пространстве. Неожиданно, вдруг, перед Андре возникла очень старая, горбатая смотрительница и сухо предупредила его: музей работает только до 4-х; следовательно, у него оставалось всего 2 часа на весь лабиринт великолепных залов, надо было поторопиться...

В руках был путеводитель по музею, а еще было предвкушение пленительного общения с этим таинственным «Зазеркальем», которое влекло, пугало и притягивало из старинных массивных позолоченных рам, в которых, как в старинных зеркалах, растворилась чужая жизнь, чужая судьба, чужая энергетика.

Два часа пролетели, как мгновение, оставалось несколько минут до закрытия музея. Смотрители, наверное, успели бесшумно уйти. Не было нигде ни души... Как назло, нигде не было табличек, указывающих на выход, – «EXIT». Залы уводили Андре через бесконечные инкрустированные двери с массивными медными медальонами в картинный лабиринт, заставляя многократно повторять маршрут и приводя его снова и снова на прежнее место. Это было короткое замешательство, почти шизофрения, картинный абсурд... В какое-то мгновение ему стало казаться, что картины живые, что в каждой из них, как в кино, – свой фильм, своя жизнь, свои события, и что это все неотвратимо и бесконечно.

Он вдруг очутился посреди пустынной улицы абсолютно незнакомого города; вокруг торжественно сверкали белым мрамором каменные дворцы, круглые в плане, эпохи ранней Античности; струился неестественный, фосфоресцирующий, наверное – лунный, свет, и никто не мог ответить Андре на один-единственный вопрос – Кто он? Откуда? Где его Дом? И это незнание было безумно страшным, как приступ амнезии, уничтожающий личность, как провал в черную дыру беспамятства, он и был, и не был... Я не буду пересказывать сюжет, я не хочу и не могу переносить на бумагу всю игру чувств, весь спиритуальный магический обман этого холодного Зазеркалья, с которым

Ирина Цыпина

пришлось соприкоснуться моему герою. В фильме была потрясающая, почти гипнотическая, игра, изысканное художественное оформление, самые неожиданные операторские ракурсы и эстетствующая манерность, так характерная для работ начинающих молодых.

От этой картины у меня остался привкус чего-то тайного, так и не раскрытого, оккультного...

По замыслу герой, попадая в мир и эпоху картинных героев, остро переживает их события, зная предрешенность всех трагедий и судеб, он не в силах ничего изменить, не может влиять на ход исторических событий, не может спасти, защитить... Он в этом зазеркалье существует, как фантом, его не видят, о его присутствии не догадываются... Он был там и не был – как во сне. Но он видел, чувствовал, погибал от испепеляющей раскаленной огненной лавы взбесившегося Везувия в прекрасном древнеримском городе; был рядом с юной красавицей Андромахой, оплакивающей смерть такого сильного и молодого Гектора, он даже присутствовал при «похищении Европы», искал ее замороженный, невидящий взгляд, но так и не понял, не услышал, не встретился глазами... успел ощутить триумф воли и власти в минуту Клятвы Горациев, хотя так и не разгадал вместе с Эдипом загадку Сфинкса... В парапсихологии это явление называется телепортацией – когда человек одновременно присутствует в разных географических местах и разных исторических ситуациях. Об этом ученые всех стран много спорят и говорят, изучают это и подвергают сомнениям... Но если Вы готовы к увлекательному путешествию во Времени, я приглашаю Вас на потрясающий иллюзион в чисто английском классическом стиле, с самой малой примесью средневековых ужасов и модерна.

Почти в самом центре респектабельного Лондона на Baker street, в двух кварталах от метро, стоит заурядное здание, облицованное белой плиткой, молчаливое и невыразительное.

Но это только внешняя и очень обманная оболочка, внутри

этого здания бушуют страсти, давно отзвучавших Времен. В маленьком тесном пространстве пересеклись исторические потрясения и линии судеб, эпохи, характеры и эмоции; столкнулись жизни самых знаковых, самых ярких и выдающихся персонажей человечества. Да, здесь лепили и создавали кумиров, нарушая заповедь, но не с целью языческого преклонения, а с целью приблизиться, понять, проникнуть в суть личности, разгадать... Разгадать секрет магии успеха, механизм власти и завоевания умов, умение покорять и подчинять себе... Что это – интуиция или хитрость, природное обаяние или актерская игра, внешняя красота или случай, а может быть – гипноз и воля? Современные психологи называют это сложное явление одним универсальным термином – харизмой, хотя, по сути, бессильны объяснить его логически. Но у нас есть шанс посмотреть в глаза кумирам, встретиться взглядом через века и пространства и увидеть, почувствовать вкус избранности и головокружительной известности, ощутить на мгновение дыхание бессмертия, разделить обман торжества и боль поражения... Автор этого таинственного иллюзиона неслышно бродит среди посетителей, и вы явственно чувствуете это присутствие – по отстраненности экспонатов, по холоду разлитой здесь, будто бы неживой, энергии, по тусклому свечению массивных очень старых светильников...

Да, Вы правы, Вы угадали имя этой странной, гениальной и очень известной женщины, создавшей более двухсот лет назад этот потусторонний, иллюзорный мир, наполненный фантомами и идолами. Ее звали Мари Гросхольц, и родилась она в Страсбурге в безумно-далеком 1760-м году. Свою карьеру начала очень рано в Париже, изготавливая миниатюрные бюсты из воска. Этот таинственный материал, хрупкий и непокорный, был для нее почти живой материей, в которую она вселяла душу, что было сродни ритуальному языческому колдовству или чудом высшего проявления творчества; когда, моделируя человеческое лицо, она постепенно осязала теплоту и волнение живой кожи, подвижную и неповторимую асимметрию каждого жеста, вплоть до биения едва заметной пульсирующей жилки у виска, выдаю-

щей напряжение или тревогу. Первой ее живой моделью был сам великий Вольтер, его восковую фигуру она лепила вместе со своим отчимом и учителем Кюртюсом, который и научил Мари всем премудростям этого воскового ритуала – уникальной технике скульптуры из воска. Ее моделями были великий американец Бенжамин Франклин и любимец Франции Мирабо, Робеспьер и Марат, Жан-Жак Руссо и казненные Луи XVI и Мария Антуанетта, Жозефина и Наполеон, Английская королева Виктория и обезглавленная, преданная и отвергнутая близкими шотландская королева Мария Стюарт. Галерея восковых фигур самых значимых личностей истории не отбирала своих героев по их политическим пристрастиям и идеалам, это почти живая галерея характеров, очень ярких и неповторимых, которые несут на себе печать Б-га и были отмечены Им. Это – венценосные особы и проклятые короли, философы и политики; но странным образом, вместе с ними застывший воск донес до нас аромат той исчезнувшей эпохи и заставил на какое-то мгновение войти, погрузиться в то, что существует над нами, как давно растаявший призрак Времени.

Мари уже была в зените славы, когда в 1795-м году обвенчалась в мэрии Парижа с Франсуа Тюссо; с этого момента она навсегда останется для мира Мадам Тюссо и войдет в вечность, подарив нам будоражащий воображение элемент бессмертия, возвысит масштаб личности до уровня Истории. Но не думайте, что я собираюсь пересказывать биографию знаменитой дамы, для этого есть энциклопедии и интернет, я совсем о другом... О ТАЙНЕ перевоплощения неживой материи теплого воска в уникальный и единственный в мироздании живой, трепетный, чувственный образ Человека. Я всегда представляла ее элегантной аристократкой, царящей в парижских салонах, в великолепных туалетах, в загадочном свечении прозрачных сапфиров и мерцании голубых бриллиантов. Однако, в действительности все проще и сложнее одновременно. Освещенная бледным желтым светом, старинная картина неизвестного французского художника начала XIX века, вывешена у входа в зал – и посетителей

встречает почти живая хозяйка мистического пространства, где сломались законы классической физики, где время вдруг остановилось, как стоячая вода в колдовском омуте, и всего на несколько минут позволило нам считать информацию тех далеких дней и событий, которые уже успели раствориться, исчезнуть, как мираж, унося с собой Тайну непостижимости, как магический кристалл. Маленькая некрасивая женщина средних лет, почти карлица, с непропорционально большой головой и очень выразительными натруженными руками бредет по сырому подземелью с огромным тусклым фонарем, под тяжестью которого она сгибается и становится похожей на горбунью из страшных сказок Гауфа, братьев Гримм или Гофмана. Но мы все, случайно пришедшие на этот Праздник жизни, «пикник на обочине», несем в себе случайность самых невероятных совпадений, переплетающихся в наших усталых за длинные тысячелетия генах. И в ней, женщине, родившейся еще до Французской революции, я вдруг узнаю почти свою современницу, символ свободной Франции, незабываемую Эдит Пиаф. Те же умные горящие глаза, тонкий профиль, отрешенность...

Вы, наверное, тоже наблюдали этот потрясающий феномен, который можно сравнить с явлением реинкарнации, только не души, а внешнего физического образа. Ну как объяснить, что люди, жившие в разное время, в разные эпохи и в разных странах, иногда так поразительно похожи на нас, ныне живущих? И как странно, в толпе современных городов, на пляже или дискотеке, встретить Сикстинскую мадонну или Марию Медичи, пленительную Натали Гончарову или Богородицу, сошедшую со старой иконы из культового фильма Андрея Тарковского «Зеркало»? Но не будем отвлекаться; там за поворотом в тумане исчезающего подземного лабиринта Бастилии, в сопровождении стражников идет Она, чтобы ваять из воска тех, кого рыцари Французской революции швырнули безжалостно на эшафот.

Как хватило ей сил выжить? Какая сила спасла от неминуемой гильотины ее, влиятельную даму из высшего общества, приближенную казненной королевы? Провидение, случай, Ангел-

хранитель? Нет, ее спас Талант... А еще ее спас от гибели теплый, живой и послушный в руках, воск...

Коммунары захотели иметь придворного скульптора, чтобы оставить после себя пантеон образов друзей и врагов революции. И для этой цели ее посадили в самую страшную тюрьму Франции и приказали ваять... И там она, униженная, коленопреклоненная, в серой тюремной робе, лепила посмертные маски казненных аристократов; тех, кого лично знала, кем восхищалась, кому преданно служила. Она прощалась с ними, переливая их еще неостывшие растерзанные души в разогретый воск, чтобы на века заставить мир изумиться и содрогнуться перед бессмысленностью кровавого жертвоприношения, брошенного на алтарь непонятных истин, навязанных наивному человечеству лжепророками. Я не буду об этом.

История иногда повторяется и, к сожалению, не всегда это фарс... Трагедии, преследования, пытки, казни... Тяжелейший путь человечества к познанию Истины...

А перед глазами самый выразительный и страшный, почти живой экспонат лондонского музея мадам Тюссо, – голова казненной королевы Франции, Марии Антуанетты, смоделированная по ее посмертной маске, отлитой через несколько часов после казни.

Обвинительный акт королевы Франции, жена Людовика XVI, получила в ночь на 14 октября 1793 года, а утром следующего дня уже стояла перед судьями. Во время процесса она была спокойна и горда и лишь иногда шевелила бледными, тонкими пальцами, как будто играя на клавесине. Последние минуты ее обреченного ухода очень выразительно и эмоционально нарисовал С. Цвейг, долго изучавший документы и архивы этой чудовищной по своей жестокости казни века. Возможно, в этом описании есть какие-то неточности или домыслы, но великий писатель имел право на свое видение и переосмысливание событий этого страшного, скорбного дня истории Франции.

«Ее лицо остается неподвижным, ее глаза смотрят вперед, кажется, что она ничего не видит и ничего не слышит. Из-за рук, связанных сзади, тело ее напряжено, прямо перед собой гля-

дит она, и пестрота, шум, буйство улицы не воспринимаются ею, она вся – сосредоточенность, смерть медленно и неотвратимо овладевает ею... Королева по деревянным ступеням эшафота поднимается так же легко и окрыленно, в черных атласных туфлях на высоких каблуках, как некогда – по мраморной лестнице Версаля. Еще один невидящий взгляд в небо, поверх отвратительной сутолоки, окружающей ее. Различает ли она там, в осеннем тумане, Тюильри, в котором жила и невыносимо страдала?

Вспоминает ли в эту последнюю, в эту самую последнюю минуту, день, когда те же самые толпы на площадях, подобных этой, приветствовали ее как престолонаследницу? Неизвестно».

Никому не дано знать последних мыслей умирающего. Ей было всего 38... И как нелепо звучат сегодня все обвинения, предъявленные ей: излишняя веселость и экстравагантность, пренебрежение чужой австриячки к французскому этикету и слишком открытое проявление чувств, страсть к роскоши и дорогим украшениям, модным изысканным туалетам, куртуазным дорогим развлечениям, балам, танцам; а еще – безумное желание очаровывать и соблазнять мужчин... Ну чем не современная роскошная элитная дама – жена преуспевающего олигарха или президента? Вокруг нее клубились интриги и сплетни, ей приписывали измену Франции и хищение королевской казны, ее обвиняли в предательстве и разврате, но роковым стал для нее скандал по поводу бриллиантового ожерелья, которое авантюристка Жанна де Ламотт похитила, прикрывшись именем королевы.

Эта шумная история, столько раз описанная в романах и киносценариях, запутанная и до конца не раскрытая, стала последней главой в обвинительном акте несчастной королевы.

Ей не простили женской слабости, бесхитростной игры и даже кокетства, совершенства и безукоризненности черт. Ее замучили и убили за то, что была любима и желанна, за то, что была успешна, что была Женщиной в самом высоком смысле слова, ей не простили, что была королевой... И нет объяснений, почему

зависть глумливой толпы так часто празднует победу, когда совесть нации молчит. И как всегда покаяние и осознание вины приходят непростительно поздно, когда уже свершено убийство, когда уже некого спасать и даже не у кого просить прощения...

Но вернемся в полутемный мрачный зал музея мадам Тюссо, где оставили ее, королеву Франции, представленную на обозрение мириадам любопытных глаз в ее самый страшный момент ухода... И в этом у меня какое-то жуткое несогласие, непонимание, неприятие происходящего... На лице королевы еще сохранилось пересечение двух миров – цветущей молодой жизни и холодной вечности небытия... Она почти живая, но ее уже нет... Ее лицо выражает почти детское изумление: «За что??? За что обезглавили, надругались, унизили???» За что ее изумительное окровавленное молодое тело провезли по всему Парижу обезглавленным в грязной скрипучей повозке с отрезанной головой в ногах? Неужели что-то содеянное ею могло быть соразмерно такой тяжелейшей расплате?

Я долго вглядываюсь в ее восковый абрис: ужас и страдания уже уничтожили тот непостижимый, тонкий, шарм обаяния, которым сводила с ума. Распухшее от слез и бессонницы невыразительное лицо крестьянки, перекошенный в судороге тонкий рот с кровавой запекшейся струйкой в правом уголке губ, красные круги вокруг глаз, спутанная копна светло-русых волос... Кто позволил на этой Земле отбирать жизни у незащищенных и безвинных? Дьявол в облике добродетели устроил кровавый шабаш, пожирая живую плоть и жертвы сами поднимались на эшафот, прося прощения перед Б-гом...

И не было защиты... И не было спасения... И глумилась толпа... И не было логики в действиях и событиях, а только подчинение чужому безумию и злой воле, которые кто-то небрежно и грубо вылепил из теплого воска, наподобие застывших фигур в музее мадам Тюссо.

На одном деревянном постаменте под стеклом рядом с головой казненной королевы кричит в пустоту веков еще один экс-

понат, вылепленный руками Мари Тюссо, – голова гения и злодея Французской революции, организатора королевской казни и кровавого террора, замученного и казненного от имени народа Максимильена Робеспьера. Его обезображенная от пыток голова, сморщенная и изуродованная, – еще одно напоминание человечеству о том, что всё так непрочное и непредсказуемо в этом безумном-безумном мире... где нет победителей и побежденных, нет белого и черного, где смешались правда и ложь, святость и порок, честь и бесчестие...

А через 125 лет после казни Марии Антуанетты, в июле 1918-го, в далекой от Франции Сибири «красное колесо» истории повернет вспять... Последний российский император вместе со всей Венценосной семьей примет мученическую смерть в холодном подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге.

И именно там, за секунду до гибели Николай Романов успеет произнести пророческие слова: «Господи, прости их, не ведают, что творят...»

И в который раз потрясенное человечество расслышит эти слова так непростительно поздно.

EMIGRATION.RU

Мысли и слова Рунета...

Идея этого репортажа возникла у меня абсолютно спонтанно и интернетно. В нашей общей стране «Русского языка» на перекрёстке «Сетевой словесности» в Интернете, запыленном чужими мыслями и словами, по адресу proza.ru я встретила так много интересных собеседников из разных стран и даже континентов, которые пришли на эту встречу, форум, чтобы рассказать, поделиться, сформулировать и понять до конца самих себя, своё поколение, тысячи людей, оказавшихся по разным причинам, как и мы с Вами, Заграницей.

Мы все когда-то жили на одной территории огромной ирреальной империи, нас объединяла одна культура, одна история, один язык. В пионерском детстве мы читали одни книжки – Аркадия Гайдара и Анатолия Алексина, смотрели одни неповторимые фильмы – «Друг мой Колька», «Доживём до понедельника», «Асса»; искали истину в звуках музыки таинственного гуру БГ (Борис Гребенщиков) и пели с комсомольским энтузиазмом бессменные песни Александры Пахмутовой... Да мало ли ЧЕГО было, чему поклонялись, чему беззаветно верили, что ждали и что отвергли, через что переступили и чего не нашли? Наше поколение, вдруг, как от мощного взрыва глобальной катастрофы, разлетелось в конце прошлого века по чужим странам, городам, мирам, где до сих пор выживает и погибает одновременно, приспосабливается и забывает себя «Там», рождается заново на новых землях, в новом культурном пространстве, среди новых символов, знаков, новых слов и нового быта, принимая новую религию индивидуализма и западного конформизма.

На страницах эмиграции так много кричащей, исповедальной правды о нас сегодняшних; это целый документальный пласт сложнейших процессов русской культуры, где так много свидетельств мудрости и мужества, преодоления, воли и азарта, умения просчитывать каждый ход и побеждать вопреки всему. Слы-

шали фразу: «Боги – это люди, которые смогли»? Можно ли точнее определить эту тему, имя которой «другая жизнь»? Ну, а кто не сумел, кто оказался слаб, кто не справился с ситуацией? Не судите строго, он не стал победителем... Его измучила ностальгия, его унизила бедность, его состарили болезни и заботы, раздавил языковой вакуум, но он будет молчать, он нам ничего не расскажет, таков закон эмиграции, жесткий и бесчеловечный. Здесь не принято жалеть, увы, это правда. **ЖИЗНЬ В ЭМИГРАЦИИ – ЭТО ПОЧТИ ВСЕГДА ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ...**

Матрица моего материала, его информационная конструкция, возникла из тысяч разобренных слов, оголённых мыслей и написанных собственной жизнью фраз самых разных незнакомых людей, из электронной почты, из сотен сайтов и порталов Рунета. Я взяла только самые яркие, самые нестандартные, самые честные письма и выстроила коллаж, который, надеюсь, будет продолжен всеми нами, авторами и участниками этого живого процесса самопостижения и созидания. Ведь когда мы пишем, мы всегда переосмысливаем реальность, даём оценку происходящему, стараемся понять, ощутить глубину, то истинное, чего нет и не может быть на поверхности. В свой коллаж я включила также несколько строк из своей документальной прозы, где попыталась рассказать о нашем «русском» Израиле, о нашем открытии новой национальной страны, заполненной сложнейшей историей, философией, мистикой, о жизни «на лезвии» постоянной опасности, о выживании в «осажденной крепости», так бесконечно долго. Я попыталась передать все ощущения: боли и гордости, надежд, усталости и разочарования эмоциональным рядом нашего прекрасного и бездонного, созданного тысячекратным трудом стольких народов, общего русского языка.

Итак, листаем страницы наших судеб в зеркале эмиграции.

Парадоксы эмиграции:

Их очень много, но самый странный и опасный парадокс: это наше раздвоение между прошлым и будущим. Разрывается

непрерывный поток времени, и мы попадаем в почти ирреальное состояние когда, мы «вчерашие» почти не узнаём себя в другой жизни, не узнаём себя «настоящих». Мы – другие. Всегда ли лучше, моральнее, чище? Честнее – молчать.

Это почти диагноз, почти шизофрения... Шок эмиграции.

«Моё восприятие эмиграции заметно притупилось. Эмиграция перестала быть частью нашей жизни, она стала самой жизнью! Она постепенно вытеснила всё наше прошлое куда-то в «небытие». Она создала пропасть во времени, разорвала непрерывность нашего «Я». Оставила нашего двойника «там», в прошлом, и повторила его «здесь», в настоящем. Но – и очень большое НО – это прошлое не исчезло напрочь, оно просто перешло в «запретную» зону памяти, оно замерло. Я усматриваю в этом инстинкт самосохранения...

Но не потому, что прошлое «хорошо», а настоящее – «плохо». Эти две зоны, прошлое «оттуда» и настоящее «здесь», не должны соприкасаться! Точно так же, как не должны соприкасаться два полюса высокого напряжения – возникает психологический шок, который нас больно бьёт. Каждый может найти своё объяснение этому шоку, и будет по-своему прав. Возможно, мы не просто оставили «там» нашего двойника. Мы его навсегда потеряли, мысленно «похоронили». Мы не можем запросто пройти и увидеть

все те места, которые физически подтверждают, что всё это действительно было, что всё это не выдумка. Точно так же, как мы не можем прикоснуться к человеку, которого уже давно нет в живых...» (Алик Рубин, Чикаго) Ах, Алик! Может, мы просто стали взрослее на десятилетие и уже другие ребята прикалываются на твоей улице Стахановской нашего родного и давно покинутого Харькова? Кто-то сказал: эмиграция – это маленькая смерть... Добавлю: и, если повезёт, второе рождение...

Отторжение собственной сути...

Но не всегда везёт, а выживать надо. И жить чертовски хочется!

«Я стал хуже – это факт. Однако ты спровоцировала меня на некоторые откровения. Но, первая же фраза вызовет, наверное, в тебе и удивление, и гнев. Я БОЮСЬ, что упоминание моей фамилии в открытой для всех печати, может вызвать для меня необратимые последствия, связанные с окончанием моей эмиграции! Это в Израиле или Америке можно чувствовать себя свободным человеком. А здесь за то, что тебя «приютили», ты должен платить высокую цену: даже будучи евреем, ты обязан интегрироваться в немецкую монокультуру, доказать государству, что ты патриот Германии и, только тогда ты сможешь реализоваться.

Реализация в эмиграции собственных способностей затруднена длительным периодом адаптации в новой жизни. И, наконец, процент людей, жалеющих о совершённом поступке, крайне мал, несмотря на понижение социального уровня, отрыва от «родной земли», потери друзей и привычного уклада жизни. Я принадлежу к меньшей части эмигрантов, для которых путешествия по всему миру, надёжность и спокойствие в стране проживания, не могут компенсировать потерю «СЕБЯ», хоть я ещё и трепыхаюсь. Надеюсь, что вскоре я напишу тебе поподробнее о своих мыслях и чувствах, а теперь хочется попрощаться...»

Я не комментирую это письмо. Да и что сказать? Человек имеет право на слабость и можно винить несовершенство страны, принимающей людей, но при этом деформирующей их сознание. Нет единой правды для всех, как и нет единого Абсолюта. А пока мой друг ходит по чужим улицам Мюнхена и ищет ответы на всё те же вопросы, перенесёмся в прекрасный, благополучный Монреаль...

Моральное Возрождение...? И всегда ли взрослые люди говорят то, что думают? Ответить однозначно не получается... Признаюсь, я не знаю...

«Здесь все живут вместе. Черные и белые, желтокожие и краснолицые. Нет здесь «своих» и «чужих». Все мы здесь люди и все мы любим мир и покой. Думаю, что пришло время, когда люди должны протянуть руки друг другу! Время, когда рушатся стены между ранее враждующими не только государствами, но и системами; открываются границы.

Судьбу можно корректировать. А память...? « (Монреаль, Канада)

А может, Эмиграция – это надуманная проблема? Может, надо уметь не замечать чего-то?

«Но надо жить, быть оптимистом и получать радость от каждого прожитого дня, что я и пытаюсь делать. А были бы со мной здесь в Германии мои старые друзья (т.е. старая родина), то я бы объединил их с моими новыми друзьями (т.е. новой родиной) и вообще бы не ощущал дискомфорта от эмиграции. Хочу пожелать хорошей и спокойной жизни без искусственно создаваемых раздражителей и надуманных проблем. Нам предстоит ещё много хорошего!!!»

Вы заметили, что наша «русская» община за рубежом уже давно перестала быть единым монолитом? Она давно распалась на сектора в зависимости от стран проживания. Уже мы, все такие близкие и родные «Там», живя в разных и непохожих странах, стали почти чужими по духу, по восприятию жизни, по ментальности. Оказалось, что уход от себя происходит значительно быстрее, чем нам предсказывала эмигрантская литература первой волны, которой были мы все очарованы и частично обмануты. Но тогда были другие Времена, и у тех людей было другое воспитание, другая высота, другая мотивация, а еще была надежда вернуться, что и создавало их духовный стержень сопротивления. Сравнивать наших прагматичных и не всегда образованных современников с жителями Олимпа первой волны эмиграции – Владимиром Набоковым, Иваном Бунинным, Мариной Цветаевой, Ниной Берберовой... просто проявление дурного вкуса, не будем об этом; ведь такое сравнение не в нашу

пользу. Но отсутствие четкой позиции, как ни странно, помогает адаптации. Если личность пластична, аморфна, то её легче изменять, лепить, нет болезненного сопротивления процессу стирания прежних кодов и установок. И не стоит удивляться, что наши недостатки так часто помогают в эмиграции вхождению в незнакомую среду.

А новая среда, новая страна – это еще и философское определение географии:

Восток – Запад...

И не надо спорить, Это определяющий момент в Вашей дальнейшей судьбе. Есть только две модели, две цивилизации, два мира – и третьего не дано. И это влияет на тысячу компонентов нашей повседневности, и надо научиться это воспринимать, как данность, и с этим жить. И это полюбить. А иначе нельзя!

«Древняя китайская мудрость гласит: Европа это непрерывный поток, а Восток неподвижен. Но кто же тогда мы? И где среда нашего обитания? Этот непонятный Ближний Восток. Далекий и близкий, ставший данностью и судьбой, испытанием и любовью, мистикой и реальностью».

Есть ситуации, которые невозможно решить, с ними приходится мириться. О, как это сложно, несправедливо и страшно, но выхода нет, и мы все должны учиться быть сильными, чтобы выжить, выстоять, победить свои страхи.

Восток и террор...

«Простите за неприятное сравнение, но ЭТО ранит больше, чем Мемориал Холокоста, ведь это сегодняшние карательные акции, в которых погибают безвинные наши сограждане, это сегодняшний Холокост на Земле Израиля...»

И так уж много от жизни мы хотим? Так много ли просим у Б-га?

«Мы хотим жить здесь, в Израиле, но жить, как в Европе, а не получается, не удается. Восток непредсказуемый, коварный и страшный врезался в судьбы тысяч моих соотечественников; бездумно и беспощадно».

Но наши русские израильтяне, оставшиеся в «горящем» Израиле, сделали свой осознанный Выбор. Мы все продолжаем жить, работать, растить детей здесь, мы хотим сохранить свою страну. Увы, многим евреям из далёких, благополучных стран этого не понять.

«Мы внимательно следим за событиями в Израиле и очень вам сочувствуем», пишет друг из Портленда, прочитав мой очерк «Наши дети и война» в журнале «Алеф». Но я не искала сочувствия, я хотела рассказать,

«рассказать без пафоса и штампов, о нашей жизни в Израиле. Ведь Израиль – это сплетение несовместимого, это постижение сложных истин, иногда вывернутых наизнанку. Это больше, чем просто страна, это, извините за высокопарность, целый Космос. Иногда непостижимый, иногда чужой, иногда родной и абсолютно открытый тебе навстречу».

Но не будем спорить, не будем предъявлять друг другу претензии, ведь пока мы думаем и чувствуем на родном языке, пока наши первые слова детства и букварей пульсируют в загруженной чужими языками памяти, мы останемся прежними жителями той странной и прекрасной страны с магическим интернетным символом RU.

Маршрут дилетантов

Конец века минувшего означен столькими событиями: уже давно рухнула Берлинская стена; мощная «русская» алия невиданной лавиной захлестнула Израиль, глобализация Европы и модернизация России сделали Москву потрясающей европейской столицей. Россия стала почти свободной, почти демократической, страна «задохнулась» от любви к своему президенту, но, как и в те уже далёкие 90-е «Молодые парни, с искалеченными войной телами и душами, ищут правду и покой за рубежом, покинув страну своего детства. Население бежит из страны, правительство которой не может наладить и обеспечить им нормальную жизнь...»

И кто виноват, кто предал «молодых матерей, оставляющих

не только свой дом, но и своих маленьких детей на родном берегу. Они стараются отключить свою память, чтобы не сойти с ума, пытаются добиться гражданства в других, заокеанских странах... Берясь за любую работу, мать мечтает о том дне, который наступит неизвестно через сколько лет, о дне, когда ее дети смогут прилететь к ней, когда она снова сможет почувствовать себя матерью. Иногда она выходит на берег огромного океана, глотая горькие слезы свободы, вглядывается в далекий, темный полукруг горизонта, за которым остались ее малыши, ее дом. Что это?»...

А Восточный экспресс эмиграции набирает обороты... и уходит вдаль. И нет логики в этом движении, и нет объяснений поступков самых разных людей, как нет слов утешения, но есть, есть всегда надежда на УДАЧУ.

Разные причины, разные судьбы, но скольких моих соотечественников объединяет этот мучительный, бесконечный бег...

ИЗРАИЛЬ – АМЕРИКА – ГЕРМАНИЯ – КАНАДА (Русско-еврейский почтовый роман)

15 лет назад большой круг моих друзей, очень близких почти родных людей, стал медленно разрушаться. Стали обычным явлением проводы в пустых, уже проданных, квартирах, где только по узору обоев можно было восстановить в памяти весь многолетний мир обитания людей, которые запаковав в чемоданы свой нехитрый семейный скарб, ринулись в неизвестность.

Аэропорты и вокзалы, как черные дыры, затягивали все большее количество друзей, которые с детства и юности были рядом, как данность. Мы так понимали друг друга, так ценили нашу дружбу, так верили, что это навсегда.

Сегодня мои друзья живут в Америке, Израиле, Германии, Австралии, Канаде и даже в ЮАР. Я не берусь анализировать

причины еврейской эмиграции. Думаю, что антисемитизм – это слишком упрощенное, поверхностное национально-популистское объяснение значительно более глубинных и сложных явлений. К сожалению, этот процесс еще до сих пор серьезно не изучен; а ведь это огромная, глобальная тема, которая ждет своего научного осмысления политологами и историками, этнографами и социологами, психологами и другими специалистами, изучающими поведение социума в исторически-национальном контексте. Но я не об этом, я о другом...

Летят электронные письма в мерцающем пространстве дисплея от моих друзей из далеких стран в Израиль, и все чаще я замечаю одну тревожную тенденцию: мы уже почти не вместе...

Уровень взаимопонимания со временем резко устремился к нулю, хотя по-прежнему мы помним все даты, знаем обо всех переменах в жизни друг друга: работе, свадьбах-разводах, рождении новых детей; поздравляем с праздниками и посылаем друг другу всякие компьютерные приколы в виде забавных флэшек, построенных на досуге. Мой компьютерный архив годами хранит в своей памяти наши виртуальные встречи, которые постепенно становятся, увы, все менее открытыми.

«По рассеянности» иногда мои американские друзья пишут по-английски (на чужом языке проще быть закрытым), но при этом забывается, что Израиль – это не англоязычная страна, а общаться с друзьями я лично предпочитаю исключительно на РУССКОМ, на языке нашего детства и юности, на языке нашей дружбы и всего нашего прошлого, которое, по-моему, предавать просто аморально. Ведь все, что было впервые в жизни, звучало по-русски... Так в чем же непонимание и кто виноват?

В сентябре ночной звонок настойчиво и тревожно ворвался в мою квартиру, звонила близкая подруга из Сан-Диего:

– У вас все в порядке, вы живы? Завтра 11 сентября, ты знаешь, КАКАЯ это дата для Америки? Позвонили уже все наши друзья и знакомые из разных стран, кроме тебя. А ведь может

случиться ВСЕ, что угодно... Это ужасно! Мы не живем... Я очень на тебя обижена...

Когда я возразила, что еще ничего не случилось и паниковать раньше времени не стоит, есть на Земле еще более опасные города и страны, то встретила абсолютное непонимание.

– Не звонишь ты мне, когда очередной теракт в Израиле становится, увы, хитом всех новостных блоков радио и телепередач, – кричала я ей в трубку.

На что она жестко ответила:

– Но вы же в Израиле за столько лет привыкли к террору... У вас своя специфика...

Когда она приезжала в Израиль (задолго до интифады), она так восторгалась страной. Мы ездили на экскурсии, бродили по загадочным улочкам ортодоксального Меа-Шеарим, писали записки нашему единому Б-гу у Стены Плача и ели экзотические фалафели на пестрой и всегда шумной Кинг Джорж.

– Тебе так повезло здесь жить! – говорила растроганно моя подруга, на глазах у нее были светлые слезы. Я верю, что тогда, в ту минуту, она не лукавила.

По Интернету меня спрашивает давний друг из Бостона:

– Как ты думаешь, не опасно ли послать парня на экскурсию в Израиль?

В университете, где учится его 20-летний сын, существует программа для еврейской молодежи – бесплатная экскурсия в Израиль на две недели, семинары по ознакомлению с историей страны и основами иудаизма. Что ответить ему? Да это уже и не актуально, он все равно не отпустил сына в страну, охваченную террором. Наверное, логично...

А мой 19-летний сын служит в ЦАХАЛе, но я понимаю своего американского друга, ведь я мать...

– Не отдавайте территории, мы с Вами! Мы гордимся Вашей маленькой героической страной... – пишут друзья из Нью-Джерси, но меня коробит их чужая отстраненность. У нас уже другая Судьба.

– Жаль, что нельзя приехать к Вам в отпуск, мы так любим Израиль, но страшно...

«А у нас потрясающий круиз на самом современном 14-и этажном корабле мира по Италии, Испании, Франции и Африке», – пишут друзья из Германии.

У них другая жизнь, другие проблемы: 15-летний сын почему-то крестился и напояк носит свой нательный крестик, дочь вышла замуж за местного немца, тоже – натурализация.

Канадские друзья-программисты, уехавшие 6 лет назад из Израиля, часто звонят и пишут, жалуются на низкий уровень бесплатной медицины, эксплуатацию иммигрантов в китайских и индусских компьютерных фирмах, ностальгически вспоминают о чудесном бат-ямском периоде своей жизни, когда было так много друзей, да и были моложе... Для их детей Еврейский мир – это абстракция; то, что осталось в далекой, такой раскаленной и непонятной стране, где когда-то они жили в раннем детстве.

Письма, звонки, их так много и так чудесно, что они есть, любые... Ведь мы все разные и воспринимаем окружающий мир, пропуская его и все события через себя. Но все чаще я ощущаю, что наш прекрасный круг друзей уже давно разорван, нас разъединяют чужие страны, чужие культуры и языки. И ЭТО ДАННОСТЬ...

К сожалению, российское еврейство за рубежом уже не представляет собой единый мир. Мы все – русские израильтяне, русские американцы, русские канадцы...

Обидное, но вполне закономерное явление.

А в своей электронной почте я все чаще встречаю вместо знакомого «Как поживаешь?» – обезличенно универсальное: «Hi!» – американский ПРИВЕТ и не спрашивайте больше ни о чем!

GOOD BYE, NOSTALGIA

НОВЕЛЛЫ

ЛЁГКИЙ ЖАНР «short-short»

(вместо предисловия)

Я хочу рассказать Вам о своём самом любимом литературном жанре.

Жанре лёгкой, лаконичной, короткой прозы. Жанре, который в современной литературе очень популярен и известен, как жанр «short-short» (сверхкороткий рассказ).

Помните у Чехова «Сюжет для небольшого рассказа»? В пространстве нескольких страниц – интрига и чувства, философия и страсть, атмосфера, дыхание времени и отточенное перо Мастера. В наше напряженное, динамичное время лично для меня этот жанр, наверное, близок сконцентрированностью, тем, что отброшены все лишние, второстепенные детали и остаётся только обнаженная суть, самовыражение автора, его творческий замысел и его тайна. В коротких сюжетах невозможно солгать; они либо влекут фейерверком открытий, парадоксальностью воображения, берут тебя в плен, либо остаются за дверью, ненужные и забытые... В этом жанре так много сиюминутности; отвлеченный взгляд автора пишет, как на фотоплёнку, чтобы скадрировать и запомнить состояние, настроение, как на картинах ранних импрессионистов, когда еще всё только начиналось, без позы и игры...

В этом жанре писали Мопассан и Хемингуэй, Зощенко, Бабель; Бунин и Паустовский, Катаев и Булгаков... В этом жанре пишут блистательно и ярко Дмитрий Савицкий (Париж), Рубен Гальего (Мадрид), Андрей Назаров (Копенгаген) и многие, мно-

гие другие современные авторы.

«Зашифрованный роман, заархивированное время», так точно назвал этот жанр московский писатель Николай Фохт, и нельзя с ним не согласиться.

В жизни мы иногда сами создаем себе праздники для души: живопись, музыка, красивая шахматная партия, общение с близкими друзьями и живые сюжеты, которые проникают в тебя даже тогда, «когда забываются слова». А еще очень часто проза «малых форм» поражает своей интеллектуальной игрой, недосказанностью, даже некоторой незавершенностью... И тогда мы мысленно сами дописываем сюжет, доверяясь своей интуиции, опыту, умению дорисовывать и обобщать...

В плену этого жанра мы ведём бесконечную игру с фразами и сюжетами, перемешивая сон и реальность, и выливая эту волшебную палитру на чистый холст открытого файла...

ПИКОВАЯ ДАМА

Взрыв... чувств.

Фейерверк... впечатлений.

Адреналин, создающий праздник...

Дразнящее слово КАЗИНО...

Но я абсолютно о другом... О Жизни... О Судьбе... Азарте... Об Игре, которая становится жизнью... И как это принять? Как в себе определить сферу подсознательного? Где прочесть, в каких теориях Юнга или Фрейда? Где найти ответы – в сакральных откровениях Елены Блаватской или в таинствах Каббалы? Почему иногда мы подчиняемся не своей воле, а непонятному импульсу какого-то чужого безумия? Кто пишет этот сценарий?

Blackout... В английском есть точное определение этого состояния, когда ты больше чувствуешь, чем понимаешь, когда какая-то сила управляет тобой, твоими действиями, поступка-

ми, и даже воля на какое-то мгновение оказывается в подчинении чего-то неосознанно-мистического... Наступает минутное ЗАТМНЕНИЕ, помутнение рассудка и – ты во власти стихии, во власти переплетения тысяч случайных совпадений, которые ни упредить, ни отменить, ни предугадать...

И эти случайности уже ведут тебя, ведут по кругу... Наверное, в таком состоянии совершаются самые страшные, роковые преступления или взлетают на сверкающую звездами, головок-ружательную высоту Успеха и побеждают, присваивая себе заслуги, которые пишутся чьей-то талантливой рукой из того заоблачного Далека, имя которому еще не придумало прагматичное и не слишком благодарное человечество.

Но не будем заниматься психоаналитикой, это не безопасно. Оставим магию и хиромантию, боги за это мстят.

Пусть останется все, как есть, – Тайна... Иногда без ответа, иногда в многоточии, или за скобками наших собственных доводов и вопросов, нашего изумления или отчаяния...

Сегодня вечером я приглашаю Вас на чашку хорошо заваренного чая, это будет настоящий коллекционный английский «Ahmad of London» и простим ему восточную экзотику, он ведь такой потрясающий, а мы с Вами цивилизованные люди.

Итак, я поставлю перед Вами свой самый любимый Кузнецовский сервиз из той полузабытой, такой далекой и давно покинутой страны, в которую ни разу не возвращалась... Помните – «Не возвращайтесь туда, где Вам когда-то было хорошо...»?

И густой, тяжелый, медового цвета чай будет согревать безупречный, прозрачный фарфор. В комнате будет очень ТИХО, и только мои сюжеты ненадолго нарушат нашу чайную гармонию...

А по совпадению слов, по созвучию звуков, по странной ассоциации мы забрели в Дом Анны Тихо в самом центре Вечного го-

Ирина Цыпина

рода Иерусалима, в крошечном переулке между улицей Яффо и улицей Невиим, где такой тенистый европейский парк, где можно еще найти бунинские «Темные аллеи» и прозрачные акварели русской художницы, приехавшей из блистательного Парижа начала прошлого Века, когда еще играли в тот Высокий Декаданс.

Она знала Шагала и Малевича, но не знала, что приехала навсегда в эту убогую жаркую Палестину и умрет в бездетном одиночестве, оставив нам пленительный сад из прошлого Века... и свои загадочные картины на стенах старого особняка, где всегда полумрак и нет посетителей...

Здесь все располагает к умиротворению, но ведь его нет в жизни, в жизни все не так... Сквозь чайный фарфор, сквозь акварели Анны увидим: Взрыв... чувств.

Фейерверк... впечатлений.

Адреналин, создающий праздник...

Дразнящее слово КАЗИНО...

И не думайте, что я о серьезном... Ведь у нас Игра?

Мы летели уже несколько часов из Европы домой, в Израиль. В жестокой «болтанке» нашего перелета только самые невероятные истории способны были увести от нависшего воздушного кошмара, когда наш лайнер трясло и ломало в белой молочной пене облаков, и только по лицам стюардов (красавицы-стюардессы этот рейс не обслуживали) я пыталась определить градус опасности, нависшей над всеми нами, соединенными волей случая на несколько часов в этом тесном замкнутом металлическом пространстве.

Еще при посадке я выделила Ее из толпы. И, конечно, мы оказались рядом в этом ночном перелете. Ей было очень, очень много лет, на вид 80+; но вы бы видели эту леди, опрокидывающую все геронтологические понятия и стереотипы! Такие не стареют. Просто удачно мумифицируются, как Клеопатра, на века...

Она была высокой и очень худой, с подвижным пергаментным лицом, хищным носом и горящими темно-вишневыми глазами. Я почему-то вспомнила стихи Маяковского о глазах Лили Брик:

«Круглые да карие,
Горячие до гари...»

А мне всегда хотелось сказать: горящие, испепеляющие, все сжигающие на своем пути... Я суеверно боюсь таких глаз.

Но вернемся к ней, я вам ее представлю: и не удивляйтесь, ее тоже зовут Лили. Мне кажется, что она из тех Времен, Маяковского и Бриков, из круга Лили и Эльзы, в дурмане терпких французских духов из того забытого «русского» Парижа... подруга Анны Тихо, умершей так много лет назад...

– Но так долго не живут, – сказали бы мои студенты, а что известно им, молодым?

У нее были очень красивые тонкие запястья в звенящих браслетах. В длинных пальцах с кроваво-красным маникюром – тонкая сигарета и мерцающие изысканные сапфиры в ушах. Длинная стрижка-карэ и волосы цвета блонд, – все ужасно контрастно и загадочно, как и подобает Пиковой Даме... Черный брючный костюм и безукоризненная ослепительно-белая блузка, черные туфли на тончайшей шпильке и черная сумочка от Гуччи; черная муаровая заколка в волосах, черная блестящая косынка вокруг трогательно-беспомощной старческой шеи, странный черный шик...

Она потрясла меня своим умением быть женщиной, быть Загадкой, быть не такой, как все... Уйти из толпы... И этот черный цвет одежды, и эта отрешенность...

« Я обожаю черный цвет...»

Не в жизни, конечно, и не в палитре чувств, а только в композициях и натюрмортах, в атриумных пространствах костелов, в звуках органа или в блюзах стиля «ретро»...

Но не будем об этом, мы о другом...

Она, как я уже Вам рассказала, тоже живет в Израиле, часто летает в Европу, и не к детям, не к внукам-правнукам, нет-

Ирина Цыпина

нет, и не по делам бизнеса, она ведь слишком стара, просто – она ИГРАЕТ... Не в театре, она не актриса... Она играет в КАЗИНО.

Часто она летает с сыном, ему 63 (до 120-ти, как говорят в Израиле), но на этот раз он не смог, и она – одна, что, конечно, не совсем комфортно.

Самолет продолжало трясти, привязанные ремнями безопасности, мы все покорно надеялись, шепча про себя слова молитв и выпрашивая у Б-га скорую посадку. А моя соседка, расслабленно откинувшись на спинку кресла, спокойно и загадочно улыбаясь, вдруг, нечаянно и спонтанно выплеснула на меня, свою случайную попутчицу, самое сокровенное и роковое, тайное и никогда не проговариваемое вслух ...

Она родилась в Австрии в еврейской семье польских эмигрантов. В 36-ом их выслали из-за отсутствия каких-то документов, потом они бежали в Западную Украину, но не надолго... И там их догнала война.

После того, как немцы увели всех из ее семьи в гетто, она пряталась в подвале местного полицая, обшивая его жену, хуторскую девчонку-модницу, нарядами невиданной красоты.

Всю оккупацию она провела в подвале; была вся синей от авитаминоза и отсутствия кислорода, но суждено было выжить... А всегда пьяный деревенский «Шиндлер» оказался праведником перед Б-гом и юной еврейской женщиной, судьба которой так близко, так страшно по касательной прошла мимо газовых камер Холокоста, где сгорели, растворились самые близкие и родные. Потом был концлагерь в Сибири (ведь осталась жива, почему не погибла в гетто?), возвращение в послевоенную растерзанную Польшу, остракизм обозленных поляков и в 47-ом – конечная остановка – Палестина...

Она путала немецкий и польский, украинский, русский...

Сколько языков она успела узнать, и все – чужие... Идиш она знала с детства, но было физически больно на нем говорить; язык мамы и сестры, брата и отца, язык субботней трапезы дома, где так сладко пахло Субботними халами...

Stop! Она никогда не возвращается в ПРОШЛОЕ. Это запретная тема... И как символ новой страницы в жизни стал горький, жаркий, экзотический и непохожий на другие языки, – иврит. А потом все сложилось, состоялось: муж – блестящий адвокат, университет, академические степени по западноевропейской живописи, удачная карьера, признание, достаток, вилла в северном Тель-Авиве. Дети, чудесные, самые лучшие в мире, дети ... Увы, почти всё в прошлом...

– Ведь было столько войн на этой несчастной Земле, не будем об этом...

Она смотрит куда-то сквозь меня, силясь рассмотреть, понять, объяснить себе, почему именно с ней так обошлась Судьба?

Кто долго живет, у того всегда много потерь... Жестокая истина.

У нее сегодня есть только старый одинокий сын, безумно любимый и безумно несчастный. Я не задавала ей вопросов, я не умею лезть в душу, но она продолжала и продолжала говорить, не обращая внимания на мою явную отстраненность... Ей надо было понять себя... И она вдруг, без предисловия, перешла совсем на другую тему, о которой я и хотела Вам рассказать в самом начале нашего чайного откровения.

Когда все еще в ее жизни было прекрасно и наполнено смыслом, когда все еще были живы... Она с мужем была приглашена на научный симпозиум в Штаты, а потом – культурная программа и посещение Лас-Вегаса; а это означало – увидеть и умереть!

Серьезная академическая дама, профессор университета, уже далеко не юная девочка, повидавшая мир, пришла в шок! Она открыла для себя другую Вселенную, ослепительно яркую, сверкающую и переливающуюся всеми цветами и оттенками, заполненную до краев целой гаммой чувств, ощущением праздника и игры, риска и куража...

Ей понравилось все: и отсутствие часов (здесь свой временной отсчет), и холодное зеленое сукно, сдерживающее чувства самых азартных, и аристократичные крупье, и изысканные напитки, и дым дорогих сигарет, и тонкий запах эксклюзивных духов, и мерцание раритетных бриллиантов, и шумные музыкальные игровые автоматы... Голова кружилась от пьянящего ощущения близости к загадочному непостижимому миру зеленых купюр... Чужие деньги будоражили кровь, звенело в висках, дразнила чужая удача...

Тогда Лили не рискнула подойти к столу, где завсегдатаи крутили рулетку. Она не рискнула играть. Это все еще придет потом, как приворотное зелье, будет затягивать и манить... Но тогда, на рассвете, она была еще зрителем на новом, безумно захватывающем, ночном спектакле.

В лабиринте шумного отеля, обалдевшая от впечатлений, Лили зашла в ювелирный бутик; украшения всегда были ее слабостью и капризом. Ее сопровождал любимый и единственный супруг, Натаниэль, который всегда обожал делать ей дорогие подарки-сюрпризы, наблюдая, как она из солидной уверенной дамы превращается в девчонку, замирающую перед новой, дивной игрушкой... А как чертовски ей шли все эти блестящие каратные побрякушки! И как хороша она была в ту сказочную ночь!

Через двадцать минут они покидали отель, группа друзей ждала их в машине у центрального входа. А перед Лили сверкали в лунном свечении люминесцентных светильников на черном бархате прозрачной витрины причудливо-витые цепочки и браслеты из разноцветного золота венецианской работы, мерцающие камни потрясающей огранки – бриллианты, изумруды, рубины, сапфиры... Она перемерила множество украшений, и это был тоже захватывающий процесс, от которого кружилась голова... Ей нравилось все!!! Как в кукольном магазине девочка, выбирающая очередную Барби, Лили долго примеряла изысканный кулон в перламутровой оправе с бриллиантовой россыпью вокруг кроваво-черного (оптический обман) рубина. Продавщица

была любезно-терпеливой, играя роль ассистентки в этом примерочном спектакле. Вдруг, продавщицу отвлек телефонный звонок, она увлеченно заговорила о чем-то чрезвычайно важном для себя, забыв о Лили и о других покупателях, рассматривающих украшения. И в этот момент Лили, тряхнув недовольно головой цвета блонд со словами: «Ну, мне пора...», медленно вышла в стеклянное пространство открытой двери.

Уже в машине, отъехав несколько сот километров от отеля, она из очаровательной вечерней сумочки осторожно извлекла тот самый кулон в перламутровой оправе с бриллиантовой россыпью вокруг кроваво-черного рубина. Как могла она позволить себе УКРАСТЬ? Она, знающая заповеди и читающая Тору?

Это было настолько НЕВЕРОЯТНО, что потом, по приезде в Израиль, заставило ее обратиться к знакомому психоаналитику; Лили впервые испугалась себя... Мудрый, как древний ребе, с лицом постаревшего Спилберга, психоаналитик сказал, что это была лишь реакция на постоянные запреты безумно аскетичной жизни Лили, что в жизни важны еще праздники, которые создают релаксацию и снимают негативную энергетику. Другими словами, экскурсия в казино была тем нервным взрывом в психике Лили, который привел ее к такому странному поступку. Ведь она не хотела!

Бред! Стыд! Наваждение!

А потом она стала играть... И ей везло, и были крупные выигрыши, и это стало допингом и страстью потерявшей Все в этом мире одинокой, древней старухи. Она ездила много лет подряд в Европу, в один и тот же пятизвездочный отель на берегу моря. В этом отеле было казино, и ежевечерне она предавалась безумию Игры; она жила там, в лабиринте полутемных комнат, задрапированных зеленым сукном, в атмосфере ночного азарта и риска. Она никогда не гуляла у моря, не бродила по цветочным аллеям парка, не плавала в бассейне с минеральной водой, даже к завтраку она не успевала после ночной игры... Но наступал вечер, и Лили оживала. Адреналин пьянил, подстегивал, лихорадил, и на несколько часов она превращалась в роковую Пиковую Даму...

Ирина Цыпина

И если не верите мне, обратите внимание на старуху в черном элегантном костюме с массивным кулоном в перламутровой оправе с бриллиантовой россыпью вокруг кроваво-черного рубина... Это ее талисман, она не расстанется с ним никогда.

Он приносит удачу...

Как же удивилась я уже потом, значительно позже, прочитав признания известного мага и хироманта о том, что особую удачу приносят украденные драгоценные камни, особенно темно-красные рубины. Это было известно еще в древности и использовалось во многих оккультных ритуалах.

А самолет тем временем приземлился. По израильской традиции пассажиры дружно захлопали в ладоши, ночной перелет завершен. Прощай моя случайная попутчица, Пиковая Дама из Тель-Авива, твои признания и откровения я впишу в чистый файл моего компьютера.... и по виртуальным знакам компьютерных шифров безошибочно вычислю все закономерности и тайный смысл Формулы твоей Игры.

БЕГСТВО ИЗ РАЯ

Как Вы ощущаете дыхание Времени? Его бег, его игру, его обман? Для меня Время – это изгнание из Рая... Из детских снов, из чистого снега зимой и персидской сирени в любимом месяце апреле, из Времени дерзких надежд, настоящих друзей и той открытости, когда еще не лгут, еще не умеют играть, когда еще все впереди...

И если вдуматься, то каждый из нас, хоть раз в своей жизни, уходил из своего придуманного Рая, уходил навсегда, чтобы никогда не вернуться... Уходил из своего самого лучшего, самого

светлого Времени, от самых близких людей, еще не понимая, что возврата не будет, не осознавая того мига, той секунды, когда все такое родное и понятное вдруг ломается, исчезает и становится уже Прошлым, Воспоминанием, другим Берегом, другим Измерением...

Когда я пишу эти строки о событиях того далекого раскаленного лета, то остро чувствую всю боль этого бегства – бегства из Рая моей прошлой, уже почти не настоящей жизни.

Но тогда я этого еще не знала...

Сколько раз в памяти я туда возвращалась, в этот обжигающий пустыней вязкий хамсин, в этот пугающе-незнакомый город, сверкающий ослепительно белым камнем домов, от которого слепит глаза на непривычно ярком беспощадном солнце, где не пахнут цветы и травы, и где все плавится, горит и обжигает... И где мне предстояло начать жить с чистого листа, в середине жизни, перечеркнув все, что оставила так необдуманно и легкомысленно.

Разбирая свой давно забытый архив, я случайно нашла старую затертую дискету с недописанным файлом, без начала, сюжета и конца, где убегают слова и фразы и вместо них остаются только чувства, которые как обнаженные нервы, пульсируют болью и не отпускают... Страницы моих первых дней в Израиле... Мой эмигрантский дневник.

Иерусалим. Жаркое лето 1992-го года... Я ищу работу.

Еще вчера, Там, я врывалась в 301-ую аудиторию на 3-м этаже и царила в этом молодежном, полном смеха, беззаботности и безудержного экстрима мире, где была раскованной и своей, такой же молодой, как они, но на подмостках кафедры, что обязывало все знать и уметь, быть учителем и новатором, почти гуру, быть строгой и неподкупной, считывать информацию стольких глаз, не ошибаться, не сомневаться и вести за собой...

Ирина Цыпина

До сих пор помню их реплики и слова, их глаза, загорающиеся от всего нового и необычного и атмосферу праздника и влюбленности, такую обычную для любого студенческого коллектива и так часто непонятную нам, взрослым.

– Студенты любят молодых преподавателей... – ревниво сетовали мои старшие коллеги.

Увы, мне не довелось повторить их опыт... Я ушла. Оставила свою группу посреди семестра. Сбежала от всего, чем жила и чему так беззаветно служила. Уехала в другую страну, чтобы никогда не вернуться и никогда не забыть...

Но вернемся в тот хамсинный полдень.

Вы знаете, как тяжело искать РАБОТУ?

В чужой стране, на чужом языке, сгорая от стыда из-за корявых фраз и неверных слов, где нет знакомых и друзей, где никогда тебя здесь не ждали, не любили, не знали...

РАБОТА. Только здесь мы стали понимать физически значение этого слова. РАБОТА в эмиграции наш Б-Г, наш Идол, почти Религия.

Отказываться от работы? Не поймут даже близкие. И все же объясняю себе...

Не уговаривайте, что для женщины и это – занятие, что дети так прелестны, что это временно... Я не смогу работать бэби-ситтером. Что угодно, только не это! Нет, не злая. Да, обожаю малышей, знаю много детских песенок и сказок, и даже на иврите, но это не главное... Я не смогу заставить себя, даже когда мне так нужна работа. Просто, это уже было... Было в моем прошлом. Работу, как способ выжить, подменили чувства и предали так странно и трагично.

Ей было 40, как и мне в тот длинный жаркий день. И была для меня она всю жизнь Бабой Наташей. А ведь в 40 – вовсе не старуха... Мы не похожи, и не родня, и жили в разных мирах разного времени, но почему так часто она приходит ко мне, так

неожиданно и постоянно? В Иерусалимской толпе из зеркальных витрин вижу себя со стороны: короткая стрижка, модный макияж... Все в порядке. Но стоп!!! Где-то параллельно в подсознании: настоящее размывается прошлым, как дождем... Это, как мистика, вторгнувшаяся в классическую физику, как электрошок. Вдруг мозг воспринимает заряд «плюс-минус», и рушится трехмерное пространство, меня опрокидывает волна моей памяти... И я уже там, в однажды прожитой жизни, со всеми ошибками, со всеми вопросами...

О, если бы!!!

А тогда все было нормально, привычно... Светлая, залитая северным солнцем квартира. Дачные чаепития на зеленой веранде, и все еще молодые. Если бы Б-г послал мне дочь, ее бы звали Натальей, но этого не случилось.

Появилась она в нашем доме вместе со мной. Мама принесла из роддома сверток, а разворачивала она, Наташа. И купала, и гуляла, и ночью вставала. Молодые родители ее побаивались, уж больно норов был крут, а для меня не было никого роднее и ближе. На дни рождения она дарила мне очень дорогие подарки, собирая свои скудные гроши весь год. Наши походы в Детский Мир невозможно забыть!

Она наряжалась в выходное кашемировое платье, красила губы и долго, придирчиво одевала меня. Отдел игрушек – сказочный мир! Ощущение праздника, карнавала, счастья!

Великолепные куклы, экзотические Алладыны, бархатные Коты в сапогах и еще, еще, еще...

Сердце замирает от восторга, я все хочу! Но к самой красивой немецкой кукле по имени Вики я боюсь подойти. Она прекрасна, она украшает витрину и кажется мне воплощением мечты. Розовое платье в рюшах и кружевах из дорогого атласа, розовые носочки, розовые сверкающие туфельки... А голубые глаза, а каштановые длинные косы...

Куда там современной Барби!

– Можно посмотреть? – робко спрашивает Наташа.

Продавщица высокомерно морщится:

– Вы все равно ее не купите, она очень дорогая...

А мы покупаем! Ни у кого нет такой куклы! Мне завидует весь двор, и куклу Вики я люблю, как сестру.

Нельзя уходить в прошлое, это опасно. На этой улице Коре Дорот (Зов Поколений) я вдруг обнаруживаю неизвестные причинные связи... Почему именно здесь? В тихом квартале благополучного уважаемого района Иерусалима?

Вилла из белого камня. Изысканно все до мелочей. Запах дорогой жизни волнующе-нереальный. Милая хозяйка хочет казаться демократично-простой. Мы пьем ароматный горький кофе и курим незнакомые сигареты со странным названием «Мата Хари». Малыш сразу потянулся ко мне, обвинил мою шею ручонками так доверительно, так тепло. От него пахнет молоком, овсяной кашей и таким упоительным младенчеством!

– С восьми до пяти, 10 шекелей в час... Гулять только утром, ведь солнце здесь убивает. Да, в доме балаган, ему желательно придать очертания порядка и все, беседер?

Понимаю, так несложно найти няню для очаровательного малыша в стране, где безработица, где все готовы на все, а это так губительно! Но это уже о другом...

Гримаса удивления, холодный прищур:

– Почему нет? 10 шекелей – это мало?

– Нет, все гораздо сложнее... Ты не поймешь. Не обижайся, что забрала время. Просто... Просто я не смогу...

А перед глазами лицо полуслепой, полуживой старухи. И опять я в том городе, из которого никогда не уезжала, где была так счастлива когда-то, где даже потери и измены переносились легче, как под наркозом. Она не знает, что завтра я буду уже в другой стране, и это навсегда... Она не знает, что завтра я покидаю ее. О, как рада она сладостям, которые я ей привезла. Потухшее лицо преображается, молодеет...

– Только ты не спеши уходить... Спасибо, что не забываешь... Пирожки с вишней! Вишня из Вашего сада? Узнаю ее вкус! Она такая сочная, медовая...

Я не говорю ей об отъезде и уже не скажу последнее «Прости».

Фотографии на пожелтевшей бумаге: маленькая девочка-первоклассница в белом кружевном фартучке с огромными бантами в пепельных волосах и статная чернобровая крестьянка с дерзким взглядом пронзительных глаз... До сих пор эти фотографии излучают энергию того Времени. Как хочется уйти, спрятаться в этих черно-белых незатейливых интерьерах, раствориться в этих далеких лицах...

В туманной прохладе чужого дома, как чужого мира, неуютно. Милая хозяйка роскошной виллы, славный малыш с неизвестным именем Хен, нет, я не буду с вами!

Как мы узнали, что у Наташи есть сын? Не сразу. Мне было уже лет пять. Я все помню! В дверях – оборванный деревенский подросток...

Вечер. Все за столом чинно пьют чай. Бледная до синевы Наташа только шепчет: «Господи... Господи прости!»

Неловкая пауза. Первыми приходят в себя родители:

– Наташа, что же Вы никогда не рассказывали о сыне? Его надо немедленно накормить!

Он ел жадно, ни на кого не глядя. Было в стране еще голодно в то лето начала 50-х.

Первые детские слезы ревности: а вдруг она уйдет с ним?

Не ушла!!! Бедная, бедная моя Наташа!

Солдатская вдова, потерявшая под бомбежкой ребенка, сдает другого, оставшегося в живых, в интернат в деревне, где живет сестра. А сама – на заработки в город, чтобы выжить.

Не судите строго! Кто виноват? Думала, заработает на нормальную жизнь, будет растить Витю, а случилось так, что осталась навсегда в чужой семье, возле чужого ребенка.

Только сейчас, через столько лет я понимаю, как он должен был меня ненавидеть, этот бледный, заброшенный пацан. Я отняла у него мать, сделав его почти сиротой, я отняла у него детство... Ее сказки и песни украдены у него, только он их никогда не слышал. Нечаянная любовь к чужому ребенку стала предательством собственного сына. Вот ведь как иногда бывает...

Детский лепет возвращает меня в мои израильские проблемы.

Почему я еще здесь, в чужом доме, в чужой семье? Готовая все принять и полюбить... Мой маленький сын сейчас, в эту минуту, где-то играет в футбол, еще не зная, какому риску я подвергаю наш хрупкий семейный мир.

– Нет, я не смогу работать бэби-ситтером... Только не спрашивайте, это сложно объяснить, тем более на иврите.

Я помню редкие приезды ее непутевого Витьки. Он часто дебоширил, ссорился с ней, кричал и всегда был «навеселе».

Растерянная Наташа всегда молчала, только морщинки у губ становились все заметнее и глубже. Она уже давно не умела улыбаться...

В детстве мы всех воспринимаем через себя. Помню всегда спешащих родителей, отец делал карьеру, мама писала диссертацию, бабушка была «гранд-дамой», и только Наташа никуда не торопилась, всегда была рядом, всегда была со мной. Самая понимающая, самая любящая...

В эмиграции выживают люди без комплексов. Я знаю: в экстремальной ситуации надо подавить эмоции. Но кто поймет логику поступков? Память тасует те страшные дни...

Я опять в прошлом...

Палата интенсивной терапии. За окнами снег, зима. Она почти неживая. Узнала? Не узнала?

О, как фанатично молилась я возле нее, умирающей, не зная ее обрядов и молитв... Не хватало слез, не хватало сил, мир сосредоточился возле этой больничной койки... Я теряла ее.

Помню отчетливо то воскресенье: после бессонной ночи, проведенной в больнице, я провалилась в тяжелый сон.

Настойчивый звонок в дверь будит меня, но от усталости не могу встать. Кто-то вздыхает, топчется за дверью... Медленно открываю. Витька. Трезвый и постаревший ее сын.

Он стеснительно теребит в руках потертую шапку-ушанку и ничего не говорит. Мы не виделись, думаю, лет 20... Нет, это не телепатия и не мистика, не парапсихологический эксперимент;

просто, я вызвала его телеграммой к тяжело больной матери. Но, почему он так спокоен? Ведь Она там одна в ужасной белой тишине больницы! Почему у него такой отчужденный взгляд? Ее глаза... Только никогда они не были такими далекими, колючими, злыми.

Витька, Витька, прости!!!

Ты суешь мне маленький пакетик с замерзшими на морозе мандаринками и растворяешься без слов в черном проеме двери. Ты ушел, почти отказался, исчез... Не ломился через строй санитаров в реанимацию, не умолял врачей, не рыдал на плече медсестры, не ждал часами в холодном каменном вестибюле. Ты ушел. Это меня она звала в бреду, это меня она узнала из забытья, это я ее, как ребенка, выходила. Ее выздоровление было как чудо, как сказка со счастливым концом... А счастья не бывало!!!

Я уехала. Она осталась, что называется, «доживать» в старости и бедности российской разрухи. Прости меня, Б-г... Вот и все.

Жара. Хамсин. Чужой язык. И уходящие в прошлое родные лица... И некого винить. И не у кого просить прощения...

ТАНЦЕВАЛЬНАЯ ИМПРОВИЗАЦИЯ

А как они танцевали... Как они в танце принадлежали друг другу... И не важно, какой танец они исполняли: обжигающие, как текила, самбу, ламбаду, сальсу, или пьянящее, как французское шампанское, всегда аристократичное, сводящее с ума своей чувственностью, танго; изысканное, как дорогой коньяк, ретро или современную, безумно ритмичную, импровизацию под мощные децибелы, вызывающе раскованно, может, чуть вульгарно, но с таким шармом, что невозможно от них не зажечься.

У Вики были очень синие пронзительные глаза, бьющие сумасшедшей энергией в танце; но абсолютно холодные и прозрачные при обычном общении. Казалось, что она танцует только

для него. А Вадим – высокий красавец-брюнет с обжигающим взглядом, идеальный партнер для аргентинского танго. Он смотрел всегда на нее с таким обожанием, с того самого времени, когда они, 19-тилетние студенты, «изнасиловали» родителей, пришли в загс в окружении толпы друзей с белыми мраморными гладиолусами (в России было принято в те годы невесте дарить эти холодные цветы).

Его еврейская мама так рьяно, так шумно не хотела этого брака, что только приблизила день свадьбы. Ее отец, парторг крупного военного завода, бывший летчик, был вне себя от ярости, но и это ничего не решило. Молодежь танцевала и кричала: «Горько», ресторанный оркестр исполнял на бис «Ах, эта свадьба пела и плясала...», подвыпившие еврейские родственники лихо отбивали «Семь 40», всем было весело, в открытые двери врывался холодный морозный воздух и остужал разгоряченных гостей. Шел 197...-й год. На пустынные ночные улицы падал январский снег.

Помните, «снег кружится и тает, и тает...»? Сколько лет растаяло за это время, сколько близких людей... Их свадьба была первой на нашем курсе, и было это безумно давно, когда только входили в моду сапоги на огромной платформе и канадские дубленки с капюшоном; когда все были влюблены в Мирей Матье, а стрижка «Сэссон» была признаком «соответствия». Тогда женщины пользовались польской косметикой и были все равно прекрасны. Мы слушали томную Славу Пшебыльску и целовались под записи Адамо «Падает снег». А в магазине «Мелодия» брали штурмом суперхиты Давида Тухманова «По волнам моей памяти». Это было тогда, когда ночью выстраивались очереди на подписные издания Ф. Достоевского и Л. Фейхтвангера. Но где-то в далеком Париже уже была запретная «Эммануэль».

Все завидовали их отношениям, в них было какое-то колдовство. И как знак Судьбы – ее обручальное кольцо по моде тех лет на всю фалангу безымянного пальца из червонного золота. Импровизация в танце, Импровизация в жизни, так иногда бывает.

Мы жили в одном городе. Общались. Редко виделись, но всегда были рады встрече. Наши дети были ровесниками.

Изредка ходили друг к другу в гости. Их дом был частью их мира. В интерьере не было ничего стандартного. Все было одухотворено, необычно и безумно красиво. Нет, это был не просто хороший вкус, это был Полет, дизайн, очень талантливый и необычный. Они собирали антикварные напольные вазы, покупка каждой была похожа на захватывающий авантюрный роман. В вазах несуетливо стояли черные тюльпаны, выращенные ими на даче. На стенах висели подлинники Бакста и Кандинского, старинные акварели и подсвечники с витыми разноцветными свечами. В их городской квартире цвела миниатюрная японская вишня – сакура, странные, проросшие цветами растения – зимний сад, когда вся страна стояла в очереди за яйцами и студенты дружно ездили в колхоз на картошку. Но я же говорю, что они были другими... И не ищите объяснений.

Какие божественные заварные эклеры подавала Она к чаю с жасмином! Каким прозрачным был китайский фарфор! И ароматические свечи так тонко пахли ванилью, что не хотелось уходить, хотелось навсегда остаться в этой другой, незнакомой, жизни, так непохожей на всю нашу студенческую аскетичность и убогость тех лет.

Жизнь закрутила-завертела... Каждого затягивал свой круг проблем. И только они по-прежнему оставались влюбленными, поглощенными друг другом, как замороженные. Даже трудно было представить, что есть у них, как у всех, обычная рутинная жизнь: двое детей, садик-школа-кружки, работа в каком-то НИИ, домашние хлопоты, родители и их болезни...

А у них была СТРАСТЬ... ЛЮБОВЬ... НАВАЖДЕНИЕ...

Поверьте, так иногда бывает.

Застойные, разрушительные 80-е многим из нашего поколения принесли горечь разочарования и трезвое осознание крушения надежд, когда ты четко знаешь, что уже очень многое из задуманного в твоей жизни не случится, не сбудется... чаще, когда не хватает сил держать УДАР... Но это не про моих дру-

Ирина Цыпина

зей. Они оказались сильными – компьютерный бизнес на заре Перестройки, офис в Германии, отдых на Лазурном Берегу, новая двухэтажная квартира с пентхаусом в самом престижном районе, евроремонт. Все состоялось!

Осенью, в листопад, в бабье лето 90-го, моя семья уезжала.

Перед отъездом, увы, не было времени попрощаться, их телефон молчал... Почему-то невпопад звучали слова Андрея Вознесенского:

«Прощай мое лето, пора мне...

На даче стучат топорами,

Мой дом забивают дощатый...»

Прощайте ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ, ДРУЗЬЯ... ПРОСТИТЕ...

Возможно, что-то не сделала для Вас, не успела; когда-то была не права... Это так трудно – уходить навсегда...

Но жизнь богата сюрпризами, и стоит ли удивляться, что через десять лет в Израиле, в хамсинное лето 2000-го, на Эйлатской набережной возле знаменитых Обезьянок я вдруг увидела такие знакомые лица из моего оставленного, но не забытого прошлого? Я не могла ошибиться: это были они! Друзья моей юности, смеющиеся и загорелые, пьют ледяное пиво за столиком для двоих. ПОТРЯСАЮЩЕ!!!

Представьте, почти не изменились. По-прежнему влюбленные и счастливые. У Вики абсолютно бритая голова, а это, согласитесь, не стиль, а характер. Ей даже идет, хотя в «полтинник» нужен ли этот кураж? Череп идеальной формы, красиво и жутко... Она одета в какие-то прозрачные розовые тряпочки со стразами, простенько и безумно изысканно.

Вадим чуть располнел, но выглядит молодцом, эдакий вальжанный поседевший плейбой, ушедший из большого спорта. Как это здорово – встретиться на краю Земли!

Фантастика – мы опять живем в одной стране и даже в одном приморском районе! О, сколько информации, сколько новостей и разных перемен у всех за этот период! Но никакой нос-

тальгии!!! Вика и Вадим не склонны к рефлексии, все у них нормально, и тут на новом месте тоже все состоялось.

Вечером мы соберемся в свите шикарного эйлатского «Хилтона» и будем возбужденно перебивая друг друга болтать ни о чем, пить «Кампари», путать события и опять вспоминать... И не надо позировать, улыбаться, можно оставаться самим собой, чему мы почти разучились за годы.

Оказывается, Вика и Вадим в Израиле живут уже почти десять лет. В России они заработали в свое время на компьютерных поставках, а потом начался беспредел конкурентов, произошло загадочное убийство их менеджера в Польше; надо было решать: либо деньги, БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ & РИСК, либо попробовать в другой стране начать все сначала. Они выбрали второй вариант, все просчитали до мелочей и выиграли, как шахматную партию. Их фирма пишет компьютерные программы для биотехнологических процессов, что сейчас на самом острие. Их программы – это сценарии, еще не рожденные в умах даже самых горячих крутых голливудских киношников.

Интеллект человека – сфера их разработок. Трансгенная инженерия...

– Модно? Но это уже секреты, да и зачем Вам голову забивать, ребята?

Вика смешно морщит вздернутый носик и ее лицо опять принимает девчоночье выражение.

Да, они безумно много работают, но очень давно втянулись в этот ритм и менять его не собираются. И опять, как много лет назад, я их вижу в одном электрическом поле, связанных одной идеей, одной судьбой и заговоренных навсегда быть вместе. Их отношениям все завидовали Там, где они остались очень красивыми и молодыми. Наверное, завидуют и здесь, в Израиле, по всем законам эмигрантского жанра.

– Так не бывает! Это Игра!

Шипели завистники и старались понять, в чем их ТАЙНА? В чем секрет Успеха? Приворотная Магия или обман колдовства?

В ближайший Шаббат мы с мужем были приглашены к ним на ужин. Те же старинные вазы, те же строгие черные тюльпаны, экзотические растения и витые разноцветные свечи, те же картины, та же резная мебель из красного дерева и зеркала, зеркала, зеркала... Чай с бергамотом и те же фирменные викины эклеры. Все, как тогда, сотни лет назад на другой планете... Вика включает музыку... и из того неповторимого времени доносится композиция нашего обожаемого Поля Мориа «MAMY BLUE».

– Давайте, танцевать!!!

Ах, как они танцевали сейчас! Как они в танце принадлежали друг другу... Какими любящими глазами смотрел Вадим на жену! Она сводила его с ума столько лет, как не бывает в жизни... Ее глаза были опять пронзительно синими, цвета электрик, и затягивали, затягивали его в омут, известный только ему одному. И не было заметно, что она уже не очень молода, что морщинки у губ скорбно выдают усталость, а ноги расплнели и кажутся короткими с этой не по возрасту легкомысленной мини-юбкой. Они двигались пластично и легко, и никто им не был нужен, как тогда, когда впервые они случайно оказались в пустой аудитории института совершенно одни и без слов, без признаний, почти не знакомые, бросились в объятия друг друга, так спонтанно и откровенно, так неожиданно и бесстыдно страстно.

А на домашнем видео – Кения и Индонезия, какие-то водопады, горы, морские круизы и путешествия, банкеты и их любимые изысканные танцевальные импровизации. Все гламурно и безумно респектабельно, как сказали бы сегодня в описании светской хроники.

– Мы не можем сидеть дома! Это так утомляет! Море, походы, адреналин, экстрим, – это для нас! – хохочет Вадим.

– Скоро планируем восхождение на одну из вершин в Австрийских Альпах. Уже купили снаряжение.

– Это целая наука – специальные рюкзаки и палки, палатка... Все стоит кучу денег, – мечтательно блестят глаза у Вики.

Еще долго в их доме пел Джо Дассен и уводил, уводил нас в

«Темные аллеи» Люксембургского сада... Но... Они действительно поехали в Альпы.

Их было трое: Вика, Вадим и их случайный попутчик, с которым они познакомились в самолете по пути в Рим; любитель горного туризма, русский израильтянин, который должен был в Австрии присоединиться к своей группе. Это была абсолютная удача – втроем пройти незнакомый маршрут, ведь мои друзья были просто «чайниками» в горах: без инструктора, без четкого плана, двоим им все это было бы не под силу.

Их было трое на узкой скользкой тропе, когда дождь с градом больно царапал лицо, руки немели от непривычного ледяного холода, а рюкзаки, непосильной тяжестью сдавливали позвоночник и пригибали к земле. Внизу под ними висели над пропастью свинцовые рваные облака, а горы гигантскими глыбами нависали, как в фильме ужасов, грозя раздавить лавинами и оползнями. Где-то там, внизу, остались пасторальные изумрудные луга, туристские кемпинги с яркими разноцветными флажками и мерцающими лампочками; разноголосый шум, отдыхающих на привале людей, горький запах хмельного пива и кофе, настоящий на адреналине первых впечатлений, – всё это было уже запредельно далеко, почти в другом измерении...

Несколько часов они карабкались в этом мокром, скользком лабиринте, где одно неверное движение могло стоить жизни.

Внизу зияла огромная черная дыра пропасти, готовой поглотить новые жертвы... Смеркалось, от усталости они уже перестали ориентироваться во времени. Было жутко и страшно...

Тропа, казалось, вела в никуда... От бессилия не было слов...

Каждый почти погибал в одиночку...

Первым сдался Вадим... Он на коленях вполз в расщелину горной породы, где даже не было места для троих. Его бил озноб, его трясло и ломало, он не мог ничего объяснить... Он только затравленно всхлипывал... Истерика с ним случилась впер-

Ирина Цыпина

вые в жизни... В ушах стоял звон его бессвязных причитаний... Он уже не управлял своей волей, его раздавили СТРАХ, УЖАС, БЕЗДНА.

Потом все было предельно прозаично и неинтересно: они не прошли намеченный маршрут, вернулись... Вниз спускались молча... Вика и тот, третий случайный знакомый, волокли Вадима на себе, еще больше рискуя разбиться. Было совсем темно, снег хлопьями забивал глаза, останавливал дыхание, несколько раз Б-г пронес их над пропастью мимо неминуемой гибели...

Не было покоренной Вершины, не было Восторга преодоления, не было ощущения чего-то очень важного, свершившегося... А еще была усталость, чувство поражения и досады... Не судите строго, они не стали Победителями. Через год Вика ушла от Вадима, без скандалов и выяснения отношений.

Больше я не встречала ее. Говорили, что она уехала из страны, что живет в Европе, но почему-то никто из общих знакомых точно не знал, где она и как сложилась дальнейшая судьба странной женщины-девочки с балетным разворотом плеч и бритым черепом абсолютно правильной формы.

p.s.

Так случилось, ровно через год я вновь вошла в их дом, не желая сравнивать и осуждать. Нет, Вика не вернулась в его жизнь, просто у Вадима был уже другой сценарий, и другая женщина заполнила собой их придуманное с Викой пространство. Были те же зеркала, но в пыли, ведь так часто в наших краях случаются пыльные бури. Их странные растения оказались сухими и безжизненными, как выброшенный и ненужный гербарий, даже картины неприветливо излучали мрачную грязно-серую гамму... Их с Викой мир рухнул, исчез...

Другая женщина была моложе Вики лет на 15, и была этим очень горда. Она была обычной, а значит никакой. Малиновые

поджатые губки сердечком, глазки-пуговики, топорная стрижка и практичность в каждом жесте и каждом слове, командный тон и металлический голос, срывающийся на визг.

В ней не было Викиной легкости и куража; драйва, который заводил и сводил с ума... Вадим суеился вокруг нее, много и громко шутил, но его напускная молодцеватость казалась мне жалкой и неуместной, и только глаза оставались тусклыми и усталыми, глаза человека, потерявшего ВСЁ.

На столе стояли нехитрые закуски из нашего супера. Проводы любви, так назвала я этот вечер, последний вечер нашего знакомства. Мы пили холодный чай, не о чем было говорить, музыкальные диски пылились в серванте. Было скучно и неудобно.

– Я больше сюда не приду!!! – шептала я, мысленно жалея и прощаясь.

За дверью остался хаос непонятных вопросов и горькое чувство вины за то, что когда-то случайно я подсмотрела чужой ослепительный Праздник; случайно вошла в матрицу их чувств и прочитала то самое запретное и тайное, чему суждено было разбиться так беспричинно, легко и трагично.

НАВАЖДЕНИЕ

Кто написал этот сюр? Кто перетасовал придуманные сюжеты и реальность в одну человеческую судьбу? И почему он согласился? Так не бывает!!!

Сразу после многочасового перелета, уставший и сонный, обалдевший от жары и экзотики, он вдруг решил, что эта ночная прогулка именно то, что так необходимо перед завтрашним днем, полным деловых встреч, интервью, записей на радио и TV, кулуарных дискуссий и бесконечных трапез с прекрасными винами и экзотическими деликатесами, сладкими речами, которым все-

гда не хватает логики и завершенности, но в которых мы всегда с готовностью увязаем, как в сладком сиропе из слов и фраз. Позже, анализируя все события этой необычной командировки, Лунгин никак не мог понять, почему он так поспешно решился тогда придти именно в этот странный порт-мираж, почти «Бермудский треугольник» того хамсинного, беспощадного лета?

Официально Лунгин прибыл на международный Гуманитарный Форум, посвященный объединению представителей разных рас, культур и религий. Кроме всей этой объемной академической программы, его ждал огромный бонус – университетские друзья, сокурсники по журфаку, которые волею судеб оказались за кордоном, а это уже был кайф от предстоящей встречи, «Праздник в ожидании праздника».

Эти шумные, многолюдные съезды проводились уже много лет в разных столицах мира достаточно торжественно и пышно. В этом году местом проведения Форума оказалась маленькая Средиземноморская страна, где всегда тепло, солнечно и в феврале в изумрудной траве собирают алые маки, где морской бриз и никогда не бывает зимы, а еще полно бывших «наших», что создает ощущение повышенного комфорта для людей из «средней полосы», которым «сорок плюс».

Принимающей стороной оказался его давнишний приятель, Валерка Максимов, с которым были связаны самые крутые выражи их общей Таганской юности, бесшабашной, хмельной и давно оставленной в самых далеких лабиринтах памяти, где-то вне рационального, в сфере бессознательных чувств и необъяснимых поступков. Именно Валерка предложил Лунгину эту ночную прогулку, когда они стояли на ветру на балконе 26-го этажа гостиницы «Alexander» и от высоты и близости моря захватывало дух, как на американских горках, когда адреналин пульсирует в висках и заводит тебя ощущением полета, легкости и бесконечности. Они уже крепко выпили за встречу, уже прошли первые минуты неловкого напряжения, уже были пересказаны все истории побед, обид и поражений, уже опять они были вместе Там, на кривых старомосковских улочках Тихого Тупика, где

прошла самая лучшая пора, где все только начиналось, где все было возможно, где они были бесконечно молоды, талантливы и умны, и где их все так бескорыстно и горячо любили, как никогда не бывает в жизни.

– Хочешь понять, почему я не живу в Москве?

Валерка смотрел в упор, очень серьезно, не мигая.

Сквозь морской ветер к Лунгину летели его слова:

– Я покажу тебе мой ночной город, согласен? Это что-то...

Этому нет объяснения... Ты все поймешь.

То, что Валерка немного «сгазу», знали все еще тогда, когда он поставил в их студенческом театре спектакль из жизни Сафо, полный мистики, крови, слез и вычурной манерности, что в те далекие «застойные» было не понято не только аскетичными осторожными преподавателями, но и многими продвинутыми, авангардно-настроенными студентами.

Это был общественный взрыв! Такого не прощали!

– Слезливая безвкусица, – брезгливо кривило губы «послушное большинство».

Не подпустили к диплому. Ругали газеты. Топтали друзья.

Создали вакуум. И кто виноват? Была другая жизнь и другие песни.

Ему не простили его нестандартность. Человек слаб и он, чокнутый Валерка, уехал навсегда от Таганской юности, от родных, от всего, к чему так крепко был привязан и что с легкостью переступил...

Возможно, тогда, очень давно, его сломали, не разрешили думать, творить, возможно, не было сил бороться; но, уехав, он так и не создал ничего похожего на тот странный, непонятный и завораживающий спектакль, который перечеркнул всю его дальнейшую судьбу. Он по инерции постоянно крутился в околосценических и киношных тусовках, издавал какие-то альманахи, рассылал сценарии, участвовал в каких-то проектах, безумно устал.

И не удивительно, что в этой встрече с Лунгиным он опять искал себя, того дерзкого и непредсказуемого, сентиментально-

го и ироничного, которого когда-то оставил в тех уже несуществующих Таганских Тупиках. Одни названия вызывали ностальгию и бередили душу: Невинный Тупик, Тихий, Укромный... И – слезы на глазах уже взрослого мужчины. Дым воспоминаний – как выдержанное дорогое вино.

И теперь он хотел так искренне, так наивно создать праздник-встречу своему другу, устроить прогулку по самым загадочным и любимым местам своей новой столицы, которую любил и ненавидел, как всю свою сложную и одинокую жизнь.

– Я покажу тебе ночной мираж... Согласен? Ты не пожалеешь об этом. Поторопимся, уже поздно... Они вышли на пустынную туманную набережную.

Где-то совсем рядом старинные часы отбивали 12 ударов, ровно полночь... Рядом было море и старый заброшенный порт. В этом порту уже давно не было жизни. Город, некогда известный на всем Побережье, изобильный и цветущий, растаял в дымке тысячелетий. И торговая площадь с пестрой толпой разного люда: рыбаков и ремесленников, шумных торговцев и шутов, юродивых и странствующих нищих со следами проказы, заморских купцов и просто городских зевак, – стерта, раздавлена беспощадным Колесом Времени.

Навсегда.

И римские легионеры со стальными обветренными лицами, с их диковинными турнирами и боями гладиаторов, с их нездешней жестокостью и варварской необузданностью победителей растворились в тумане пыльных столетий; растаяли, ушли за горизонт... И страсти еретиков, и боль заблудших, и ярость стоиков, и позднее раскаяние, и безрассудства, и искушения, расцвет и колониальная опустошенность, – всё уже давно забыто и отцвело, все исчезло на других берегах реки Леты; все превратилось в тлен, прах, призрак...

Но море, как и тогда, тысячелетия назад, пенилось и бурлило в тусклом фонарном свете ночи, источало горький колдовской запах водорослей, йода, рыбы и звало, притягивало, манило. В некогда шумном порту сонно покачивались на причале забы-

тые яхты, хозяева которых изредка выходят в море. Заброшенные дома, в которых давно никто не живет, пустыми глазницами выбитых окон смотрели, как незрячие, в даль и кричали о помощи, искали своих обитателей, покинувших их, предавших навсегда. Ночью город-фантом был пуст и безмолвен. Но по каким-то неуловимым знакам Лунгин скорее чувствовал, чем понимал, что ночная жизнь, непонятная и чужая, притаилась где-то совсем рядом.

Ну почему он согласился? Почему подчинился чужой воле? Почему вместе с Валеркой крадется сейчас в этой неприятной пугающей тишине, вместо того, чтобы пойти в гостиничный ночной бар, выпить легкий коктейль и послушать какой-нибудь красивый джазовый блюз?

А тем временем на некоторых яхтах зажглись разноцветные лампочки, заискрились бенгальские огни, полилась томная музыка. Ночь, нежная и влажная, словно зазывала все новых гостей своего недолгого праздника, длиною в несколько предрассветных часов, когда слова и звуки обретают свой потаенный смысл, в котором столько мудрости и глубины, но только до рассвета, до первого бледного солнечного луча, который безжалостно уничтожает эту изменчивую гармонию и оставляет нам выцветшую, простенькую картинку нашей реальности, такой непохожей на исчезнувший праздник.

С верхней палубы одной из яхт доносился забытый романс Вертинского с его неожиданным и старомодным русским, грасирующим на французский манер:

— А я пил горькое пиво,
Улыбаясь глубиной души.
Так редко поют красиво
В нашей земной глуши...

— Красиво... — подумал Лунгин, и его сразу так спонтанно потянуло на эту нарядную ярко выкрашенную в желтый цвет яхту с гордым названием «Глория», где слушают русские романсы и

где, наверное, говорят по-русски. Не стовариваясь, друзья не раздумывая запрыгнули на борт яхты и оказались в морском ресторанчике, качающемся на прибрежных волнах.

У входа за инкрустированной стойкой бара их встречал крепкий, очень смуглый, парень в белой капитанской фуражке и тельняшке. Он курил крепчайшую кубинскую сигару и улыбался посетителям открытой белозубой улыбкой, приглашая на изысканную трапезу из экзотических морских яств, с самыми лучшими винами и напитками на Побережье.

Лунгин и Максимов решили подняться на верхнюю палубу, на звуки музыки. Они поднимались довольно долго по крутой винтовой лестнице, но когда вышли на палубу, с удивлением заметили, что там никого нет, кроме немолодого господина в очках, одиноко сидящего за круглым столом и читающего газету. На палубе гостеприимно сверкали ослепительно-белыми кружевными скатертями нарядные столики без посетителей. Еще на столиках стояли букеты каких-то незнакомых желтых цветов, похожих на засушенные цветы из гербария, и в причудливых колбах горели цветные свечи, создавая атмосферу интимной расслабленности. Как только друзья расположились за центральным столиком, к ним подошла молоденькая официантка и подала нарядные глянцевые меню. В ней было что-то колдовское: и чуть косящий, ускользящий взгляд из-под изогнутых ресниц, подкрашенных бордовой тушью, и детские губы в полуулыбке, грубо обведенные почти черной помадой, и жемчужно-прозрачный make-up, делающий лицо похожим на застывшую японскую маску...

– Super! – вырвалось у Максимова почему-то на английском.

– Кокаин? – мелькнула догадка у Лунгина, но когда он решил посмотреть ей в глаза, девушки уже не было, она будто растворилась в морском тумане; господин с газетой тоже куда-то исчез.

Лунгин и Максимов обменялись тревожными взглядами, сохраняя при этом улыбки потерпевших поражение игроков.

Но могли ли они предвидеть, что все роковые несовпадения этого вечера имеют свою необъяснимую логику, а все события не дано ни остановить, ни изменить, ни исключить?

Максимов заметил первым, что их яхта не привязана к причалу и, очевидно, давно крутится на гребнях волн в открытом море, быстро удаляясь от берега. Свистел ветер, усиливался шторм. Было страшно и не понятно, перехватывало дыхание от неизвестной опасности... Берег исчезал за горизонтом...

– Что-то случилось с яхтой...

– Что происходит внизу?

– Почему никого здесь нет?

– Что делать?

– Бандиты?

– Террористы?

– Захват в заложники?

– Прыгать в воду?

– Но берег уже почти не виден...

Мобильные телефоны не работали.

Но жизнь без опасности – не жизнь, надо было искать выход.

Их укачивало. Кружилась голова. Подчиняясь инстинкту, они медленно сползали по скрипучей лестнице вниз, понимая друг друга без слов. То, что они увидели внизу, не поддавалось никакому объяснению. ТАК НЕ БЫВАЕТ!!!

Яхта «Глория» была надежно привязана канатом к причалу.

И не было никакого шторма и никаких пенных волн, и не было ветра и качки... Ничего не было. Трудно поверить в это морское наваждение, но еще труднее понять, что это было.

Одинокий господин в очках по-прежнему читал газету. Избирательный фокус зрения выхватил дату газетного номера: 15 августа, но этот день еще не наступил, до него оставалось целых три дня неизвестности... Еще никто на Земле не знал, что произойдет в эти три дня жизни, какие события потрясут мир и что готовит каждому из нас Судьба?

На первой полосе газеты красные буквы, набранные жирным шрифтом, кричали: «Хроника катастрофы»...

Ирина Цыпина

– Еще одно безумие, не много ли на один вечер? – подумал Лунгин, стараясь забыть эту несуществующую дату. Но Это уже было за чертой его понимания; к дате, означенной в газете, ему еще предстояло вернуться.

15 августа Лунгин пил утренний кофе в холле гостиницы, он уже изрядно подустал от бесконечной жары, суеты, заседаний, экскурсий. Уже состоялись все встречи, уже были куплены все сувениры и подарки, уже хотелось просто домой, в их теплую осень, где на даче пахнет прелыми листьями, яблоками и медом, где накрапывает мелкий дождик, а старенький компьютер сиротливо ждет на прозрачной веранде, где все привычно и до боли знакомо на сотни лет вперед. Но так не бывает!

Перед ним лежал свежий номер новостной газеты. Вдруг он увидел на первой полосе крупный знакомый шрифт кроваво-красного цвета – «Хроника катастрофы».

Буквы молили о помощи, задыхались от гнева, они сообщали страшное число убитых и раненных в новой безумной трагедии вчерашнего дня. И все это случилось не где-нибудь в «горячей точке», а в их мирной, нарядной столице, неожиданно, неправдоподобно, страшно...

Ассоциативная память сразу возвратила Лунгина в заброшенный порт, на яхту «Глория», вращающуюся на морских гребнях без управления и капитана в открытом море.

Он вспомнил угрюмого господина с газетой, датированной ненаступившим днем, и название статьи, и тот же шрифт типографского набора, тот же кроваво-красный цвет...

Он бросился к телефону позвонить жене, убедиться, что она в порядке, что все трагедии мира где-то там, за пределами его сознания. Но ужас и страх уже парализовали волю, руки не слушались, пальцы мелко дрожали, он все никак не мог набрать нужный номер. Потом телефон долго не отвечал...

В эти утренние часы Нина обычно собирается на работу, она должна быть дома, обязательно должна. Но телефон по-прежнему молчал. Длинные гудки испытывали его терпение, у него сжималось сердце, в висках противно пульсировало предчувствие беды...

Но этого не может быть!

Он четко видел ее у зеркала в черном атласном пенюаре с вышитым темно-красным драконом на спине. Этот пенюар он привез ей в прошлом году из Японии, куда ездил на презентацию своей монографии по древней японской философии. Монография называлась «Сад Реандзи». О, как он пытался расшифровать тайный смысл познания Истины, как был самоуверен и бесконечно глуп, прочитал столько заумных книг, но так и не приблизился к ответу. Он только понял, что жизнь – это и есть вереница вопросов-загадок, на которые не дано найти ответы даже на мудром Востоке, как бы ни старался, как бы ни кружил по лабиринтам случайных событий и закономерных разочарований.

«Сад Реандзи» потряс его воображение: каменный хаос из пятнадцати черных необработанных камней, гениально спланированный сотни лет назад на белом песке, все время обманывает вас своей композицией, вы можете увидеть с любого места только четырнадцать камней, пятнадцатый камень всегда невидим. Вы перемещаетесь по пространству, наконец, находите злополучный камень, но каменный хаос в уже другой композиции опять дразнит вас: вам не дано увидеть все камни одновременно, и всегда будет один из камней для вас невидим, скрытан, как Истина в нашем непрочном мире...

Дурные предчувствия давили психику, не давали расслабиться. Камнепадом сыпались на него нелепые мысли.

А перед глазами опять была Она, такая любимая и родная, с трогательно выступающими детскими ключицами, с роскошной гривой пепельных волос, хрупкая, как подросток, его прозрачная «девочка на шаре» с известной картины Пикассо. Вот она выкуривает утреннюю сигарету, варит шоколадный кофе, слушает

Ирина Цыпина

стерео... Так почему же он сходит с ума, что случилось? Кто объяснит?

Ведь только с ней он и может быть сильным, удачливым, талантливым, молодым; только для нее он готов брать все новые и новые высоты.

Пугающая тишина сдавливала аорту, он почти не жил...

Где-то в дебрях подсознательного он уже точно считал информацию; и даже был спокоен... И даже безразличен, не в силах ничего изменить или хотя бы замедлить ход событий...

Он почему-то вспомнил их первую встречу зимой в Ленинграде, сотни лет назад на Васильевском острове.

Медленный сверкающий снег, девочка шепчет слова еще никому не известного тогда поэта:

*Ни тоски, ни любви, ни печали,
Ни тревоги, ни боли в груди,
Будто целая жизнь за плечами
И всего полчаса впереди...*
(И. Бродский)

Но только не Это!!! Он еще не готов принимать удары судьбы!

А потом через треск эфира и шелестящие помехи донесся до него знакомый, родной голос жены с таким характерным и всегда волнующим его придыханием:

– Не волнуйся, у меня все нормально. Прости, не могу долго говорить, меня ждут. Кто? Так... Потом расскажу. Катастрофа? Ах, да... У нас уже дожди. Да родной, ужасно холодно... Камин на даче? Нет, он не греет. Ты же знаешь, он давно, очень давно не исправен. Шотландский плед? Ах, ерунда, не нужен... Береги себя... Ну, ладно...

И все.

Гудки, гудки, гудки...

Обычно она долго прощалась по телефону, посылала воздушные поцелуи, не отпускала, шептала в трубку какие-то сло-

ва, но никогда первой не бросала трубку на рычаг. Никогда за все их долгие двадцать лет.

На душе по-прежнему было тяжело от необъяснимых предчувствий.

Она что-то скрывала.

Но что???

Больше не было с ней связи.

НИКОГДА.

Он с маниакальным упорством набирал и набирал номер своей московской квартиры, но никто не отвечал...

Вечером Лунгина вызвали телеграммой в Москву.

Трагедия, от которой он почти спасся, догнала его.

Самое невероятное: в то самое время, когда он говорил с Ниной по телефону, ее уже не было в живых.

Он так и не понял: с кем он говорил в то утро в гостинице?

Фантом? Наваждение? Бред? Шизофрения?

Смещение времени и пространства? Предупреждение?

Простые вопросы умерли вместе с простыми ответами.

Да и ответы были уже не нужны.

ПРОЩАНИЕ С БЕАТРИЧЕ

В ее жизни То, чего не было, всегда приходило потом; напоминая о себе, раздражая, заставляя уходить от реальности, но абсолютно никогда не материализуясь. «То, чего не было» оставалось в каком-то туманном зазеркалье; дразня своими непонятными вопросами и уводя так далеко по лабиринтам памяти, что сценарии и мизансцены, персонажи и статисты, слова и чувства путались, теряя свою четкость и завершенность. И тогда непростительно поздно она начинала заново проигрывать ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО НИКОГДА... но должно было состояться непременно!

Утро понедельника начиналось банальным дождем. Холодно, сыро. Впервые за годы работы Ника позволила себе остаться дома, хотя ее ждали на согласовании проекта в мэрии Тель-Авива, и время согласования было оговорено заранее. Все расчеты были готовы, но дождь... Зимой в горах рулить по скользкой дороге из Иерусалима в Тель-Авив ей ужасно не хотелось, что-то останавливало ее. Фирма, где она работала по контракту, занималась реконструкцией ресторанов по всему Израилю. В старых непригодных зданиях они проектировали крошечные гамбургерные, которые правильнее было бы назвать закусочными, но в Израиле мания величия и игрушечные кафешки на четыре столика гордо именуют «Мисадой» (рестораном). Эта проектная работа была достаточно рутинной, но в эмиграции больше всего Ника ценила эти стандартные простенькие чертежи с той степенью материальной свободы, которую они дарили ей, компенсируя отсутствие Полета и изыска, что было для нее, архитектора от Б-га, компромиссом в пользу разумного, комфортного быта. Но этот компромисс был ее болью и разочарованием, ранним истощением блестящих идей и запретом на Успех, на себя ту, которая много лет назад жила единственной страстью пропорций и линий, вычерчивающих новое, созданное ее интеллектом, пространство бытия. Здесь, в этих жарких географических координатах абсолютно другой смысл и другая цель жизни и нет ответа: «ПОЧЕМУ самовывживание в 21-ом веке подменяет самовыражение в творчестве и становится почти языческим культом для стольких моих соотечественников?»

Но это уже абсолютно другой сюжет. Ника приучила себя за годы эмиграции глубоко не анализировать свою жизнь; ценить тысячи маленьких праздников, которые сама себе декорировала по своему вкусу и настроению, тщательно до мелочей отбирая все-все, что создает этот праздник, – музыку и хорошие книги, волнующую живопись, терпкие напитки и горький шоколад, духи (наверное, «Кензо», пахнущий арбузными корка-

ми) и цветы, садовые розы с нежным карамельным ароматом и обязательно белые, подчеркивающие торжественность праздника. Праздником для Ники были – вечерние сумерки Иерусалима, театральные спектакли, Красное море и обжигающий эйлатский песок, космический пейзаж Афро-Азиатского Излома и каменный хаос пустынь, которым так много тысяч Лет, которые помнят Начало и, наверное, знают все-все про нас: что было, что будет и То, чего не было. Никогда. Но было, было так обжигающе близко, так волнующе рядом, так ощутимо, осязаемо и одновременно – никогда. Вы замечали, что события в нашей жизни могут разминуться во времени? И не состояться? Что-то сдвинется в пространстве Вселенной, стрелки часов вздрогнут в мириадах чужих миров, и чья-то судьба опоздает, затеряется, не найдет.

А во сне к вам придет из туманных пространств «То, чего не было» и будет так больно от этой несостоявшейся потери, от этого странного состояния ирреальности в вашей такой простой и понятной жизни. Но не будем биться в истерику бесполезной ностальгии, «The show must go on».

Утро понедельника начиналось банальным зимним дождем. Холодно, сыро. Нике хотелось одного – за много лет работы в этой дизайнерской фирме проспять целый день, проспять все на свете, плохое настроение и хандру, совещания и встречи, опустошенность вечернего возвращения домой и холодный кофе возле мерцающего дисплея, очередные сюрпризы TV-новостей и темный густой вечер за стеклами хрупких одинарных окон, из которых днем виден Старый Город за мрачной крепостной стеной. Вечером в подсветках бледных огней Старый Город кажется театрально-нереальным, и даже не верится, что там живут люди не из средневекового спектакля, а живые, настоящие и такие непонятные, далекие нам, живущим в другом ритме, другой эпохе, другом веке. Но Ника, будучи абсолютно не сентиментальной, проваливается в сон, наслаждаясь возможностью задуманного безделья. Окружающая жизнь – это всего лишь данность, декорации, придуманные кем-то.

Как всегда, разбудил неожиданный телефонный звонок.

В трубке вибрировал незнакомый мужской голос с каким-то едва уловимым южнорусским акцентом. Эту певучесть и мягкую угарность согласных она слышала безумно давно, много лет назад, в городе своего детства.

– Вера? Здравствуйте... Даже не знаю, с чего начать... Вообще-то мы не знакомы... Но очень прошу вас выслушать меня. Я так долго вас искал, столько лет. Я в Иерусалиме в командировке, всего три дня. Вера, я не ошибся номером? Моя фамилия Рублев. Вы знали Олега Рублева?

Он не ошибся. Нет!

Очень давно, сотни лет назад, Ника-Вероника была девочкой Верой в том самом прекрасном на свете южном городе, и ее так нежно, так трогательно любил двадцатилетний мальчишка, жизнь которого так внезапно, так странно оборвалась. И опять этот незнакомый голос. Ей страшно.

Звонок с того света. Ведь Олега Рублева давно нет. Давно все забыто.

– Вера, Вера... Я брат Олега. Вы помните, у него был младший брат, Витя? Когда это все случилось с Олегом, мне было шесть. Всю жизнь я хотел с вами встретиться, вы такая же красивая, как тогда? У меня есть ваши фотографии. Столько лет прошло. Всю жизнь я собирал образ брата, как обидно мы с ним разминулись... Как хреново было без него. Эх, Вера, Верочка... Замужем? Прости, что лезу в душу.

– Да, Замужем.

И зачем ему Правда про всю эту длинную историю без начала, сюжета и конца?

- Есть дети?
- Да, двое. Сыновья.
- И как их зовут?
- Стасик и Дан.

Молчание на другом конце провода. В трубке стоит напряженный гул. А ведь так хотел услышать имя брата.

Как объяснить ему, что Олег тогда все выдумал?
Не было НИ-ЧЕ-ГО!

Просто звезды падали в августе в крошечной темноте ночи, и они, Ника и Олег, мчались на «Яве» без страховки и шлемов, на бешеной скорости по окружной, обгоняя всех на своем пути. Перехватывало дыхание, ветер рвал волосы и одежду, в глазах то ли от ужаса и восторга, то ли от сильнейшего встречного потока воздуха стояли слезы.

Мотоцикл, казалось, парил в темном пространстве над землей, и только звезды сыпались на плечи и звенели в ушах целой Вселенной. Жуткое ощущение этого полета осталось у Ники на всю жизнь, как «высший пилотаж», ощущения счастья.

Никогда в жизни она не была счастливее, чем в те несколько минут этих бешеных гонок. А через неделю их общий друг, профессиональный гонщик со смешным прозвищем «Чайник», разбился на этой «Яве» на этой же трассе, такой же ночью, в звездопад, когда принято загадывать желания.

Как объяснить этому Виктору, свалившемуся так неожиданно с чужой планеты в ее абсолютно другую жизнь, что все, что случилось потом с его братом, – это то, чего не было в ее жизни? Все было потеряно, все трагически оборвалось, не состоявшись.

А в трубке все вздыхал незнакомый мужской голос с таким родным и теплым уже забытым акцентом:

Ирина Цыпина

– Вера, я очень прошу вас о встрече. Я так долго добирался на этот безумно далекий Ближний Восток. Очевидно, другого случая не представится.

Сколько лет прошло? Больше двадцати. Как несправедливо, как нелепо Олег оказался на той безвестной, страшной войне в Афгане.

И не твоя ли, Ника, вина, что влюбившись в тебя без памяти, он перестал учиться? Его отчислили за неуспеваемость с третьего курса, и его партийная активистка мама сама побежала в военкомат, «чтобы Армия сделала человеком». Его отец, герой войны, летчик-испытатель, разбился еще тогда, когда только родился маленький братик, оставив жену с двумя мальчишками в шикарной квартире высотного дома без опоры и поддержки, с карточными долгами, изнеженную и беспомощную. Из красавицы блондинки, гордо вышагивающей по жизни рядом с мужем, она превратилась в помятую, серую даму без возраста и профессии; эдакая пожилая, расплывшаяся «Мерилин Монро» советского образца 80-х. А в это самое время «Великая Эпоха» победным маршем вела страну на новые подвиги, к новым победам. И его «забрили», тогда еще не было принято «косить армию». Это уже потом его мамаша умоляла друзей мужа, ломилась в неприступные кабинеты, рыдала в приемных, заводила влиятельных любовников, платила взятки. Она опоздала. Беспощадный каток уже невозможно было остановить, уже по инерции вертелись адские шестеренки гигантского маховика, кипела работа в штабах и дивизиях, рвались снаряды и минировали дороги и мосты, без промаха били снайперы из узких горных ущелий и перевалов, захватывали в плен наших мальчишек, пытали и мучили, зверски забивали по законам Шариата и снимали на пленку эту страшную войну, бесцельную и оттого еще более непонятную нам, не знакомым с этим горным, чужим исламским краем, имя которому Афганистан. Еще не было Чечни, еще мир

не знал про Аль-Каеду, еще не полыхал в интифаде Ближний Восток. Все еще было впереди.

Не от этой ли войны Ника хотела увезти сыновей? И как все повторилось на следующем витке ее жизни: загадочная восточная вязь, и сверкающий золотом огромный купол мечети Омара, восточные базары с неременной наргиллой и в сумерках прозрачный, словно хрустальный, город, устремленный ввысь, а рядом пылающая бессмысленностью необъявленная война, забирающая жизни у самых сильных и молодых. И нет конца этому Жертвоприношению. А мир все сатанеет черным фанатизмом дьявольских идей, и от этого не уйти, и не остановить, и не изменить. Там, под Кандагаром, в Афгане, Олег попал в плен к «духам», она не знала подробностей, пять лет не было с ним связи, и все думали, что он давно погиб. Но он объявился, и это было еще страшнее, чем погибнуть, об этом было страшно вспоминать, об этом невозможно было говорить, этому нельзя было верить. Его сломила, исковеркала война. Этот замученный парень, без пальцев на правой руке, с землистым морщинистым лицом, с косящим в нервном тике взглядом, и был тот самый бесшабашный красавец Олег, с которым они мчались по ночной трассе в звездном августе того далекого незабываемого лета.

Он пил дико и буйно до отключения мутного сознания, а потом подсел на наркотики, и это уже был долгий путь в никуда. У Ники была своя жизнь, она много и одержимо работала. Они почти не виделись, хотя жили в одном городе.

Все чаще Ника врала по телефону, обещая зайти, обещая позвонить. Придумывала нелепые отговорки и снова лгала, лгала...

А потом позвонила его мать и бесцветным будничным голосом сообщила время похорон.

Лил дождь, Ника боялась идти одна и пришла со своим будущим мужем, но эту бестактность, наверное, никто не заметил. О, как рыдала она там, как рвала на себе волосы, как про-

щалась со всем, что было вчера. Олег лежал в огромном гробу, в новом добротном костюме «довоенного образца», весь в цветах, не похожий на себя, торжественно-нездешний, с синими искусанными губами. Он звал ее, Нику, в самые страшные минуты своей такой короткой, неудавшейся жизни. Его мать не могла простить себе, что не позвала Нику в ту самую страшную, последнюю ночь, когда сын ее, теряя остатки сил, бескровными губами шептал имя этой чужой, предавшей его женщины. Ведь его мать тоже не знала о том, чего не было! О том, что Олег просто придумал, нарисовал ее, Веронику, из фильмов и стихов, из той поры Архитектурного, летних зачетов и каникул, мотоциклетных гонок в августе почти по вертикали. После похорон Нике рассказывали, как она убивалась и голосила, что кричала, какими словами звала, как на коленях в белой шубе в грязи умоляла простить... Ее трясло в истерике, она всхлипывала в безумии, не понимая, что происходит, а люди, скорбно принимая ее за невесту, отпаивали валерьянкой и жалели, жалели, жалели... и от этого ей было еще хуже и страшней. На следующий день она договорилась с матерью Олега встретиться у его могилы, но, мистика! – она не нашла его могилу, бродя кругами по старому городскому кладбищу много часов подряд. Уже темнело, когда она вернулась домой, так и не найдя место, куда случайно и безвременно ушел он, не разменяв и тридцати.

Больше в ее жизни никогда не было Олега. Она ни разу не встретилась с его матерью. Что ей сказать? Разве о том, чего не было, можно говорить вслух? В фотоаппарате единственная пленка засветилась, и даже фотографий у нее тоже не осталось. Все ушло.

Только где-то в подкорке мозга осталась пульсирующая вспышка: Мотоцикл «Ява», в темном пространстве над землей, они с Олегом летят на бешеной скорости, и звездопад. Звезды в августе так быстро падают, что не успеваешь загадать желание.

А в кафе «Арома» на улице Гилель, в самом центре Иерусалима, сидел возле окна крепко сбитый парень в синем спортивном костюме «Адидас», нервничал и смотрел на часы.

По стеклу нескончаемым потоком хлестал дождь, и было днем, как вечером, почти темно. Редкие прохожие пробегали мимо. Что заставило его поменять маршрут и заехать в Израиль? Ведь в Дублин можно было лететь прямым рейсом или через Европу. Какая сила тянула его к этой чужой, незнакомой, наверное, уже немолодой женщине?

Чтобы высказать ВСЕ? Просто посмотреть ей в глаза?

Или понять, чем она тогда околдовала брата? Почему она не стала бороться за судьбу Олега? Ведь только она и могла помочь. Ее бы он послушал. Не захотела! С такой легкостью вычеркнула его; вытерла ластиком, как ненужный элемент конструкции на своем чертеже. Виктор ждал этой минуты столько лет.

– Ну, где же она, эта Вероника?

О которой так много был наслышан, которую готов был любить и ненавидеть. Которую столько раз жестоко убивал во сне и так хотел увидеть сейчас. Увидеть и все простить. А она все не шла.

За столиком напротив сидела одиноко девушка лет двадцати, с высокими скулами и прозрачным взглядом удлинненных зеленых глаз с розовой тушью на ресницах и яркими губами в горячем шоколаде. Казалось, что это эротический прием – обмазать губы шоколадом вместо помады и найти того, кого можно зацеловать и погубить... до смерти.

Нет, это не она! Вероника не может быть «Вамп», у нее на фотографиях такой чистый, честный взгляд. Да и горячий шоко-

Ирина Цыпина

лад не пили в те годы в их провинциальном, самом лучшем на свете городе.

Быть может, эта? Нет, эта длинноногая красotka с модельным разворотом плеч не может быть Вероникой, в ней нет тепла.

Эта? Респектабельная молодая леди, выскальзывающая из дорогой машины, вся в лайке, под прозрачным зонтиком?

Нет, у нее злые поджатые губы и презрительный прищур. У нее крупные грубые запястья. Она не может быть хрупкой девочкой – невестой Брата в том самом злом 82-м.

Когда-то еще в школе Брат вел дневник, записывал понравившиеся фразы из разных умных книг; врезалась в память строка:

«А была ли Беатриче? Беатриче не было. Было вечное величье голубого неба...»

Сколько лет ей сейчас? Может быть, эта? Нет, нет! Разве может Она быть в таком немодном сером плаще? С усталой тяжелой походкой? И эта нелепая потертая сумочка из прошлогоднего сезона...

Он по молодости еще не знал, что они никогда не встретятся. Вероника передумает выйти из машины, уже припарковав ее у входа в кафе, и то, чего не было НИКОГДА не произойдет в ее жизни.

STOP!!!

P. S.

И ТОЛЬКО ОДИН ВОПРОС: ПОЧЕМУ???

В этом странном шоу под названием жизнь случайности складываются, как мозаика, в свой фантастический узор, раскручи-

вая свои сюжеты, навязывая кармические закономерности судеб и отнимая у меня право домыслить что-либо от себя. Простите, это не мой сценарий!!!

«The show must go on...», продолжал петь Фредди Меркури в иерусалимском кафе «Арома» в тот тусклый дождливый понедельник. Акварели на стенах, заполненные нездешним туманом, излучали легкую Шагаловскую грусть.

Было тепло и уютно.

А тем временем в маленьком нарядном зале уже было полно завсегдатаев, жизнь кипела и пенилась, как и этот бодрящий ароматный напиток, разлитый в фирменные белые фарфоровые чашечки. Вдруг, к стойке бара подошла высокая, очень бледная женщина в длинном черном пальто. На густые блестящие волосы был наброшен прозрачный черный шарф из металлической синтетики.

«Траур», – пронеслось в голове у Виктора.

У нее был очень правильный тонкий профиль и иссиня-черные глаза. Он даже успел встретиться с ней взглядом. Она выстрелила огромными неестественно расширившимися зрачками прежде, чем раздался оглушительный ВЗРЫВ. Он уже не видел, как взлетали в воздух разорванные тела людей, как сыпались стены и перекрытия, мгновенно превращенные в песок, как истошно ревели сирены амбулансов и звенело битое стекло, летящее из дома напротив, он уже не видел себя в кровавом месиве убитых и раненых. Все было без него.

И только за тысячи километров от этого страшного места в пустой холодной квартире на столе шелестели тонкие страницы, вырванные из забытой тетради непонятым ураганным ветром, ворвавшимся в квартиру через плотно закрытые окна.

«Беатриче не было...»

ОПТИЧЕСКИЙ ОБМАН

Нас всегда завораживает сказка, недосказанность и причудливость сюжета, в который бросаемся, как в омут, чтобы еще и еще раз обмануться. Но затаив дыхание, ожидая и волнуясь, обжигаясь, как первый раз.

«В розовой сказке розовый снег, розовый снег даже во сне...»

И у меня так было и у Вас, когда ожидание сводило с ума, влекло и пьянило, а потом... Разбитое стекло! Мириады осколков наших чувств и надежд! Молодое вино на глазах превращается в перебродивший уксус. И ни розового снега, ни сказочного чуда, а под ногами только талый лед и слякоть, усталость и злость, разочарование и медленное осознание того, что именно в этом неуловимом колдовском состоянии ожидания и есть та магия чувств всех цветов и оттенков, которая создает нам «праздник в ожидании праздника», который так пленяет своей незавершенностью и иллюзорной доступностью. Только надо в него по-настоящему верить.

А я расскажу Вам сказку о том далеком времени, когда еще сказки приходили к нам из снов и чудесных книг, когда добрые волшебники входили через замерзшие в ледяных узорах стекла и оставались с нами до утра водить хороводы вокруг нашей красавицы елки, сверкающей гирляндами разноцветных украшений, в мерцающем свете огней; когда запах свежей хвои смешивался с мандариновыми корками и грецкие орехи в фольге мы укладкой прятали в карманы, накалываясь на еловые иголки детскими пальцами, не зная еще ощущения другой боли. А на ветках среди стеклянных балеринок и зайчиков, снегурочек и раскрашенных домиков висели конфеты «Тузик» и «Синяя пти-

ца» – сладкий вкус моего детства. Это было еще задолго до культовых просмотров в Новогоднюю ночь рязановской комедии «С легким паром», в эпоху «Голубых огоньков» на черно-белом единственном экране страны. Тот год мне запомнился особенно четко, потому что к ощущению Праздника Нового Года вплелись другие ощущения – скарлатина, водочный компресс на шее, долгое лежание в кровати и первые книжки, которые я самостоятельно с гордостью читаю в постели. Мне только шесть, я еще не хожу в школу, и дни, безумно длинные, вдруг начинают наполняться смыслом и улетать от меня...

Я читаю, сама! Я открываю для себя мир, который ошеломляет, удивляет, радует и задает вопросы, я читаю, читаю запоем с того самого времени, с той зимы, на всю жизнь. В ту длинную скарлатинную зиму я прочитала короткий рассказ, полуправду-полусказку, к которой столько раз потом возвращалась в своей жизни.

Стерто название книги, забыто имя автора, но до сих пор я ощущаю легкое удивление, вспоминая этот сюжет, который просто потряс тогда мое детское воображение и до сих пор не отпускает своей трогательной иллюзией обмана.

Как могло так случиться, что безымянный детский писатель, живший в другое время и в другую эпоху, смог так безошибочно точно нас просчитать на все времена, составить алгоритм всех наших бесконечных надежд и разочарований, успехов и поражений? Смог рассказать простыми словами Истину в тонком переплете детской книжки, в тривиальном сюжете, составленном из простых слов и понятных детских поступков.

В приморском городке у самого синего моря жили брат и сестра, погодки, с отцом, который работал бакенщиком в порту. Времена были суровые, послевоенные. Они жили голодно и бедно. В их ветхом домике часто гулял ветер; от холода зимой изо

рта шел пар, и пустой кипяток с огрызком прошлогоднего сахара заменял им вечернюю трапезу. После смерти матери отец почти никогда не бывал трезвым; он все время проводил в порту, и дети приспособились жить без взрослых, заброшенные, без тепла и ласки в свои неполные десять лет. Но и в этой убогости были светлые праздники детской души, когда в ясную погоду дети с трепетом доставали из шкафа самую главную драгоценность семьи – отцовский бинокль и всматривались в дальние дали морских горизонтов, где все совершенно и прекрасно, где всегда сияет солнце, где никогда не бывает дождей, где цветут дивные белые магнолии, где никогда не было войн и лишений, и люди так счастливы, так любят друг друга, так бесконечно добры.

Но особенно манил и будоражил их детское воображение самый далекий на горизонте зеленый мыс, узенькой ленточкой выступающий в море, который так трудно было разглядеть даже в мощный морской бинокль.

Там на изумрудной лужайке у самого моря сверкал яркой красной крышей кукольный домик, где, наверное, живут очень добрые сказочные старички. Старик рыбачит на берегу, а аккуратненькая старушка печет вкуснейшие пироги с рыбой в русской печи, от которой идет волнами жар и аромат сдобы.

У них есть коровка Буренушка, которая дает каждый день огромный кувшин теплого парного молока, которое еще пенится и пахнет клевером и маслом. У них на подоконниках цветет герань, и птицы поют поутру, пахнет сытным домашним хлебом, и только одна беда – они одиноки.

Взрослые дети давно покинули родительский дом, а старички так хотят приголубить, обогреть, пусть даже чужих детей; накормить сочными наливными яблочками из своего сада, угостить медовой белой черешней, а перед сном, после баньки, почаевничать крепко заваренным цветочным чаем с шиповником и с вишневым вареньем с крошечными бубликами-сушками. Брат и сестра так хотели, так ждали этого придуманного тепла! Так

любили этих милых гостеприимных стариков. Так хотели помочь им по хозяйству, ведь они все умели делать сами и не боялись никакой работы! Они серьезно готовились к этой придуманной встрече. Почти год собирали сухари, понимая, что добраться к старичкам не просто, надо плыть на лодке и, наверное, не один день.

Однажды ночью они отвязали лодку соседа, погрузили мешочек с сухарями, флягу с водой и пустились в плавание, сидя поочередно на веслах. Потом начался шторм, волны накрывали обжигающим холодом и страхом, сознание растворилось в соленой пучине, был неминуем конец, и только по счастливой случайности их спасли рыбаки, которые заметили с рыболовецкого катера тонущих детей и перевернутую лодчонку. А потом...

Вы уже догадались? Не было этого райского места и этих милых сказочных старичков. Не было пирогов с рыбой и яблочек в меду. Не было яркой герани и сытных домашних хлебов. На том далеком зеленом мысе стоял полуразрушенный после бомбежки ветхий корявый дом, в котором давно никто не жил. И было только запустение, бурьян, сорняки. А красная крыша оказалась просто оптическим обманом. Это был первый обман в моей жизни.

Как я захлебывалась от чувства несправедливости! Как было больно и непостижимо согласиться, что так бывает и почти всегда. Слезы душили и не давали уснуть. Мои новогодние конфеты сразу потеряли свою сладость. Елочные подарки раздражали своей непричастностью к этой печальной морской истории. Я сразу ощутила себя маленькой и беспомощной в этом злобном и несовершенном мире.

А потом были, были еще и еще обманы. Красивые и влекущие, завораживающие из заоблачных далей и таящие вблизи, как первый снег.

«В розовой сказке розовый снег, розовый снег даже во сне...»

В Париже в Лувре я рыдала возле знаменитой Джоконды. Она обманула меня своей будничной ухмылкой домохозяйки, невыразительным сонным взглядом, нездоровой пастозностью лица. Не было Тайны, не было Явления Откровения, просто в зале гудела разноязыкая толпа, визжали дети, и была разрушена еще одна иллюзия Великой Гармонии, встречу с которой я так долго ждала.

А разграбленный еще соратниками Робеспьера и Марата, прославленный и убогий, нищий Версаль? Что осталось в нем и почему ореол Тайны веками покрывает зияющую пустоту? Вырванные страницы истории уже давно сожгли на кострах инквизиции и сочинили новую, похожую на быль, полусказку-полуправду, покрытую сусальным золотом 18-ти карат лицемерия и фальши. Чувство недоумения тоже заставляет страдать.

И в неухоженном Люксембургском Саду в ушах звенели осколки битого стекла моих хрустальных иллюзий, созданных когда-то чарующим голосом Джо Дассена. Под его знаменитый «Люксембургский сад» так красиво любили друг друга мальчики и девочки моего поколения. Он завораживал и звал в Париж, город вечной любви, поцелуев и страсти. Ах, как много можно еще перечислять, но в узком переулке рядом с кладбищем на Монпарнассе я встретила взглядом с немолодой парижанкой, в ее глазах стояла такая тоска, такая безнадега, что мне захотелось попросить у нее прощения за все эти неуместные лубочные сказочки про Париж.

Я вспомнила, как стояла посреди пустой пыльной дороги Джульетта Мазина, гениально некрасивая и божественно-выразительная, оплакивающая навзрыд свою Мечту в самом пронзительном фильме 50-х Федерико Феллини — «Ночи Кабирии».

«В розовой сказке розовый снег... »

Когда я уезжала насовсем туда, где не бывает снегов, вся наша кафедра трогательно и конфиденциально принесла мне записочки к Б-гу, зная, что я буду в Иерусалиме у Стены Плача. Действительно, я выполнила их просьбы. В первую же неделю пребывания на Святой Земле я пришла в Старый Город, подошла к древней каменной стене, вложила в выветренные за века щели ворох записок, написанных от руки людьми разных возрастов и конфессий. Камни были холодны и безучастны, отполированные мириадами рук просителей перед Б-гом за всю историю от Второго Храма.

Эти холодные камни читали так много судеб, видели столько слез и не верили никому, никогда!

Я все еще продолжаю стоять в том далеком 91-м на холодном замерзшем балконе нашего нового временного пристанища. Мы только что въехали на съемную иерусалимскую квартиру, мы только несколько месяцев в стране, и вся наша благополучная устроенная вчерашняя жизнь уже захлопнулась, как наспех прочитанная книжка. А на этом балконе мы, без работы, языка, знакомых, без прошлого и настоящего, курим незнакомые сигареты «Time» и взгляд фокусируется на одном и том же отрезке: змейка освещенной нарядной трассы, вся в неоне и разноцветных фонарях, устремленная вдаль, ввысь, растворяется в темноте чужого незнакомого города. По этой трассе мчатся, перегоняя друг друга машины, зовут нас за собой, как на праздник, но мы не можем войти в этот движущийся поток, не можем узнать их конечный маршрут, ведь у репатриантов, только приехавших в Израиль, нет автомобиля.

А потом мы узнаем, что это дорога на Гило, ведущая к Бейт-Джалле, обстреливаемая и опасная, постоянно контролируемая военным патрулем, особенно в ночное время.

И не праздник освещают разноцветные лампочки фонарей, это только иллюзия праздника, оптический обман.

Ирина Цыпина

И сегодня, когда меня предают близкие друзья, когда надежды на Дальние Дали обманывают и не сбываются, я остро чувствую себя в плену той далекой Новогодней Елки, когда сверкала блестящая мишура, пахло еловыми шишками и морозом, мандариновые корки летели на ватный снег и оранжево горели в отблесках бенгальского огня, но...

Скарлатина.

Водочный компресс.

Книга – полуправда-полусказка.

Оптический обман моего ушедшего детства.

ИДЕАЛЬНЫЙ ЗАВТРАК

Где все происходило? Абсолютно неважно где! Но это невозможно – в Париже, невозможно – в Мадриде или Праге. В Тель-Авиве? Или где-то еще? Нам всегда хочется казаться такими уникальными и неповторимыми, но согласитесь, что живем мы все по одним очень простым законам, в мире простых, если не сказать – примитивных, истин. Мы все похожи и стандартны; но не будем признаваться в этом друг другу.

Мы будем играть.

Утро выходного дня, туман. Очень рано, на улицах пустынно, сонно и одиноко. Мало машин, почти нет людей – город еще только просыпается.

А шикарный пятизвездочный отель в самом центре столицы живет по принципу: non stop. Перед центральным входом в гостиницу выстроились нарядные туристические автобусы, такси; идет погрузка-разгрузка багажа разноцветной толпы туристов. Смешались языки, наречия, стили. Запах дорогих духов, коллекционных вин, легкий дым дорогих сигарет – запах дорогой беззаботной жизни.

Но кто эти двое? Они вошли в этот гудящий рой, странно отчуждённые, без вещей, абсолютно индифферентные ко всей

этой праздной суете. Высокий сидящий мужчина средних лет в сером твидовом пиджаке и хрупкая женщина в кожаном вишневом костюме, в огромных солнцезащитных очках, без возраста и без косметики. На хорошо выученном английском они спросили у администратора, где в это раннее время можно позавтракать в отеле и их проводили в огромный пустой зал ресторана; ведь завтрак в гостиницах готовят очень рано, к шести утра.

Кто они были? Что заставило их в такую рань прийти на этот дорожный завтрак? Ведь на туристов они абсолютно не были похожи. Это было свидание? Случайная встреча?

Ночная прогулка двоих по чужой столице на перекрестке собственных судеб? Когда обрывки памяти долетают до нас, сводя с ума своей внезапностью и завершенностью, когда реальность исчезает в тумане прошлых лет, прошлых поступков, и мы на какой-то очень короткий миг осознаем всю многовариантность неслучившегося с нами, несостоявшегося, оставшегося таким красивым и чистым сюжетом.

Рассвет еще не растворился. Но ночь уже почти растаяла в тумане раннего утра, и вместе с ней растворились последние загулявшие посетители ночных клубов и ресторанов. А эти двое? После ночного банкета... и завтрак?

Кто они? Почему он так отстраненно и нервно курит, не глядя на свою спутницу? А она – почти без мимики, без эмоций, вымученно и сосредоточенно смотрит на него сквозь эти нелепые темные очки. Почему так устало и безразлично болтается на ее плече слишком деловая для вечернего party сумка? Нет, они явно не вписываются в этот нарядный, благополучный уклад.

Бесшумно суетились официанты, сооружая замысловатые композиции из экзотических фруктов. Выставка дорогих сыров призывно благоухала сытным сельским ароматом. Свежая зелень салатов была еще наполнена росой несуществующих в окрестности лугов. Всё было прекрасно и пасторально. Но кто они были, эти двое, которые молча, без слов, вяло и отрешенно си-

дели за столиком для двоих? Это был обычный шведский стол, где посетители сами выбирают себе еду из предложенного великолепия, но на столике этих ранних посетителей стояли только два фужера с холодным соком, они сидели друг против друга в напряженной тишине, и только из-под ее зеркальных солнечных очков капали слезы, а он смотрел сквозь нее, не утешал и не знал тех нужных слов, которые надо сказать. Какой красивый можно было написать сентиментальный роман о любви, изменах, сложных отношениях, верности и долге, головокружительной страсти, но, увы, в жизни все бывает не так. Все прозаичней и намного сложнее. У них тоже были и семейные ссоры, и разочарования, взрывы дурного нрава, и претензии друг к другу, накопившиеся за двадцать лет совместной жизни. Было всё как у всех, но только до вчера... Сутки назад они еще были другими: она была легкомысленной и капризной, он был высокомерен и заносчив. Они друг друга порой любили, порой ненавидели, и опять любили, как часто бывает с парами, соединившимися в ранней юности, но это было до вчера.

На рассвете им позвонили, и этот звонок стал границей между спокойствием и тревогой, между наносным и настоящим, между придуманным и реальным. После этого звонка они уже стали другими. Там, где-то в белых пространствах Центрального госпиталя, на операционном столе был их взрослый сын, их былиночка, солдатик. Там им ничего не обещали, никто не успокаивал, не уговаривал, там было все заполнено страхом за его, такую молодую, непрожитую жизнь. Не было слов говорить, не было сил кричать. Только запах крови и боли, пустота и отчаяние...

Невозможность осознать, понять...

Вся жизнь с самого его рождения прокручивалась до нелепых мелочей: вот он после купания такой трогательный и смешной, Сыночка-косыночка, а вот уже с огромным букетом георгинов (В России были такие цветы) идет в 1-й класс; выпускной вечер, первая девушка. Простая, понятная жизнь.

Невозможно!!!

Уроки музыки в просторной квартире благополучного ведомственного дома: малыш старательно выводит гаммы, а за окном – медленный первый снег, и так спокойно на душе, еще все так далеко, еще все может не случиться. Эти гаммы до сих пор звучат в ушах... Невозможно!!! Как радовались они, когда показали ему Лувр, как были горды, что сумели подарить Праздник прекрасного! Какими счастливыми были они все вместе в этой недельной поездке, как пленил их весенний Париж.

И этот загадочный древний город, с таким мирным библейским названием, как Дом Хлеба (Бейт-Лехем), захотел отнять у них самое дорогое на свете, их ребенка, поставленного этой страшной необъявленной войной под тысячи снарядов, злобные снайперовские мишени, минные поля и тонны взрывчатки. Город, начиненный животной ненавистью, проклятиями, отчаянием и неприятием НАС на этой Земле.

Мальчики с детскими лицами в потертых гимнастерках, Вы не из учебников истории, не из хрестоматии. Эта война так беспощадно пересеклась с вашей юностью, с вашими надеждами, со всем, что составляет суть человеческой жизни.

Простите нас, уже очень взрослых, не воевавших ваших родителей.

Но нет ответов на поставленные вопросы, и нет спасительных решений, и нет логики в средневековых декорациях этого ирреального бесконечного сценария.

Они курили до дурноты, вышагивая вокруг операционной, они не видели друг друга, но они были вместе.

Шли часы, такие долгие, такие трудные; менялись смены ассистентов и хирургов, сестер и врачей. Ожидание было невыносимой физической пыткой. Через сутки они зашли в реанимацию. Предстоял долгий путь борьбы, полный мук, отчаяния, боли, надежды.

Но тогда, в это заурядное утро выходного дня, они еще ничего не знали. Ни о том, что одновременно посидели, ни о том, что будет болеть сердце, ни о ранних морщинках на ее еще не постаревшем лице, ни о том, что будут очень сильными возле своего взрослого, больного ребенка.

В то уже далекое утро после операции, чтобы не свалиться без сил, они поехали позавтракать, благо, гостиницы открыты в любое время дня и ночи. Обессиленные и ничего не соображающие, они сидели друг против друга за крошечным столиком для двоих. Им не надо было говорить, они читали мысли без слов, они понимали друг друга так, как никогда за все свои общие двадцать лет. Возможно, она была капризной и легкомысленной, а он высокомерен и заносчив, но все это было уже за той временной границей, где они остались беспечными и молодыми, где не было боли и потерь, где были оставлены и любовь, и страсть, и измены, где когда-то буйно ревновали и так сладко мирились. За этим столиком для двоих, в пустом полутемном зале они медленно пили и не могли допить свой ледяной апельсиновый сок, боясь уйти в неизвестность предстоящего дня.

А потом она сняла свои нелепые защитные очки, и он понял, что никогда не уйдет от этих заплаканных глаз в незнакомых морщинках. Они впервые увидели друг друга не очень молодыми, не очень красивыми, не очень удачливыми в этом мире, но им не надо было играть, притворяться; они могли быть сами собой, не стесняясь, не прячась за улыбки и ненужные слова. И связывали их уже не роковые страсти, а общие страдания, общая боль, общая надежда и борьба за судьбу самого родного человека на Земле, своего сына.

А зал тем временем заполнялся посетителями, шумными, веселыми, беспечными. У многих волосы были мокрыми после бассейна. Пахло поджаренными тостами и горьким ароматным кофе, и не все еще понимали, что рядом идет ВОЙНА.

ИЕРУСАЛИМСКИЙ МАРШРУТ

Кто это выдумал, кто? Кто написал этот сумасшедший сценарий, который мне мог стоить жизни? И вообще, кого винить во всём случайном в этом случайном мире?

Но сначала все по порядку. Зимние сумерки. В Иерусалиме зима эквивалентна поздней осени средней полосы России, а это значит – слякоть, ветер, дождь; темнеет рано. В тот день мне нужно было задержаться на работе, не было тремпа, и возвращалась я домой привычным автобусным маршрутом № 21. Мне предстояло пересечь полгорода: от Сдерот Герцль до Дерех Хеврон в Тальпиоте, но выбора не было, и на ветру под зонтом я ждала.

Когда подошел автобус, было уже почти темно и, ворвавшись в комфортабельный салон, теплый, освещенный ярким светом, я пришла в состояние Блаженства. Я даже помню это ощущение минутного счастья, когда, погрузившись в новую замшу удобного кресла, я разворачивала свою любимую зачитанную книжку в тонком очень скромном переплете. Эстетствующий читатель меня не поймет, это был не загадочный Борхес и не модный Пауло Коэльо. Я ведь сразу объяснила, что я женщина из иерусалимской толпы, которая ездит на автобусе, но уже не ходит через весь город пешком. Не забывайте: я пишу эмигрантский дневник. Ну помните, как у Сергея Довлатова: «Мы перешли из разряда униженной нищеты, в разряд опрятной и благополучной бедности...» (если есть неточности, простите, цитирую по памяти). Это была «Иностранка» Сергея Довлатова из серии «Уехать, чтобы вернуться». Странное, почти мистическое совпадение названий. И та давняя автобусная поездка, которая до сих пор обжигает и возвращает так часто в тот день, в ту действительность со всеми непонятными ассоциациями, волнениями, беспечностью и неврастением. За окном из-за дождя все

было размыто и нечетко, как на картинах ранних импрессионистов, не хотелось выходить в этот холодный непривычный дождь, и я погрузилась в легкий, талантливый и такой созвучный мне мир, пронизанный иронией, юмором, расцвеченный великолепным русским языком. Когда я оторвалась от проблем обитателей 108-й улицы Нью-Йорка, то увидела, что все пассажиры автобуса почему-то смотрят на меня в упор.

Кстати, у пассажиров был довольно странный вид. Это были смуглые мужчины в клетчатых платках. Такой платок у туристов всего мира называется «арафаткой» и является визитной карточкой арабского Востока. И так: жгучие декорации другого Мира, который существует совсем рядом с нашим, не пересекаясь, не совпадая по времени, но обжигая нас неприятием, ненавистью, злобой. Мой автобус плавно и не спеша ехал по узким улицам Восточного Иерусалима. Здесь нет таможен, нет пропускных пунктов и армейских постов.

Невидимая граница проходит в вечернем пространстве Вечного города, создавая поле высочайшего напряжения, которое, увы, не регистрируют наши сверхсовременные, сверхточные приборы. Еще предстоит изучить сложный механизм метафизических явлений нашей психики, который улавливает пересечение невидимых волн наших эмоций в этом беспокойном и жестоким мире, но мы о другом.

В этом автобусе мне было страшно. Глаза, глаза, глаза... Глаза меня рассматривали с интересом, глаза меня раздевали, глаза меня ненавидели, глаза презрительно уничтожали и смеялись... Установилась напряженная тишина выжидания, что будет? Я уже все поняла, это был не 21-й маршрут, а 27-й, ведущий в Восточный Иерусалим. Я спутала в сумерках цифры, как все просто и случайно. Ах, Сергей Довлатов, куда увел ты меня в этот иерусалимский дождь?

А дождь тем временем прошел. За окном в тусклом освещении я четко видела башенки минаретов, пустые улицы, одинокие фигуры спешащих арабских женщин, плотно задрапированных в черные либо белые одежды. Католические монахини

в серых платьях-плащах с огромными белыми крестами на груди медленно и спокойно вышагивали строем по направлению к костелу, который стоял одиноко и грустно вдали от арабских декораций. Как вести себя? К кому обратиться? На цепочке у меня легкомысленно болталась Звезда Давида в безукоризненной перламутровой оправе; да еще короткая кожаная юбка, предательский элемент Западного морального разложения, свидетельствовала, что я здесь не своя, чужая.

Водитель оказался арабом средних лет, знающим (да, да, удивляйтесь!!!) русский язык. Это, наверное, и спасло меня. Порусски он приказал мне ехать до конечной остановки и потом вместе с ним через 20 минут ехать обратно этим же маршрутом. По его голосу я поняла, что здесь не шутят.

Со мной могло произойти все, что угодно, но эти улицы, эти камни древней брусчатки, эти окна чужих домов будут молчать. Это – чужая территория и чужая жизнь. Моя судьба зависела от такого пустяка, как глупая случайность, впрочем, как и все в этом непрочном мире. Был конец 1999-го. Я тогда еще не знала, что нас ждет жесточайшая двухлетняя интифада, линч наших ребят в Рамалле, Дельфинариум, кафе «Момент» и «Сбарро» и еще, и еще, и еще... Да что говорить? Вы всё это сами знаете.

А память возвращает меня в оставленные так давно аудитории, где я читаю лекции по истории архитектуры, и мои студенты-палестинцы приносят мне роскошный букет белой персидской сирени. Конец семестра, на душе так легко и прекрасно; нет ненависти, нет страха, а есть только ощущение свободы, молодости, и все еще впереди. Может, этот хмурый водитель – мой бывший студент из той, забытой во времени, аудитории, где до сих пор можно сойти с ума от запаха персидской сирени? Кстати, она не растет на Ближнем Востоке.

Обратно мы ехали молча остановок 5-7, а потом фильм разворачивался в обратном направлении. Религиозный район Меа-Шеарим вдруг неожиданно ворвался черно-белой расцветкой средневековых одежд и таким родным гортанным ивритом пе-

Ирина Цыпина

ремешанным с идишем, а потом улица Яффо, наполненная смехом и громкими голосами нашей неуправляемой, самой шумной в мире, молодежи, а потом, возле Французской площади – элегантные пожилые американцы, обвешанные всякой оптикой, а в Тальпите – солдаты в хаки, с обветренными волевыми лицами, автобус опять был полон людей, смешались языки, наречия, стили, автобус жил своей обычной жизнью.

Выходя из автобуса, на ходу я поблагодарила водителя на иврите. Он либо не расслышал, либо сделал вид, что не слышит. Мы ведь с ним были из разных миров. Он не хотел понимать мой иврит. После этого случая в автобусах я не читаю. Но когда случайно взгляд останавливается на книжной полке, я вспоминаю слова из той довлатовской книжки: «О, Господи! Какая честь! Какая незаслуженная милость: я знаю русский алфавит!».

ЧУЖАЯ РОЛЬ

*«И чего нет, того нельзя считать... »
(Екклесиаст, гл.2,3)*

На книжной полке, доставшейся от бывших жильцов, я обнаружила старенький карманный «Панасоник» и несколько забытых кассет. Об этих людях я почти ничего не знала, но слышала, что они разъезжаются навсегда; что он, выдержав все круги ада эмиграции и построив жизнь заново с белого листа, «сломался», влюбившись в какую-то юную особу и уезжает с ней в Канаду, бросая жену, с которой прожил более двадцати лет, и двоих детей-подростков. Впрочем, их тривиальный сюжет мне был совсем не интересен. Я почти не запомнила их лиц: заплаканное лицо растерянной, потерявшей все и вдруг женщины; хмурый, колючий взгляд ее бывшего супруга. Ну чем им

помочь? Да и нужно ли, если прошла любовь? В эмиграции мы интуитивно прячемся от чужой боли – срабатывает здоровый инстинкт самосохранения, но...

Случайно нажав магнитофонную, клавишу я вошла в чужой мир, без приглашения, наугад, как в придуманный кем-то роман. Это были страницы дневника, начитанные на кассету о первых днях эмиграции в этой непонятной, жаркой, полной мистики и тревоги, стране. Наверное, тогда Она хотела сохранить эту запись, чтобы когда-нибудь вспомнить, оглянуться, но, расставаясь с мужем, ей захотелось уничтожить все свое прошлое, как ненужное напоминание, жестокий урок крушения и непредсказуемости поступков даже самых близких и родных людей. Прозрачный женский голос исповедально вибрировал в магнитофонном эфире, и через помехи и треск со старой кассеты мощным потоком струились живые чувства. Не могу понять, почему так часто, через столько лет, я возвращаюсь к Ней, незнакомой и непонятной?

И кто поймет, кто сможет объяснить логику поступков Мужчины и Женщины? Кто кого способен осудить?

Она читала очень тихо, почти шепотом, и от этого мне казалось, что все, о чем она говорит, до сих пор Ее волнует и не отпускает.

«Давай вечером с тобой встретимся », но не там, где расстались много лет назад, а просто – в словах, в жестах, в знаках или в светящейся бездне компьютера. Ты согласен?

Давай встретимся на том самом перекрестке, где когда-то неожиданно и случайно, ВДРУГ, мог состояться наш роман.

Но память кружит и уводит, не подпускает близко к тому перекрестку на центральной улице Кинг Джорж, где просто расстались, разминулись в пространстве, и больше НИКОГДА...

Ирина Цыпина

Только не надо переосмыслений, не надо напоминать, осуждать, возвращать. Ты еще помнишь, как это было?

На родительском собрании было шумно и душно, все кричали одновременно, перебивая друг друга. На пластиковых тарелочках трогательно раскрошились крошечные печенья и бисквиты. Витал обязательный кофейный аромат, без которого немислимо ни одно коллективное мероприятие. Энергично жестикулируя, на гортанном непонятном языке перед аудиторией выступала директриса, в джинсах и кроссовках, являя собой пример спортивной долговечности и предпенсионного оптимизма.

Для меня все звуки сливались в один шумовой фон. Две недели в стране, шок от чужой непонятной жизни, от непохожести и неузнаваемости всего самого обычного и простого: начиная от хамсинной, вязкой жары в ноябре и заканчивая милой небрежностью и сонным безразличием к своему имиджу у местных смуглолицых леди. Я ощущала себя туристкой: молодая, еще вчера абсолютно благополучная, уверенная в себе женщина. Мое внутреннее самоощущение не допускало комплексов насчет отсутствия работы, незнания языка, местных обычаев, культуры и истории страны, наконец, статуса эмигрантки, подслащенного надуманным словом «репатриантка». Нет, это было не про меня! Все пришло значительно позже. А тогда был интерес ко всему новому, был кураж, было все легко и просто.

Я сидела на пересечении чужих взглядов, как под обстрелом. Я играла спектакль, где была утонченной и непонятной актрисой; эдакая заграничная штучка, не такая, как все. Голова кружилась от непонятного драйва, но поверьте, неосознанно я завела толпу. Я чувствовала себя наэлектризованной в поле чужой территории, излучающей мощный заряд абсолютно другой непонятной им частоты.

Была электричеством моя ядовито-зеленая кофточка с расшитым по моде тех лет разноцветным стеклярусом; пульсировали электроволны от юбки цвета беж и от умопомрачительных

лайковых сапог. В сорокаградусную жару именно сапоги были хитом моей экзотической нестандартности в противовес сандалиям, одетым на босые, очень смуглые, ноги местных аборигенов. Но не судите строго, я ведь играла гротескную роль в написанном мной средиземноморском сценарии, где все должно быть непредсказуемо и ярко, как на бразильском карнавале, шокировать и бить наповал.

По окончании родительского собрания меня окружили родители будущих одноклассников моего сына. Что-то шумно спрашивали, шутили, объясняли, но из-за моего незнания языка, оставим за кадром несостоявшуюся беседу и их повышенное внимание. На все вопросы у меня была только вежливая улыбка и несколько фраз на английском.

Удивительно, но тебе я подробно рассказала о себе так много и почти правду обо всей моей прошлой жизни. Странно, как мне хватило словарного запаса из моего почти забытого английского лексикона? Когда я сегодня спустя 10 лет вспоминаю тот вечер, я вспоминаю школьный двор с непонятными рисунками и надписями на плакатах, душный хамсинный вечер и легкость встречи с тобой.

Светлые глаза, светлые выгоревшие волосы, волевой подбородок, абсолютно европейский типаж в ближневосточном антураже. Командовал в элитных войсках, воевал. Учился в Америке, но не подумал остаться там, здесь – Дом, в Израиле, это ведь так понятно. Его мама говорит с ним на английском, она из Австралии; а отец знает русский, он когда-то жил в Польше. В Израиле никого не удивишь этой экзотикой переплетений судеб, языков, стран. Израиль – это страна, по сути, эмигрантская, где еще не сработал мощный плавильный котел, но все объединены общей судьбой, общей опасностью и общим ощущением чего-то мистически необъяснимого и предопределенного, что витает в воздухе этой раскаленной Земли.

Мы с тобой будем «учиться в одном классе» школы Денемарк. Наши первоклашки здесь познакомятся. И мой малыш

здесь на иврите будет по слогам читать свои самые первые в жизни книжки. Окажется, что у нас один знак Зодиака и даже один День Рождения в прекрасном весеннем месяце Апреле, который на иврите называется Месяц Нисан. И имя твое Нисан, в честь этого, любимого мной, месяца.

А потом были дожди, и в твоей машине за плотно закрытыми стеклами весь город казался забрызганным каплями дождя, и уже не было куража, и я четко представляла, что всё, абсолютно всё, не так. Скажи, как ты мог по глазам определять, о чем я думаю? Знать и чувствовать то, что никогда не рассказывала тебе? Как ты мог общаться со мною на таком уровне подсознательного, телепатического понимания, что пугал меня этим? Где, когда мы пересекались в прошлой жизни? Зачем??? Нет, это был не флирт... И не роман... Это были встречи в «Антимирах», несущие в себе логику отрицания и сумасшедшую энергию притяжения. Мы не могли быть вместе.

Мой муж работал 24 часа в сутки, чтобы заново построить Дом, чтобы семья могла жить в своем привычном мире согласия и любви без неожиданных потерь и потрясений, которые так часто преподносит эмиграция. Я должна была работать и поднимать детей. Работа, эта мистическая категория в мире эмиграции становится Б-гом, Дьяволом, Шизофренией... Судьбой, подменяя другие чувства и иногда разрушая психику. Мы не могли быть вместе. У нас не было общей Судьбы, только месяц Нисан.

Праздник Пурим был первым нашим праздником в Израиле. Мы с мужем еще за две недели получили красивое приглашение, отпечатанное на прекрасной глянцевой бумаге с позолотой, с изысканной лазерной полиграфией.

Изумительная вилла в центре престижного района столицы, мраморные скульптуры и картины в огромном зале салона.

Приглашенные музыканты, фейерверк, гости в маскарадных костюмах. А я и не знала, что нужны карнавальные костюмы.

Весь мой шикарный вечерний наряд сразу поблек и скуко-

жился. Я была такой чужой, на этом чужом празднике, среди людей, говорящих на чужом языке, в чужом доме, за тысячи километров от своей привычной настоящей жизни.

Мне уже не хотелось танцевать, да и мелодии были не из моего «альбома».

Что могло быть общего у нас, воспитанных на разных сказках, в разных странах, говорящих на разных языках? Он, наверное, специально никогда не говорил мне о своем международном бизнесе, который получил по наследству, не борясь, не рискуя, не умирая от усталости, а просто так по праву наследства, и это ведь нормально. Мы танцевали, он что-то непонятное и красивое шептал мне на иврите, музыка заглушала, и ничего нельзя было разобрать, но что-то во мне оборвалось... Очарование растаяло... Магия взгляда уже не дразнила. Все ушло. Исчезло. Месяц Нисан, наш общий Знак Зодиака, затерян в «Антимирах». Нет, не СУДЬБА!

«Давай вечером умрем весело... »

Я вдруг увидела своего мужа, бесконечно близкого и родного, такого красивого и уверенного Там, всего несколько месяцев назад, а сейчас – бледного, безумно измученного стрессом нечеловеческих перегрузок. И я поняла, что никогда от него не уйду, не смогу, не позволю. Он курил, не глядя на развлекающихся в маскарадных костюмах израильтян. Он не видел, как Нисан усиленно развлекает меня под грустным взглядом своей супруги, он был весь в себе, и от этого на мои глаза навернулись слезы, которые еще через несколько секунд градом катились по лицу, смывая косметику, размазывая тушь и помаду, оставляя на губах соленый, незнакомый мне прежде вкус. Мы с мужем ушли, почти сбегали с чужого праздника, по-английски, не прощаясь.

Нисан никак не мог понять: ПОЧЕМУ?

Ирина Цыпина

Он еще долго звонил мне, объясняя, что он не «нудник» (есть такое словцо на иврите), что не в его правилах навязываться, но... В нормальном мире, в другой жизни, возможно, был бы красивый роман... Возможно, месяц Нисан был бы магическим общим Знаком, но в «Антимирах» эмиграции другая цена человеческих отношений, другой отсчет и другая философия любви.

Прости меня, Нисан, за те несостоявшиеся встречи.

Прости за роль, сотканную из нечаянных слов и жестов, абсурдности поступков и пряных запахов цветов, которые ты дарил мне на том перекрестке; роль, которую я написала в тот душный, хамсинный вечер, но так и не решилась сыграть.

Вот и все. Ее случайные откровения, записанные на кассету, ее недописанный роман, – все небрежно брошено, перечеркнуто и навсегда забыто, чтобы никогда не вернуться на этот перекресток, где иногда предают даже самые близкие и родные люди.

ВИРТУАЛЬНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК

(Ироническое подражание современной Прозе)

Давай встретимся на Home Page сразу после утреннего кофе, взлетим на скоростном лифте Favorites и по лабиринтам компьютерной памяти, по зигзагам и поворотам выбранных мной Links доберемся до места нашей первой встречи на этом запутанном Net – паутиной виртуальном перекрестке. Давай ненадолго сбежим от наших проблем в легкомысленную игру, войдем в кураж и посмотрим на мир чуть-чуть несерьезно; чуть-чуть нездешними глазами, ведь в этом особая прелесть..., когда тебе за 25...

И прости мне хаос в My Documents, я не успела привести в порядок свою работу, и все файлы беспорядочно перетасованы на экране, и выдают мою безалаберность и стойкое неприятие Arrange Icons, когда, как на линейке в пионерлагере, – затылок в затылок, выстроились «by Type» строгие DOCs и скучные трехмерные 3D DWG, талантливые выскочки HTML, нервно экзотические фотографии JPEGs и мутноватые лики GIF Image; озорные, прикольные Флэшки, холодно-протокольные TXT, важно-чопорный академический «JavaScript», и еще, и еще, и еще....

Лучше устроим аттракцион из всего этого хлама, найденного на дне Recycle Bin, или приготовим «любимое блюдо» для виртуального отшельника... Ты любишь Shopping? Большой Мол, зеркальные стекла в Атриумных пространствах, экзотические растения, Вкус и Изыск, Полет и Дизайн, а еще – изобилие всего, чего Там и не снилось...

Я предлагаю тебе свою версию Shopping: это мой Любимый Photoshop, в котором перемешалась вся палитра наших чувств, талантов, эмоций, расцвеченных сумасшедшим количеством цветов и оттенков, только не растеряйся в этой радуге, не уйди в бесконечность, не растворишься в 100% -й прозрачности всех этих слайдов, создающих ирреальное ощущение настоящего. А чтобы не скучать зайдем по пути на Сайт Реальной Музыки, и Winamp media files будут озвучивать нашу прогулку по Интернету; так Что выбираем?

– ОПИУМ...!!!

Только не пугайтесь, ведь мы о музыке...

«Музыка – это опиум для НИКОГО...»

Мы просто играем в компьютерный Декаданс...

И в этом клипе «Агаты Кристи» с завораживающими звуками мы растворимся на минуту, позволим себе релаксацию наших оголенных нервов, заблудимся в нирване летящих фраз и отточенных интонаций:

– Намажь ресницы губной помадой,

А губы лаком для волос...»

Под звуки музыки нарисую коллаж, по всем правилам современной технологии творчества:

На грубый холст нанесем слой сусального золота 14-ти карат и начнем действо Мастера красками, маслом, рельефно и выразительно... С применением гипса и засушенных цветов и листьев, когда состояние природы впечатывается в сверкающее пространство разлитого золота, чтобы отвлечь и обмануть, ничего не рассказать, но проиграть свой сюжет по всем правилам искусства недосказанности...

А потом – Click, и будем веселиться до утра в виртуальном клубе на 130-м этаже: в новый файл элегантно впишем Верлибром новое стихотворение и пойдем празднично шататься дальше по Интернетному пространству, споря и прикалываясь на Форумах и Чатах, считывая чьи-то откровения и путаясь в адресах и названиях....

И не сжимаю мои мысли WinZip-ом, не тороплюсь сказать:

– «I Agree»

А вдруг я потом не смогу выйти из этой компрессии?

Мне иногда кажется, что мой компьютер одушевлен, он заполнен моей энергией, моими мыслями и тайнами... Я боюсь его, как близкого друга, от которого нет секретов... По сути, он Пришелец из другой Информационной Системы, и еще потребуется много времени, чтобы Его понять до конца. А вдруг уже создана крутыми хакерами программа, способная считывать мои мысли из разбросанных файлов и обобщать их методом селективного отбора? И эта таинственная программа методом обратной связи по специальным кодам будет воздействовать на мою психику и управлять мной через Интернет, кодируя сознание и блокируя волю?

Не согласна!!!

Лучше буду слушать музыку:

«Убей меня, убей себя... Ты не изменишь ничего...» – предупрекает «Агата Кристи».

Извивается в кокаиновых конвульсиях солист этой загадочной группы, и мне страшно и непонятно: ну какая связь между

этой странной песней и мной, такой далекой уже от этой тусовочной суеты поколения Next?

Так стоит ли надолго уходить в эти бездны холодного Космоса, ведь в лабиринтах компьютерной Памяти можно оставить, случайно обронить сколочек своего Я, не защищенного экран-ным щитом. А мы все так беззащитны!

Я подхожу к заветной кнопке START, нетерпеливо нажимаю на Shut Down, выбегаю из этого запыленного электронами пространства, вдыхаю чистый воздух осени и говорю себе: «Никогда!!!»

Но понимаю, что уже завтра не смогу без этого опиума...

– Так когда встретимся у рубрики File на Home Page?

– В то же время, после утреннего крепкого двойного эспрессо, и никогда не говори мне «НИКОГДА».

ЭМИГРАЦИЯ МУЖЧИНЫ

(очень личный мужской дневник)

short-short

Ты хочешь узнать еще что-то об эмиграции? Тебя можно еще чем-то удивить?

Как ни странно, но эмиграция мужчины в тысячу раз страшнее, коварнее, трагичней... И не возражай, я ведь знаю. И вовсе не тяжелая непривычная работа, не унижительные, изматывающие поиски её, не чужая грамматика и непонятные глаголы, не пустое, холодное съемное жильё... не презрительные взгляды старожилов... Даже не извечный вопрос «Зачем???»... Даже не испуганные и такие взрослые глаза нашего ребёнка ... Оставим всё, как есть, в нашей памяти, на негативе непроявленной фото-плёнки, чтобы НИКОГДА...

А ты сразу, очень по-женски, взрываешься и зло предъявляешь мне длинный список претензий, сотканный из отчаяния, усталости, разочарований и другой мути, с которой тебе, увы, по закону жанра пришлось столкнуться с лихвой ...

Прости. Но постарайся услышать, ты ведь всегда меня понимала. Правда?

Только сначала закурим, хотя два года, как бросил... Горячий кофе на мгновение согреет душу, и я опять увижу тебя Там, потрясающе классной, и попрошу прощения за всё, чего не смог... Спасибо тебе, что ты есть, и спасибо абсолютно не за то, что говорят другие мужчины своим самым любимым женщинам. Только не вскипай, не сердись, мне так важно, что ты рядом, что ты – это я... И не переживай из-за всяких пустяков... что не купила ту мерцающую пеламутром нитку черного жемчуга, которую так внимательно разглядывала в эксклюзивном бутике «Stella McCartney». Поверь, это даже смешно... Неужели это еще так важно для тебя? Ты просто послушай, ведь я все эти годы молчал, а молчание так отравляет... Ты меня слышишь, родная?

Она не слышала его и не хотела слышать уже очень давно...

С того самого злополучного дня, когда в тесном прокуренном вагоне она вдруг впервые ему, такому сильному и надёжному, не поверила!!! Интуитивно она уже знала, понимала, чувствовала, Что они теряют под стук безразличных колёс, оставляя себя, как фантомы в фантастическом фильме об искривлении Времени.

Почему не остановила его? Как смогла перешагнуть через порог их квартиры, где они были так безмерно счастливы?

Как смогла отдать ключ чужим людям так необдуманно и легко? Почему не порвала билеты, не вышвырнула из вагона чемоданы, не нажала на стоп-кран и не остановила состав, не устроила истерику, не отказалась ехать? Сколько бесполезных вопросов...

Почему-то без всякой логики он вспомнил когда-то услышанный рассказ об известном дикторе сталинской эпохи. Его семья имела сефардские корни и покинула Испанию во времена испанского изгнания евреев в XV веке. Был оставлен огромный, очень красивый, дом в Толедо и, как реликвию, семья все эти столетия бережно хранила и передавала из поколения в поколение ключ от дома в далёкой Испании. Когда приходили в московскую квартиру близкие друзья известного диктора, он извле-

кал из заветного тайника ключ от дома в Толедо и позеленевший от времени, нереально тяжелый медный ключ излучал какую-то жгучую тайну...

Кремлёвский диктор никогда не бывал в загадочном далёком Толедо, никогда не видел этот дом и даже не знал, существует ли он физически, уцелел ли в потоке времени. Но ключ от дома, который помнил еще времена королевы Изабеллы, был для него мистическим символом, талисманом Судьбы, заговоренным на удачу, святой памятью всех поколений их семьи. Ключ от Дома... Многие ли из нас хранят его в самом тайном и надёжном уголке своей памяти?

Вы еще помните, как выглядит ваш Ключ от Дома, вы его узнаете? Ведь в нём еще играют биотоки ваших пальцев, вы еще живёте Там, откуда давно ушли....

Эмиграция мужчины – это такая драма, о которой даже невозможно рассказать, не хватит слов и нервов... И не потому, что трудно физически, а потому, что даже «поднявшись» (какой убогий жаргон), до конца дней ты не освободишься от ощущения того, что чужой. Как в законах биологии, не из стаи. Ты даже представить не можешь, как страшно мужику, сразу и вдруг, в самом расцвете сил, почувствовать свою ущербность. И это не только смешной акцент, незнание ментальности или истории другой страны, это глубинное самоощущение; это то, что не поддаётся определению, но ранит и деформирует душу, мучает, ослабляя волю и психику ... Но этого я тебе не расскажу, я буду молчать, да и ты меня не поймёшь.

Я просто включу зажигание и на полную мощь, по памяти, мимо постов полиции и на красный свет, мимо чужих небоскрёбов, лавируя и петляя, мимо чужой жизни, в потоке которой так легко захлебнуться, мимо чужих святынь и ненужных мне знаков, мимо памятников чужой архитектуры и чужих банков... Я припаркуюсь совсем рядом с вокзалом, возле круглой светящейся башни «Азриэли», пересеку сверкающий в темноте мост из тончайшей голубой стали и окажусь в старом парке, возле станции метро «Советская»...

КОФЕЙНАЯ РОССЫПЬ В АРОМАТЕ ВРЕМЕНИ

*«Для получения ароматного кофе кофейные
зерна надо обжарить на сковороде, непрерыв-
но помешивая, до появления на них маслянис-
того блеска
(«Книга о вкусной и здоровой пище»)*

Процесс приготовления кофе сродни колдовскому обряду: не отвлекаюсь, не сержусь, в дымящемся, обязательно пенном, напитке растворяюсь и тону, и только тогда, когда кофе готов, подаю, как Праздник. На мое любимое перламутровое блюдо я поставлю фарфоровый кофейничек, белый до прозрачности, белые, как игрушечные, чашки на маленьких блюдечках и хрустальные стаканы с ледяной родниковой водой. Шоколад, лучше горький... И лимон, желательно зеленый... Ну а теперь, по капле наслаждаемся божественным напитком, и на кофейной гуще на тонком прозрачном фарфоре вдруг проступит россыпь тех дней, легких, как кофейный аромат...

И сразу захочется говорить стихами:
Красивый был роман,
Как будто бы вчера,
И полуслов туман,
И полуфраз игра....

А потом? На мириады осколков... И не собрать, не склеить,
не вернуть...

Свинцовой стеной осенний дождь висел над городом. Остановка метро была совсем рядом, возле Детского Мира, за поворотом, и Лине ничего не оставалось, как броситься в холодное

мокрое пространство дождя. В сумерках, в тусклом свете неоновых фонарей лица прохожих были неразлично одинаковы, серые капли дождя догоняли ее на бегу, объединяя с этой усталой толпой и бесконечным пронизывающим дождем. И только осознание, что уже через час она будет пить крепкий обжигающий кофе и в лицах рассказывать мужу и сынишке обо всех приколах своих студентов за этот длинный понедельник, согревало ее. Они все вместе будут хохотать, как дети, им будет так легко, так хорошо, как всегда. На кухне будет витать домашний дух поджаренных тостов, будут звенеть, перебивая друг друга, вечерние телефонные звонки, на телеэкране появятся очередные сыщики и респектабельные убийцы из недосмотренных сериалов, непрочтенные газетные новости, нерешенные кроссворды, мерцающий Интернет..., ее мир, такой простой, безмятежный, понятный.

Stop!!! Кто-то резко схватил ее за руку, от неожиданности Лина остановилась. Электрический разряд молнией пронзил мгновенно, не давая опомниться, сбивая на ходу мысли и опрокидывая память...

– Мадам, это вы? Привет!

– Сергей?!!! Не может быть!

– Может, все может быть, Линка! Я так и знал, что встретимся, чувствовал... – рокотал знакомый, с хрипотцой, бас.

Как странно видеть *его*, так давно ушедшего из ее жизни. А ведь действительно прошло лет пятнадцать... Он называл ее Жасмин, наверное, за дурман этих любимых ею цветов, когда весь город тонул в белой пене чарующего весеннего наваждения и они были так счастливы, как это бывает только в ранней-ранней юности.

– А ты совсем не изменилась... – спорил он с неопровержимой логикой времени или просто красиво лгал.

«Зачем? Или вечером под дождем не видна предательская паутинка вокруг ее глаз? И как удачно, что именно вчера она

сделала модную стрижку, и обветренные пряди продуманно небрежных светлых волос создают обманный шарм легкомысленной уверенности, которую мы все так легко теряем, не признаваясь в этом даже себе. Ты этого не узнаешь...» – у Лины пронеслась в голове целая вереница вопросов, но вслух произнесла самое банальное, незначащее:

– Ты тоже, все такой же ... Серый! Ну рассказывай, в каком звании? Военной карьере развод не помешал?

Знакомый серебристый смех.

Дразнящий тон, ненужные вопросы... А ведь сама отлично знает, что из-за нее все бросил к черту, уехал на Север, куда глаза глядят... Будущее, карьеру швырнул к ее ногам, таким ослепительно стройным тогда, в этих сумасшедших мини.

Сколько лет он не был в этом городе, в этой уже незнакомой жизни! И как подарок из прошлого, эта встреча... Жасмин ... Он молчал, не находя нужных слов...

Лина заметила все: и легкую седину на висках, и безупречный костюм, и дорогой парфюм от Гуччи, и усталость в серых, почти стального цвета, глазах. Она уже слышала от общих знакомых, что Сергей работает реставратором в музее, коллекционирует раритеты живописи – бывший ее военный мальчик, а сегодня хранитель древностей, как странно...

Он рисовал за нее задания по спецкурсу живописи, а сегодня она эту живопись преподает, а он, так и не став военным летчиком, живет в мире холстов и красок, в мире композиций и оживающих образов; все перепутала жизнь. Тогда из летного училища он убегал в самоволку к ней, какой это был кураж, какой драйв! В памяти кружится, кружится медленный зыбкий снег той их первой зимы. Снег падает на ресницы, губы, слова, стихи...

Ах, книжные слова,
И дружба по Ремарку,
И непонятный спор
Про осень Патриарха...

Их слова замерзают в снегопаде и растворяются навсегда в том снежном городе, расцвеченном сверканием вечерних огней, искрящегося снега и легкомысленной свободы, пьянящей и такой неуправляемой, дерзкой, даже жестокой, от непонимания жизни, от незнания простых истин, от молодости, что до поры так бездумна и прекрасна... Прощай, Жасмин! Прости...

– Женат?

– Был дважды... Но ты же знаешь, что по жизни я – одинокий волк... А вот дочку зовут почти как тебя – Лена, она на тебя очень похожа и тоже обожает жасмин. Ты иногда вспоминаешь?

« У нее все та же манера щурить глаза и загадочно гипнотизировать, считывая мысли, твоё самое потаенное и непроизнесенное вслух... Те же детские пальцы, от волнения сдавливающие едва заметную синюю жилку у виска, и то же янтарное ожерелье...»

Это ожерелье из темного прибалтийского янтаря они покупали много лет назад вместе на пустынном зимнем пляже в Сигулде. Медовый янтарь отражался в ее светло-карих глазах, излучал загадочное янтарное свечение, в котором она казалась такой божественно красивой и совершенной, какой не была никогда. А потом на всех картинах, которые он рисовал или реставрировал, глаза самых разных женщин из разных веков и эпох светились Ее янтарным теплом, и это ужасно раздражало его. И он сопротивлялся и не мог понять: почему этот разлитый янтарь разрушает его талант, его индивидуальность, делая заурядным шаблонным художником, подмастерьем, который непростительно долго рисует один и тот же портрет? Повторяет тебя, Лина...

– Ну и как жизнь?

Лина нервно теребит светящийся в темноте янтарь...

Янтарные камни так же горели на ней, когда она в последний раз ушла от него, растворилась в черном пространстве дверно-

го проема их съемной необжитой квартиры, их такого недолгого Рая... Он тогда почему-то вспомнил «Черный квадрат» Малевича. И в самые тяжелые минуты своей не очень удавшейся жизни мысленно всегда возвращался к этому шедевру русского авангарда, ощущая на себе всю мощь безумной энергии черного, пугающего пространства, в которое ушла она, его Жасмин...

Он помнил все подробно и четко, она помнила тоже все: ощущение Праздника, бесконечного и прекрасного, который в памяти так и остался одним потрясающим Днем в жасминном дыму, понятным только им и для них ... И как же не уберегли? Как легко отказались, предали, расстались...

Он помнил, помнила она – скандалы и крики, истерики и упреки, среди которых они искали губы друг друга и в приливе бешенства падали в объятия, энергетически заряжая себя и пьянея от смеси чувств, эмоций, нервов и еще чего-то, чему нет определения, но что пьянит и отключает психику.

По молодости они еще не знали, что нельзя завладеть любимым человеком полностью, – это никогда не приводит к добру. Человеку не дано завладеть Судьбой ближнего, и в любом подчинении присутствует горькое отторжение... Сжатая пружина дала обратный ход, и еще не построенное Счастье – вдребезги, на миллиарды осколков... чтобы потом через столько лет стоять под дождем, не отпуская друг друга.

– Давай сегодня устроим Праздник!

– Отметим нашу встречу и отменим все, что не связано с нами.

– Выбирай, куда едем? Ну, решай...

– Невозможно....

А память прокручивает их прошлое снова и снова, как полустертый черно-белый фильм в стиле «ретро».

Первая встреча, случайная, неназначенная, произошла на самом известном в городе перекрестке – у памятника Шевченко, в тени плакучих ив и в брызгах музыкальных фонтанов. В то далекое жаркое майское лето студенты архитектурного во вре-

мя сессии, умирая от жары, прямо в струях фонтанов составляли шпаргалки и учили билеты. А потом шумной толпой шли есть мороженое – пломбир со взбитыми сливками, в модный, только что открывшийся, молочный бар «Кристалл». И вдруг... Click!!! Долгий бесконечный взгляд глаза в глаза, короткое замыкание – и ломается трехмерное пространство...

Они идут мимо мраморного памятника Тарасу Шевченко. В группе героев скульптурной композиции выделяется молодая, красивая и очень живая Катерина с младенцем на руках (несчастливая, обездоленная муза украинского поэта).

Скорбное лицо, всезнающий взгляд Богородицы, Сикстинская Мадонна... Она, неземная и вечно юная, бредет по острым камням испытаний, не зная, что молоденькая балерина, позировавшая в 35-ом известному скульптору Манизеру, уже успела состариться и длинными зимними вечерами пьет чай с рябиновым вареньем с мамой подружки Тани, и все-все, что осталось у бывшей актрисы, сыгравшей на сцене сотни ролей, – одна ее единственная роль в мраморе... Лина и Сергей любили бывать в этом старомодном, сохранившемся после всех бурь, революций и войн, особняке, затерявшемся в кварталах современного города. Листали чужие альбомы и пожелтевшие афиши, среди старинных картин, случайно уцелевших вещей, у давно потухшего камина слушали о Времени, в котором жила девочка-балерина, в котором она была любима и знаменита, о том, как тогда жили и как выживали.

Нет уже давно таниной мамы, бесшумно ушла балерина, где-то в других далеких странах живет и очень давно не пишет и не звонит подружка детства Таня, но каждый раз проходя мимо мраморного памятника, Лина чувствует на себе взгляд Катерины, которая помнит ее и Сергея вместе в то самое лучшее на свете лето. Сквозь точеные мраморные черты вдруг проступают черты живой, старой женщины, которая что-то важное хочет сообщить Лине, но – мистика! – на площади всегда так многолюдно, и Лина никогда не слышит ее слов...

Дождь усиливался, переходя в мокрый снег, а они все стояли на ветру...

- Где же ты была столько лет?
- Сейчас все было бы по-другому.
- Еще не поздно все начать сначала.
- Господи, не потерять бы снова...
- Как все по-разному: с тобой и без тебя...
- Я так долго ждала...
- Не уходи...
- Завтра с утра, ровно в девять, у меня свободный день. Сможешь?

– Да, да, конечно, смогу!

Они никак не могли расстаться, разъединить губы, руки, судьбы.

А назавтра, выкуривая третью сигарету в тщательно продуманном макияже, в своем любимом лайковом костюме бирюзового цвета, Лина растерянно стояла у зеркала в прихожей, не решаясь выйти навстречу Сергею. Назначенное время уже давно прошло, а она все стояла у двери в прихожей. И не было ни радости, ни горечи, не было чувств, не было слез... Может, это и был наркоз Времени?

Сергея не удивило, что она не пришла; скорее, он был к этому готов. Его, конечно, зацепило и, возможно, обидело, что она заставила так бесцельно долго себя ждать. На бешеной скорости он уверенно лавировал в потоке машин, удаляясь от перекрестка их несостоявшейся встречи. На душе было спокойно и легко, как никогда... И это ему самому казалось предательством, странным и неуместным.

Тем временем на безупречно-белом фарфоре перевернутой чашки проступили загадочные кофейные разводы, которые неожиданно сложились в стихи, написанные задолго до их первой встречи:

*И как преодолеть неданность,
Всю и сложность?
И как себя простить,
И как найти возможность?*

Стихи навсегда ушли из их жизни, впрочем, как и дурман цветущего весной жасмина.

GOOD BYE, NOSTALGIA...

Я закрываю дверь. Закрываю тему. Самый сложный и трудный период моей жизни завершен. Противоречия и неудачи, открытия и преодоления, победы и разочарования Эмиграции, которую чиновники лукаво нарекли «репатриацией», ВСЁ, чем так долго жила, останется там, в островках моей памяти, в компьютерных файлах и в разобщенных строчках, которые не претендуют на стихотворный изыск стилиста или литературного «профи», но написаны кровью, нервами, навзрыд... Еще одна ступенька самопознания и самопреодоления взята; верю, что опыт и мудрость этих непростых лет будут хранить всех нас от житейских невзгод и других потрясений. Дай Б-г...

КОНЕЦ

Ирина Цыпина (Азаренкова)
Бегство из рая.
Emigration.ru

Рассказы, эссе, новеллы

Редактор *Эвелина Ракитская*
Свидетельство о регистрации издательской деятельности
№304770000035725 (Москва). Издатель **А. Д. Богатых**. Гарнитура
“Times”. Объем: 12,5 уч. изд. л. Тираж 1000 экз.
Тел. представителя в Израиле 0544-953-961
Сайт издательства: <http://www.era-izdat.com>

Мы будем рады Вам и Вашим отзывам и книге
Ирины Цыпиной

Контактные координаты автора:
irinatsypin@bezeqint.net

Контактные координаты издательства и редакции международного
литературно-художественного рекламного журнала «У»:

Москва: baemist@online.ru; тел.+7(926)-227-99-25

Тель-Авив: 0544-953-961; era-telaviv@list.ru

evelin1@013.net.il

сайт: [Http://www.era-izdat.com](http://www.era-izdat.com)

На сайте издательства можно познакомиться с книгами наших
авторов, найти ссылки на их персональные сайты и странички в
интернете, узнать о презентациях наших книг в Москве и Израиле, о
других проектах издательства.

Уважаемые читатели!
В 2005 году мы издали книгу «120 поэтов русскоязычного Израиля».
Познакомиться с произведениями авторов этой книги, а также с
новыми авторами пополняющейся коллекции
русскоязычной поэзии Израиля можно по адресу:
www.era-izdat.com/priboii.htm
Мы будем рады рассмотреть произведения новых авторов.
Заказать книгу, прислать свои стихи можно по адресам:
bella112@bezeqint.net
evelin1@013.net.il

В 2003 году нами создан международный литературно-художествен-
ный рекламный журнал «У» (выходит в Москве, рассылается авторам,
критикам, творческим организациям разных стран).
Цель журнала – пропаганда некоммерческой литературы и изобрази-
тельного искусства. Связаться с редакцией журнала и узнать об
условиях публикации можно по адресам:
baemist@online.ru
niw@niworld.ru
evelin1@013.net.il